

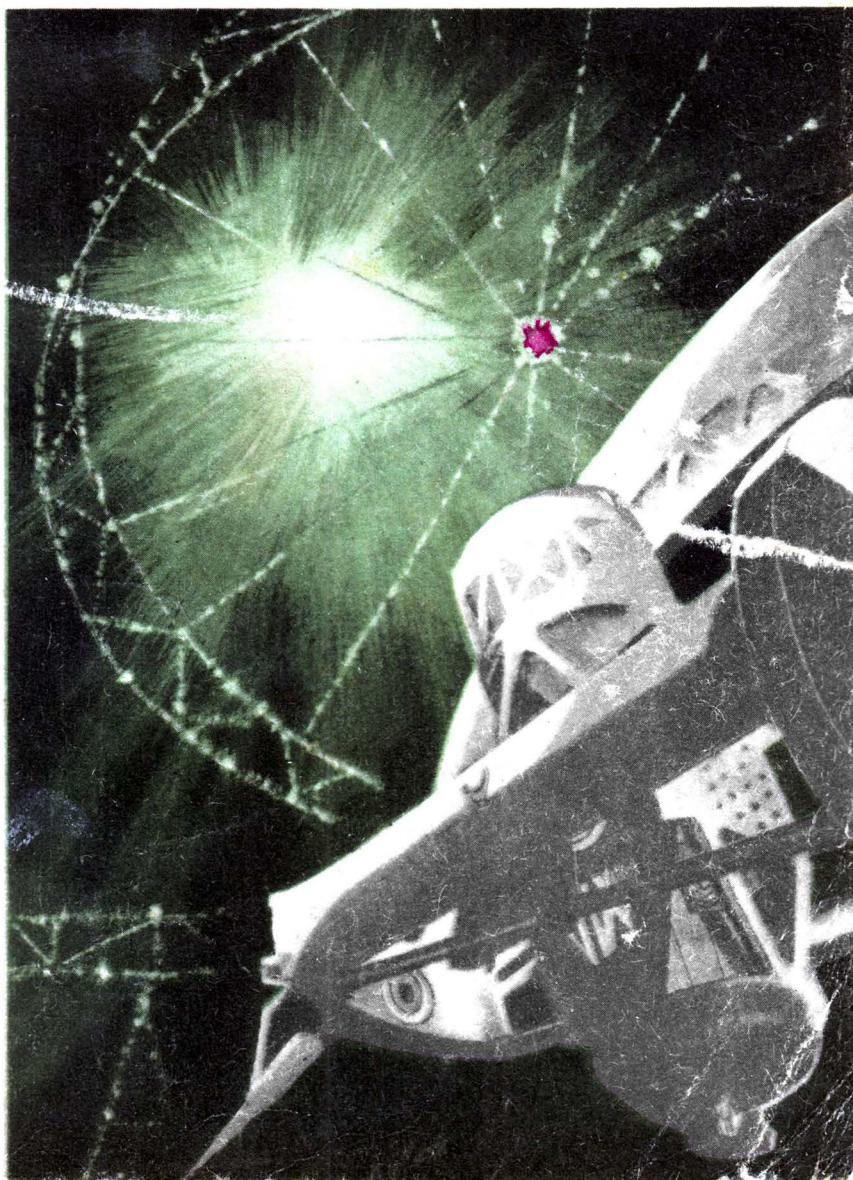
2
965

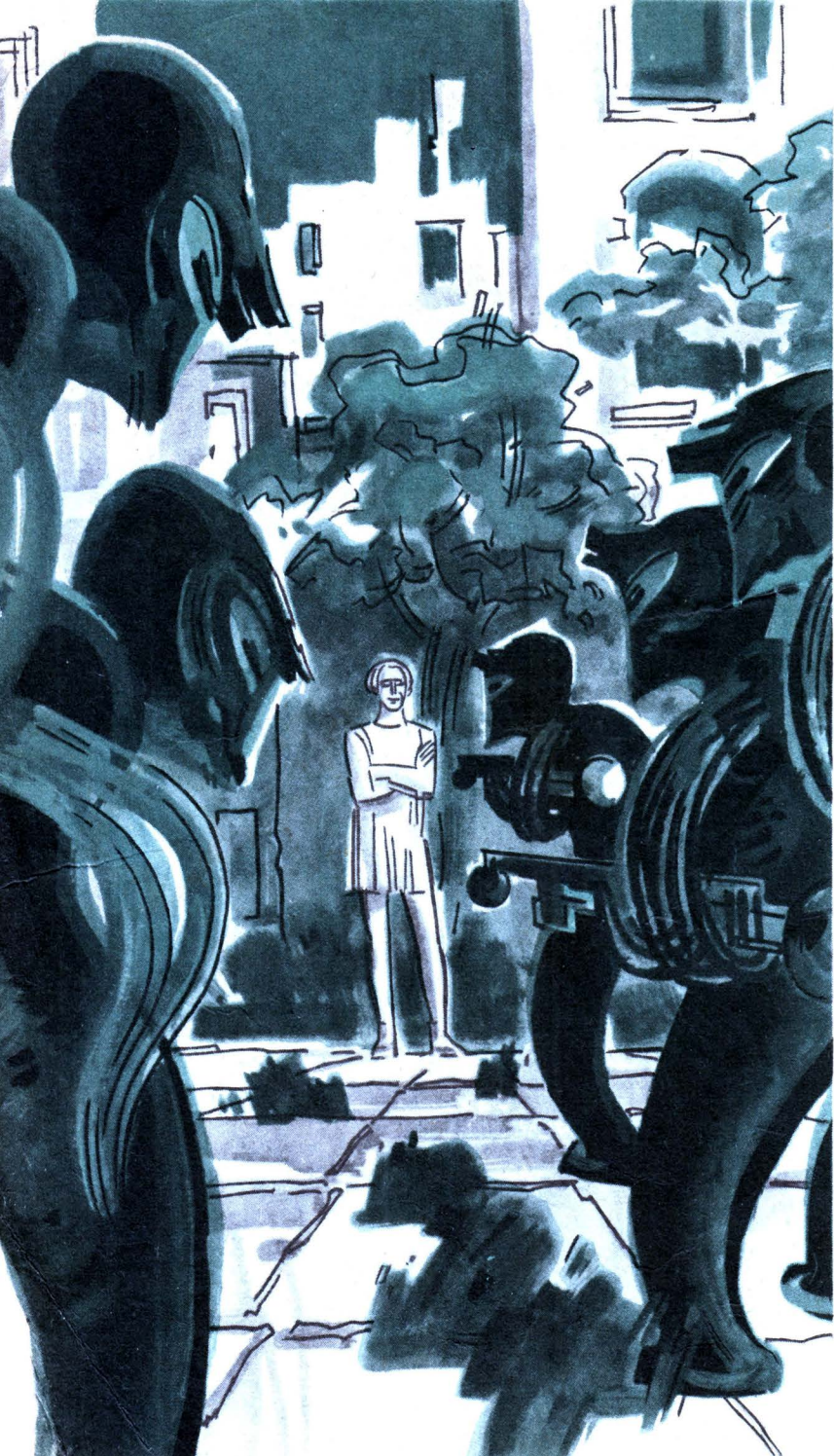
ИскаТЕЛЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Сергей ЖЕМАЙТИС. Бешеный «тигр»	2
А. Е. ВАН-ВОГТ. Чудовище	25
Рэй БРЭДБЕРИ. Диковинное диво	41
А. КИТАЙГОРОДСКИЙ. Вперед — от- крытия	54
Глеб ГОЛУБЕВ. Огненный пояс	62
Герман МАКСИМОВ. Вероятность рав- на нулю	85
А. АДАМОВ. След лисицы	91
А. ЯКОВЛЕВ, Я. НАУМОВ. Тонкая нить	108
Из блокнота «Искателя»	134
А. КОНАН-ДОЙЛЬ. Берилловая диа- дема	137
Р. ПОДОЛЬНЫЙ. Липрандо и Его- ретти	156

№ **2** (26)

1965
ПЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

С. Жемайтис воевал под Москвой, Старой Руссой, на Втором Украинском и других фронтах. Был солдатом, затем офицером.

Автор нескольких книг.

— **К**сюша? — спросил Иванов. — Быть не может! Вот дела! Тут немцы, танки и она еще в придачу.

Ложкин, не отрывая глаз от бинокля, ответил:

— Да, это она. Умница! Видишь, вначале шла по той стороне дамбы, а потом перебралась через бетонную трубу на нашу сторону.

Иванов протянул руку.

— Дай-ка взгляну, неужели что с Кирей стряслось? Сидим тут себе, как в доме отдыха.

— Зря мы согласились оставить его у старика. — Ложкин снял с шеи ремешок и протянул небольшой цейсовский бинокль.

Иванов разглядел девочку среди высокой болотной травы, она перебралась уже через заросшую камышом топь и, низко

Рисунки

Д. ДОМОГАЦКОГО

пригибаясь, быстро шла прямо на их крохотный островок, затерявшийся посреди заболоченной низины. Мелькнуло ее смуглое, испуганное личико и скрылось в траве. Иванов стал осматривать деревню на бугре. Из деревни выехал грузовик с крытым кузовом и, пыля, покатил по дамбе. У кузницы два фашистских солдата бегали вокруг танка и ловили белую курицу, третий стоял, держась за бока, автомат мотался у него на шее.

— Будто все спокойно, — сказал Иванов, опуская бинокль.

— Нет, что-то с Кириллом неладно.

Они молча с тревогой ждали девочку, думая о раненом товарище.

Кирилла Своейского ранили в ногу еще при переходе линии фронта. Несколько дней он крепился, говорил, что рана пустяковая; пробита мякоть ноги. Но сказались большие переходы, ночевки в поле, по сырым оврагам, в лесу. Нога разболелась. Прошлую ночь они несли его.

СЕРГЕЙ ЖЕМАЙТИС

БЕШЕНЫЙ „ТИГР“

Рассказ

И вот под утро наткнулись на деревушку, где не было гитлеровцев.

Кирилла взялся выходить старик кузнец.

— Я его так спрячу, что сам не найду, — шутил он, отечески поглядывая на разведчиков. — Не беспокойтесь, товарищи, выходим мы с Ксюшей вашего Кирилла. До вечера на сеновале полежит, а ночью в лес свезу, там у меня пасека. Жалко, сейчас нельзя ехать, туман скоро разойдется. Курорт, а не пасека. Может, и вы надумаете, денек другой поживете? У нас тихо. Вчера разве ихний разъезд на мотоциклах заглянул. Толклись по избам, побормотали что-то и умчались назад по дамбе. Теперь не скоро опять заявятся. Ну как, может, и впрямь поживете у нас?

К великому неудовольствию Иванова, Ложкин наотрез отказался от приглашения кузнеца. Задание выполнено. Нужно было как можно скорее возвращаться.

— Раз такой оборот, то придется вам днествовать в болоте. Правда, островок там есть, сухой довольно. Ксюша проводит вас.

— Мы и сами найдем, — сказал Иванов, недовольно хмурясь.

— Ни в коем разе. Заблудитесь. Весь день в воде по шейку просидите, а вам выспаться надо. Вот возьмите хлеба, сальца.

Тоненькая девочка сидела на кровати, натянув на плечи одеяло, и не спускала огромных глаз с Иванова и Ложкина.

— Не дай-то бог еще в трясины забредете, — сказала она и спрыгнула с кровати, — а я тут все тропки знаю: через этот островок мы в дальний лес по ягоды ходили. Когда в Горелихе еще фашистов не было.

— Лесом до Горелихи, если в обход, — пояснил кузнец, — верст пятнадцать с гаком, а напрямки через болото и пяти не будет. Ну идите, пока туман не разошелся. Хотя в деревне народ у нас хороший, да, может, чужой кто гостит. Лучше уж поберечься. Береженого, говорят, и бог бережет.

Кирилл Свойский на прощание сказал:

— Ох, и местечко вы мне подобрали, ребята! Всю жизнь мечтал жить в такой деревне среди лесов. Птицы поют, слышите? И войны нет. Как на необитаемом острове. Через недельку выйду из ремонта в такой обстановке.

— Только без фокусов, Кирилл, — предупредил Ложкин, — нам вряд ли удастся побывать здесь еще раз до наступления.

— Само собой. Будем пчел разводить с дедом. Вот не думал.

Иванов помог ему забраться на сеновал, и Ксюша долго вела их в густом утреннем тумане по невидимой тропинке среди сизых от росы камышей.

Девочка привела их на островок и сказала:

— Ну вот, тут вам будет хорошо. А я пойду. Вы еще придете?

— Придем, — Иванов погладил ее по мокрой голове, — непременно придем. Только ты ни-ни, никому...

— Разве можно! — Ксюша вспыхнула от обиды и убежала.

Взошло солнце, ветер разогнал туман, разведчики проснулись мокрое обмундирование и, обманутые тишиной, уснули на мягкой влажной земле. Проснулись они около полудня и увидели, что в деревне враг. И вот сейчас к ним бежит Ксюша с какими-то вестями. Видно, с худыми...

Девочка влетела на бугорок задыхаясь. В испуганных глазах мелькнула радость:

— Ой! Вы тут, а я-то думала... — Она упала на землю. Ее подняли, напоили водой из фляги.

— С Кириллом что-нибудь? — спросил Иванов.

Она часто закивала.

— Пусть успокоится, — сказал Ложкин.

— Нет, нет, я ничего... Я сейчас...

— Успокойся, Ксюша, — Иванов протянул флягу, — попей еще.

— Нет, нет... спасибо... танкисты его...

Иванов схватился за голову.

— Предали Кирюху! Эх!..

— Нет, не предали! Как вы можете так!

Глянув в ее большие серые глаза, Иванов забормотал:

— Да не про тебя я, не про деда. Кто-нибудь...

— Никто не предавал! Нет у нас в деревне предателей! Слышите? Нет!

— Ну, ну... Прости, Ксюша. Как же тогда?

— Сам он! Может, ничего бы и не случилось, если бы оставался на сеновале. Сам оттуда спустился. Видать, не хотел, чтобы его нашли у нас. Хороший он человек! — Она опять так взглянула на Иванова, что тот опустил глаза. — Мы и не заметили, как он спустился. Дедушка ушел в кухню, а я обед готовила на летней кухне. Он пополз сначала через огород, потом через канаву и в крапиве спрятался. А тут как раз танк прикатил со станции, и не по дамбе, а с той стороны. Остальные застряли... Санька Бармин говорит, что мост возле Захаровки вместе с «тигром» провалился. Это же «тигры». Один возле нас остановился. Вылезли из него четыре фашиста — и к нам в дом. Стали повсюду шарить, даже в кастрюльки заглянули. Гогочут. С ними собака тупорылая. Страшная-престрашная. На меня как зарычит. Прогнали ее. Заметили лукошко с яйцами, аж заплесали. Один стал яичницу жарить. Другой водку принес — вот такую бутылку. К нам на стол ставит, будто дома. Третий сел, как барин. А четвертого нет. Вышел. В погреб, думаю, полез. Вышла поглядеть, слышу, пес ихний в крапиве лает, хрипит аж. А к нему тот самый четвертый бежит и револьвер из кобуры тянет. Подбежал и давай что-то вопить по-своему. А из крапивы — бац, бац! Он и свалился. Те трое сначала не обратили внимания, потом один глянул, стал звать: «Ганс, Ганс!» А тот Ганс, оказывается, не убитый, а только раненый. Поднимается из канавы, за плечо держится. Остальные, как увидели его, пистолеты повыхватывали. Галдят. Потом стали окружать крапиву. Не стреляют, а в них из крапивы — бах, бах!..

— Из пистолета? — спросил Иванов.

— Наверное. Такое вот ружье дедушка спрятал. — Она показала на автомат Иванова.

— Это теперь не имеет уже значения, — сказал Ложкин.

— Он еще не погиб, — перебила Ксюша.

— Схватили?

— Да. Привели к нам во двор. Он упал и лежит. Весь как есть в крови, рука прокусанная. Два немца его привели, а третий раненую собаку принес и на мою кровать положил. Дядя Кирилл долго лежал, глаза закрытые. Потом открыл глаза, увидел меня... И улыбается... Смеется

даже, будто ему нисколечки и не больно. Говорит: «Жалко, нечем их больше было... Ребятам передай — не сдался я. Собака... зараза... руку вот мне... Одной отстреливался, а вот обойму не смог заменить. Автомата не было...» Говорит, будто бредит, а сам в небо смотрит. Потом Санька Бармин прибежал, дерг меня за платье: дедушка, дескать, зовет. Побежала в кузницу. Ну и дед послал к вам. Велел передать: облаву ждите. Скорее уходить вам надо в лес за болотные выселки. Если долго в лесу пробудете и есть нечего станет, то на краю выселков дом есть с желтыми ставнями. Там тетя моя живет, Елена Ильинична. Она вас накормит и схоронит. Только скажите, что Василий Михайлович послал. Дедушка, значит. А сейчас, пожалуйста, уходите. Мне обратно бежать надо. Ну, до свидания!

— Погоди, Ксюша, — остановил ее Ложкин, — сколько танкистов у вас остановилось?

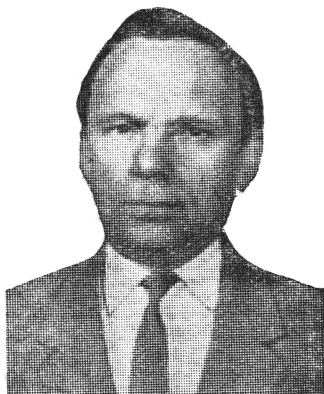
— Теперь три. Раненого увезли. Да еще один офицер и два солдата взад-вперед по деревне шастают, кур ловят, а третий наш дом караулит. Санька Бармин говорит, что еще человек триста в лес кинулись наших искать.

— Понятное дело, — сказал Иванов. — Ты, Ксюша, если еще нашего Кирилла не увели и можно будет ему шепнуть, скажи, что товарищи, стало быть, его помнят и не оставят в беде. Пусть только ведет себя тише, на пулю сам не лезет. Поняла?

— Все скажу! Вот увидите!

Ложкин покачал головой.

— Учти, это очень опасно. И я пока не вижу, чем мы ему сможем помочь. Если бы хоть узнать, когда его поведут и куда. Так ведь это невозможно. Спасибо тебе, милая!

На первый взгляд всякий героический поступок — явление исключительное. На самом же деле это далеко не так. Проявление мужества, находчивости, смелости, героизма мы можем наблюдать ежедневно в нашей многогранной жизни. Героизм стал профессиональным, будничным качеством у летчиков-испытателей, верхолазов, пожарников, работников уголовного

розыска, солдат, моряков, геологов, шоферов, космонавтов, ученых, прокладывающих пути в неведомое, и у людей множества других профессий. Это свойство человеческого характера имеет глубокие корни. Только необыкновенное мужество человека позволило ему пройти гигантский исторический путь, освоить землю, утвердиться на ней и вырваться в космическое пространство.

Меня всегда привлекал этот «будничный» героизм как неотъемлемое свойство характера настоящего человека. Мне хотелось, чтобы такими обыкновенными, рядовыми героями были и действующие лица моих произведений.

«Бешеный «тигр» — один из рассказов книги «Зеленая ракета», герои ее очень симпатичные мне ребята — они такие же, как многие тысячи и тысячи советских людей, которые отстояли Родину, разгромили гитлеровский фашизм, а теперь с успехом выполняют одно из мирных, но героических, по существу, дел.

Деду передай, чтобы уходил на пасеку. И вытри глаза. На войне нельзя плакать.

— Я знаю... знаю... — Девочка не могла больше сдерживаться.

Стол в доме кузнеца был завален едой, заставлен бутылками. Танкисты и майор — командир пехотного батальона — праздновали свою первую победу. Пленного они посадили на стул у противоположной стены, возле кровати.

— А он недурно держится, этот коммунистик, черт меня подери! — сказал майор, отхлебнув из кружки. — Я думаю, он заслужил глоток рома перед зауспокойной мессой.

Танкисты заржали. Сержант, водитель танка, встал из-за стола, пошатываясь, подошел к пленному и протянул стакан с ромом.

Свойский взял стакан здоровой левой рукой, усмехнулся.

— Что же, за вашу погибель, за нашу победу!

Выпив, он обвел глазами сидевших за столом и с силой ударил стакан об пол. Осколки брызнули во все стороны. Это вызвало новый взрыв хохота у танкистов. Майор усмехнулся.

— Даже жаль такого передавать в руки эсэсовцев. На вашем месте, господа, я бы сам отправил его к праотцам. Он заслужил честную солдатскую пулю.

— Прекрасная идея, герр майор! — воскликнул танкист с нежно-розовой кожей на щеках и пушком на верхней губе.

Свойский не слушал чужую непонятную речь. Ром приглушил боль. Он пошевелил пальцами руки, покусанной собакой. «Действует, — подумал он. — Пустяки, могла бы за неделю войти в строй». Капля крови тяжело упала на пол. «Не перевязали даже. Хотя зачем?.. А вот его перевязали». — Он бросил взгляд на кровать, там лежал бульдог, перемотанный бинтами. Свойский поймал себя на мысли, что ему жаль собаку. Вспомнилось, что мальчишкой он мечтал именно о бульдоге. Отец обещал купить.

Прикрыв веки, Кирилл стал думать о всем хорошем, что было в его жизни. Вспомнил, как мать привела его в школу. День выдался ясный, солнечный, было грустно и немножко боязно. Потом вспомнился вечер, когда пришел с работы отец, стал расспрашивать о школе, о ребятах и сказал: «Ну вот и ты встал на трудовую дорогу. Учись хорошенько. Окончишь вуз, и поедем мы с тобой странствовать по Африке, а лучше всего — подадимся на Гавайские острова». «Почему на Гавайские?» — спросила мама.

«Но ведь должны же мы побывать на Гаваях?!» — удивился отец.

И это показалось тогда Кириллу таким убедительным, неоспоримым. Мама только улыбалась, а отец был строг и серьезен, как человек, принявший важное решение...

Скрипнула дверь. В комнату боком шагнула Ксюша. Постояла у порога и, глядя на немцев, повернувших к ней головы, сказала срывающимся от волнения голосом:

— Дядя Кирилл! Товарищи вас не забудут. Они выручат, спасут вас. Вот увидите! — Взглянув на Свойского, она повернулась и выбежала за дверь.

— Вилли, — сказал лейтенант, — видимо, эта маленькая дикарка сообщила, что готово козье рагу. Подите на кухню, проверьте, не жестко ли еще мясо.

Невысокий широкоплечий танкист с готовностью вскочил и вышел из комнаты.

Майор проговорил, печально глядя на пустую бутылку:

— Девчонке жаль козу, но ведь и они должны нести какие-то жертвы в эту ужасную войну.

За дверью раздался тупой стук, загремело ведро.

— Я опасаюсь за рагу, — засмеялся розовощекий танкист. — Ловкость Вилли известна. Ганс, выясни-ка последствия этой новой катастрофы.

Высокий танкист с маленькой головкой и покатыми плечами расхохотался и вышел.

Свойский прислушивался к шорохам за дверью. Ему подумалось, что, быть может, там его товарищи. Это было невероятно. Он понимал, что его ничто не спасет, и готовился к смерти, еще когда фашисты входили в деревню. Если бы не проклятая собака, его не взяли бы живым. Но сейчас Кирилл впервые испугался по-настоящему — не за себя, за товарищей. Он понимал: желая спасти его, они идут почти на верную гибель.

Опять что-то стукнуло. Кирилл попробовал ступить на раненую ногу, боль пронзила все тело, потемнело в глазах. «Шага три сделаю, — решил он. — До майора их не больше, я собью его с ног головой». И радость предстоящей схватки горячим, нервным трепетом побежала по его телу. «Нет, я не буду обузой для ребят, я смогу ползти, стрелять левой рукой».

Распахнулась дверь, и в комнату, пятясь задом, вошел танкист с маленькой головой, за ним виднелась ухмыляющаяся физиономия растяпы Ганса. Они несли противень с жареным козым мясом...

После ухода Ксюши Ложкин долго молча лежал на спине, наконец спросил Иванова:

— Тебе никогда не приходилось водить танк?

— Нет, какой из меня танкист. Всего раз только на «тридцатьчетверке» прокатился. Помнишь, когда в Саложкове перед наступлением стояли? На месте пулеметчика сидел, рядом с водителем. Особенной сложности в управлении нет. На трактор похоже.

— Ну, а если пришлось бы?

— Ну, что ты крутишь? Прямо и спрашивай: сможешь на «тигре» уехать? А дьявол его знает! Надо попробовать!

— В доме их всего пятеро...

— И еще батальон в деревне?

— Его не будем вводить в игру.

— Самое трудное подойти к дому незаметно.

— Незаметно не удастся.

— Тогда как же? Может, проследим, на какой машине его повезут?

— Это отпадает.

— Да, ведь его могут повезти и не по дамбе.

— Мы подойдем открыто.

Иванов уставился на товарища с тревожной насмешкой.

— С ума сошел!

Ложкин вытащил из трофейного ранца штаны и френч гитлеровского солдата.

— Здорово! А я почему-то думал, что выбросил это тряпье.

— И сейчас не поздно.

— Я не шучу. — Ложкин улыбнулся, посмотрев в глаза Иванова. — Ты завидовал мне, когда я отправлялся на прогулку в этом костюме, вот и тебе представляется такая возможность.

— И что же, я буду играть роль глухонемого? Да ведь у них, наверное, и глухонемые бормочут не по-нашенски.

— Дело проще. Тебе надо сыграть роль пленного.

Иванов оторопело улыбнулся.

— Понял теперь?

— Ну и голова! Вот это придумал! Пленный! А и на самом деле, кому в голову придет, что я за пленный?

— И я так думаю. Помоги мне снять сапоги... Спасибо. Твой автомат придется тут спрятать. Там новый добудешь. Теперь прицепи на пояс гранаты, рубаху из-под ремня выпусти, пистолет в рукав. Когда пойдем к дому, не забудь держаться как пленный.

— Не приходилось.

— А ты попробуй. Мне тоже не приходилось служить фюреру.

— Ясененько, — бормотал Иванов, рассовывая из вещевого мешка по карманам пистолетные обоймы. — Эх, живой ли еще Кирилл? Устроили, называется, парня на отдых и лечение...

Ложкин взглянул на часы.

— Половина третьего. В три мы должны быть возле кузницы.

— Точно. Патруль будет в другом конце деревни.

— Вначале пойдем к дамбе.

— Верно. А там кустами вдоль дороги и к самой кузнице подойдем. Ну, давай лапу, хоть дело и верное, а все-таки...

— Да, Иван, все-таки...

Они крепко пожали друг другу руки.

Пока пробирались через осоку и камыши, по дороге проехали две автомашины и на большой скорости промчались три мотоциклиста.

— Зашевелились, гады, — сказал Иванов, останавливаясь передохнуть. — Блокировали дороги. Небось все гарнизоны подняли на ноги. Слышишь стрельбу в лесу?

— Прочесывают.

— Хорошо, что не с нашего болота начали.

— Видно, оно не внушает им особых подозрений.

— Не потому. Кирилл их надоумил пройти по лесу — крапива ведь со стороны леса.

Они подошли к дамбе. Здесь густо поднялись молодые осины и березняк; эта поросль тянулась почти до самой кузницы. Никем не замеченные, разведчики прошли по ней и остановились, чтобы собраться с силами для последнего броска. Из низины, где они стояли за кустом бузины, виднелась только крыша избы, танковая башня и на самом бугре — кузница с настежь распахнутыми дверями. Пылал огонь в горне, Ксюша раздувала мехи. Кузнец выхватил из

горна белый, сыпавший искры кусок железа, опустил на наковальню. Послышались удары молота о мягкий металл. В дверях остановились два солдата с автоматами. Они стояли и смотрели на работу кузнеца. Удары молота стали звонче: железо остыло. Кузнец сунул его в огонь. Солдаты переглянулись, о чем-то полопотали и поплелись в другой конец деревни.

Разведчики должны были пройти эти двести метров усталым, неторопливым шагом, как полагалось идти пленному и конвоиру. Самым трудным было выйти на открытое место и сделать первый десяток шагов. Ноги словно налились свинцом, хотелось повернуть назад. Только сейчас, казалось им, они поняли всю непродуманность своего замысла. Ведь они не учли самые простые и такие очевидные случайности. В ближних домах могут располагаться пехотинцы, да они там и стоят, и первый выстрел поднимет их на ноги. В саду кузнеца может оказаться походная кухня. Может внезапно появиться ватага солдат-мародеров, совсем недавно они ловили у кузницы кур.

Все эти «может», «может» заполняли голову.

«Я взялся управлять танком, — думал Иванов, — а смогу ли хотя бы завести мотор?»

Ложкина мучила мысль, что он втянул друга в безнадежное дело и теперь ведет его на верную гибель.

Тренированная воля поборола сомнения. Шаги их стали легче, уверенней. На каждые «может» и «если» находилось решение. Страх исчез.

Первой их увидела Ксюша. Она выпустила из рук веревку от кузнечного меха и слабо вскрикнула. Дедушка, в раздумье разгребавший угли в горне, повернулся и тоже увидел русского, торопливо взбиравшегося по склону, а за ним — немца с автоматом. Он вышел из кузницы. Пыля по единственной улице, к лесу уходило отделение пехотинцев. За дорогой дымила походная кухня. У плетня стояли патрульные и лениво переругивались с поваром. Из дома доносились музыка и хохот. Часовой, вытягивая длинную шею, заглядывал в окно и смеялся.

— Ксюша, беги к тетке и жди там меня! Живо! — Не глядя на внучку, кузнец взял железный брусок. Ксюша забилась в угол за мехи.

— Стой, дед, — Иванов, поравнявшись с кузницей, сказал тихо. — Это Николай! Где наш товарищ? Живой?

Ложкин спросил:

— Не узнал, дедушка?

Брусок выпал у кузнеца из рук.

— Да как же вы это?.. Там он, с ними. Был жив. Не узнал я тебя. Гляди, чуть грех не вышел. Куда ж мне девать-то вас?.. Хотя бы ночью...

— Не до разговоров сейчас, — оборвал его Ложкин.

Они вошли в кузницу и стали наблюдать за домом через щель в стене.

Иванов зашептал:

— Мы уедем на танке. Кирю спасем. А ты, дед, беги. Сейчас уходи. Сколько их там?.. Хотя это уже все равно!

— Четверо осталось и часовой. Как же это вы?.. Вот беда-то, куда я вас теперь дену?..

— Не причитай, дед. Где Кирин автомат? Мы пришли не прятаться.

— В саду закопал.

— Зря. Но ничего, этого добра хватит...

Ложкин кивнул.

— Не торопись, сынок, — строго сказал кузнец. — Ксюша убежала? Нету ее? Это хорошо... Сам ходил в разведчиках. — Кузнец взял брусok. — Пойдемте! Кирилл мой гость, и раз так получилось, то и я в ответе за него и за все. Да без меня у вас ничего не получится. Четверо их в хате, да еще автоматчик в сениях. Ночью все равно бы избу запалил! Погодите... — Он вышел, огляделся по сторонам, вернувшись, сказал: — Поблизости никого. Я первый пойду, с часовым справлюсь. Как взойду на крыльцо, так и вы идите.

— Нет, пойдем все вместе, — сказал Ложкин. — Быстрее! Ты, отец, иди впереди да железину спрячь! Иван, руки за спину!

Кирилл сидел у стены и думал о словах Ксюши.

«Что пришло в голову ребятам? Где они? Наверное, поблизости, раз девочка виделась с ними. Хотят отбить меня у конвоя? Ясно!»

В голове его складывался дерзкий план нападения на машину, в которой его повезут. Все получалось не так уж сложно, во всяком случае не сложнее, чем переход через вражескую оборону. «Бывают дела и посложнее. А со мной будет все в порядке: нога почти не болит, рука — тоже терпеть можно. На правой пальцы шевелятся. — Он сжал руку и невольно поморщился от боли. — Надо надеяться только на левую. Ничего, обузой не буду».

Напротив, за столом, ревел проигрыватель. Танкисты и майор подпевали, стуча кружками. Солнце светило в открытые окна, празднично искрилось стекло на столе. Влетел шмель и, чего-то испугавшись, бросился назад, в сад, к цветам и солнцу.

Из-под иголки проигрывателя полилась нежная мелодия. За столом притихли. Майор уставился на пленного. Кирилл увидел его глаза, маленькие, белесые, как у слепого, и понял, что майор хочет убить его. Убить сейчас, здесь. Майор вытащил из кобуры вальтер и, не спуская глаз со своей жертвы, стал медленно поднимать пистолет.

Кирилл Свойский сказал сдавленным голосом:

— Мерзавец! Стреляй! — Он резко вскочил. Встал на здоровую ногу, опираясь рукой о спинку стула. — Ну, что же не стреляешь, гад?

Майор залился дребезжащим смешком и повернулся к танкистам.

— Что я вам говорил? Такого убивать — наслаждение. Я попаду ему в переносицу. Кто хочет пари?

— Принимаю, — отозвался розовощекий лейтенант-танкист.

— На сто марок?

— Только не остландскими, — захохотал танкист.

— Идет!

В это время заскрипело крыльцо под чьими-то тяжелыми шагами. Со двора раздался пронзительный детский крик.

Свойский узнал голос Ксюши:

— Дедушка, вернись!.. Не надо, дедушка!

Майор, морщась, опустил пистолет.

— Эдак я действительно могу лишиться сотни марок.

За дверью послышались шаги, голоса, с грохотом упало что-то тяжелое.

— Шульц, что там у тебя, скотина? — закричал майор.

Дверь распахнулась, через порог шагнул Ложкин и повел стволом автомата.

— Руки вверх! Ни одного движения!

Вилли и танкист с маленькой головой медленно подняли руки. Розоволицый выхватил пистолет. Ложкин выстрелил в него, а на долю секунды позже из сеней щелкнул второй выстрел, и майор, вскинувший вальтер, рухнул к ногам Свойского. В окне, заслоня весь проем, показался кузнец и осторожно закрыл его... Свойский нагнулся, поднял пистолет убитого майора и сказал:

— А я вас так ждал, ребята, ух, и надоела ж мне вся эта сволочная компания.

Он сел на стул, чтобы не упасть от охватившей его вдруг слабости. Все свои силы, всю волю собрал он, сжал в комок, чтобы достойно встретить смерть, и сейчас наступила реакция. Словно сквозь туман он видел, как его товарищи обыскивают пленных, перебрасываются короткими фразами. На кровати захрипел и затих бульдог.

— Отдал концы, — сказал Свойский, — жалко, а мог быть хорошей собакой.

— Киря! — Над ним стоял Иванов и тряс за плечо. — Киря, пошли, бери меня за шею!

— Подъем!

Ложкин торопливо просматривал солдатскую книжку убитого танкиста. В комнату, рванув дверь, заглянул хозяин. Тяжело дыша, он зашептал:

— Идут, двое. Как же теперь?

— Спокойно, дед! Иван, музыку! — Ложкин поправил пилотку, вышел в сени и стал в дверях, выходящих на крыльцо.

Опять полилась нежная мелодия.

Один из патрульных, проходя мимо, взглянул на нового часового:

— Ты что, только сменился?

— Угу.

— Пленного шлепнули?

— Нет еще.

— Мы же видели его во дворе. И стрельбу слышали.

— Водили в уборную. Стреляли танкисты и наш майор в фотографии этого старика.

— А-а, — разочарованно протянул второй солдат. — А мы-то вернулись, думали посмотреть. Ты махни рукой. когда его... — солдат подмигнул, — мы возле кухни будем. Наш Шульц говорил, что его далеко не повезут. А ты что, из пополнения?

— Да.

— Так ты помаши рукой.

— Ладно. Передам вашу просьбу майору, он и помашет вам рукой.

— Выслуживается, теленок, на «железный крест» вне очереди метит, — сказал первый солдат.

— Пороху еще не нюхал, — откликнулся второй. — Пошли, Вольф. С таким недолго и на неприятности нарваться.

Патрульные стояли на дамбе и курили, когда из дома вышли два танкиста и влезли в машину. Скоро танк застрелял, зачихал, потом, взревев, развернулся на месте и остановился носом к дороге. С крыльца спустились еще два танкиста. Они волокли под руки пленного.

Патрульные, наблюдая за ними, говорили:

— Ни разу не видел, чтобы пленных возили в танке.

— Говорят, в лесу выброшен красный десант. Везет этим танкистам, броня чуть не полметра, не успели приехать, и на тебе — взяли пленного. Награды схватят, не понюхав пороха.

— Гляди, и старика берут с собой.

— Я сразу подумал, что он связан с партизанами.

— Вольф!

— Что, Отто?

— Они поджигают дом!

— Ну, это уже свинство! Мы ютимся в сарае, а они жгут дома, и со всем добром! Я заглядывал в окно, там было что взять.

— Нет, это не они, а наш майор. Я его знаю. Пойдем! Может, успеем кое-что выхватить, пока не разгорелось.

Они побежали к горящему дому.

— Назад! Не смей подходить к дому!

Танкист с автоматом выглядывал из башни.

— Назад!

Шепча проклятия, патрульные отошли в сторону и остановились.

Танк качнулся и, взревев, двинулся. Из кузницы прямо на танк бежала девочка. Она что-то кричала, выставив вперед руки, будто хотела остановить стальную громадину. И танк остановился. К несказанному удивлению патрульных, танкист, грозивший им автоматом, спустился на землю, поднял девочку и передал второму танкисту, тоже вылезшему из башни. И танкисты и девочка скрылись в танке.

Танк выехал на дорогу и, грузно покачиваясь, помчался к лесу.

Патрульные медленно побрели к горящему дому. Теперь уже нечего было спешить; пламя вырывалось из сеней и окон.

— Отто!

— Что, Вольф?

— Ты не находишь, что из-за таких остолопов фюрер и мы можем проиграть войну?

— Не говори глупостей. — Отто оглянулся. — Все-таки ты, Вольф, когда-нибудь непременно угодишь в штрафную роту за длинный язык. Меня, например, при виде русского горящего дома всегда охватывает желание поджечь целый город. Куда же, однако, делись тот часовой и майор?

— Ушли садом.

— Нет, тут что-то не так. Наш майор любит поглядеть такого рода штучки.

— Да, как-то странно получается. Майор и часовой исчезли, дом пылает. И этот проклятый танкист, который нас чуть не застрелил...

— Не кажется ли тебе, что он кого-то напоминает?

— Вот именно. Бывают же такие похожие голоса.

— Ты не разглядел его лица?

— Нет. Я видел только глаза. Страшные глаза.

— И я не разглядел его рожи.

Патрульные медленно пошли к дому, охваченному пламенем. В отдалении группами стояли солдаты. Они любовались пожаром.

Когда «королевский тигр» подходил к последнему дому деревни, Ложкин увидел на дороге женщину с двумя ребятами. Из окна вылетел узелок и покатился по земле. За оградой дома было много солдат: они ходили по двору, толпились у колодца, выглядывали из окон, пяля глаза на приближающийся танк. Женщина подняла узелок, схватила за руки детей и перебежала улицу.

Ложкин приказал:

— Иван, задень за угол левого дома.

— Есть!

«Королевский тигр» выбросил черный дым из выхлопных труб, вильнул с дороги, подмял изгородь, ударил левой гусеницей в угол дома. Стена рухнула, подняв облако пыли.

Танк покатился дальше по проселку. За ним бросились было солдаты, но скоро отстали, махая руками и посылая проклятия.

На месте водителя сидел длинный танкист с маленькой головой. Рядом с ним примостился Иванов, показывая дулом пистолета направление. Танкист старательно, как на учениях, вел грузную машину. Угожливо, предупреждая каждый жест своего страшного соседа, он с готовностью направил танк на дом, а когда снова вырулил на дорогу, то даже осклабился, показав желтые прокуренные зубы.

— Старайся, это тебе зачтется, — усмехнулся Иванов. — А теперь держи прямо в лес. Так и жары!

Танкист закивал головой. Ему было до ужаса страшно. Совсем недавно, каких-нибудь полчаса назад, он сидел за столом, ел жареное мясо, запивал его водкой. И вдруг все полетело к дьяволу. Он пленник, и в бок ему упирается

ствол пистолета, он помогает русским разведчикам. Но бот знает, что он еще сделает, только бы остаться в живых.

Рядом с Ивановым на месте пулеметчика сидел Кирилл Свойский. Ксюша примостилась сбоку, перевязывала ему руку; в танке нашлась аптечка.

Свойский здоровой рукой взялся за пулемет.

— Сидите смирно! — прикрикнула на него девочка. — И что вы вертитесь! И так трясет, а тут вы еще крутитесь. Вот йод разлила вам на штаны. Ну что вы смеетесь?

Свойский плохо слышал ее слова из-за наполнявшего кабину гула и грохота.

— Прекрасно, Ксюша! Понимаешь, все прекрасно! — крикнул он.

— Куда уж как прекрасно... — отозвалась она, завязывая конец бинта.

— Не дрейфь, Ксюша! Все будет отлично.

— Куда мы едем?

— К своим, Ксюша. Вот ахнут ребята, когда мы на «тигре» прикатим!

Танк продавил небольшой мостик через речушку и благополучно выполз на дорогу.

— Силен зверь! — прокричал Свойский.

— Он мягкий, я головой стукнулась, а он мягкий.

— Резина! А так он не очень мягкий. Ксаня!

— Что?

— Не думал я, что есть такие храбрые девочки.

— Где есть? Какие девочки?

— А вот такие!

— Я?! — удивилась Ксюша. — Если бы вы знали, как я испугалась! Я думала, что вас всех убили.

— Ну, а на танк кто бросился?

— Опять же я за дедушку испугалась. Куда, думаю, его увозят?

— То за нас испугалась, то за дедушку, а за себя забыла испугаться!

— За себя я сейчас боюсь. Где же мы едем? — она посмотрела в люк. — Ой, это же дорога на горелую поляну. Там малины сейчас! Ух, и сладкая! — Она сжала плечо Своейского. — Солдаты! Смотрите сколько! Почему они нам руками машут?

— За своих принимают. Подмога, думают.

Танк миновал цепь солдат, высланных майором для «прочесывания» леса. Еще с полчаса он ехал, подминая гусеницами деревца по обочине проселочной дороги, потом свернул в сторону, пересек луг, поросший высокой некошеной травой, и, развернувшись носом к дороге, остановился на опушке. Умолк рев и лязг.

Ложкин заглянул в кабину водителя.

— Ксюша! Пора выходить.

Свойский пожал тоненькое запястье девочки.

— Спасибо тебе за все, хорошая ты!

— До свидания, дядя Кирилл! Руку завтра еще перевяжите.

— Перевяжу, не беспокойся.

— И йодом помажьте.

— Помажу.

Иванов стянул с головы шлем, пробурчал:

— Тесен, проклятуший.

Он помог девочке перебраться в башню и сам перебрался туда, оставив водителя под охраной Свойского.

Ложкин помог спуститься на землю кузнецу, потом Ксюше и прыгнул в пушистую траву. Они отошли от машины. Кузнец помолчал, прислушиваясь, и сказал тихо:

— Из леса не выходите. Поезжайте вот так, — он махнул рукой на северо-восток. — До самых вырубок дорога там ничего, твердая, а там этого дьявола бросите и айда к партизанам — они возле болот держатся. Они помогут...

На землю грузно прыгнул Иванов. Подошел к ним, щурясь от яркого света.

Ложкин вопросительно посмотрел на него.

— Не бойся, — сказал Иванов, — унтеру я белы ручки ремнем скрутил, никуда не денется. Хочу Кузьму Ефимовича спросить, как без канители на шоссе выбраться. Оно ведь лесом идет, где-то здесь неподалеку. Достань-ка карту, Коля...

Из танка глухо донесся голос Свойского.

Разглядывая карту, они не заметили, как из горловины башни вылез унтер. Теперь, когда оглянулись на крик Свойского, увидели, что унтер, низко пригибаясь, бежит к лесу. Ксюша вскрикнула и протянула руку.

— Вон он. Убежал!

Иванов бросился за фашистом. Затрещали сучья, прогрела автоматная очередь. Иванов долго не возвращался. Из лесу еще раз донесся дробный стук автомата.

Ложкин рубанул воздух кулаком.

— Эх, как мы оплошали!

— Да, если ударит, худо нам будет, — согласился кузнец.

— Так мы им и дадимся, — успокоила Ксюша. — Вот возьмем и тоже пойдем к партизанам. Верно, дедушка?

— Одна у нас теперь дорога. Заглянем на пасеку, возьмем харчишек и подадимся искать отряд.

— Лучше в танке поедем. Его никакая пуля не пробивает. Правда ведь, не пробивает?

Ложкин покачал головой, прислушиваясь.

— Нельзя с нами, Ксюша. Иди с дедушкой, помогай ему во всем. До свидания и великое спасибо вам, родные. — Он протянул руку кузнецу.

— Ну уж, спасибо, чай, свои люди. Где это Иван замешкался?

— Вернется. — Ложкин повел глазами на Ксюшу. — Пора вам.

— Да, самое время идти. — Кузнец кивнул и пошел, держа внучку за руку.

Пройдя несколько шагов, Ксюша повернулась и крикнула:

— Обязательно поезжайте к партизанам. А танкиста,

унтера этого, не убивайте, лучше в плен возьмите. — Личико ее было не по-детски сосредоточенно и строго.

Еще не затихли шаги кузнеца и Ксюши, как вернулся Иванов. Он тяжело дышал и, виновато улыбаясь, развел руками:

— Ох, и натворил я дел, Коля!

— Убежал?

— Не совсем... почти...

— А точнее?

— Дал по нему очередь.

— Две.

— Первая не в зачет. Второй сбил. Только не знаю, совсем или ранил.

— Это важно, Иван.

— Знаю. Да на поляне солдаты оказались. Ну, я и не стал связываться, подался назад.

— Хотя тут правильно поступил.

По лесу прокатился винтовочный выстрел, за ним другой, затарахтели автоматы. Стайка пуль просвистела над головами, сшибая листья.

Ложкин показал глазами на танк. Взираясь на него, сказал:

— Будем пробиваться к передовой. Они, видимо, еще не разобрались в обстановке.

— Да, видать по всему, думают, что стреляют по партизанам. Включи-ка рацию и послушай, что говорят о нас в эфире. Если фашисты еще не догадались, есть смысл двигаться и дальше в танке. Сам понимаешь, Киря в лесу не ходок.

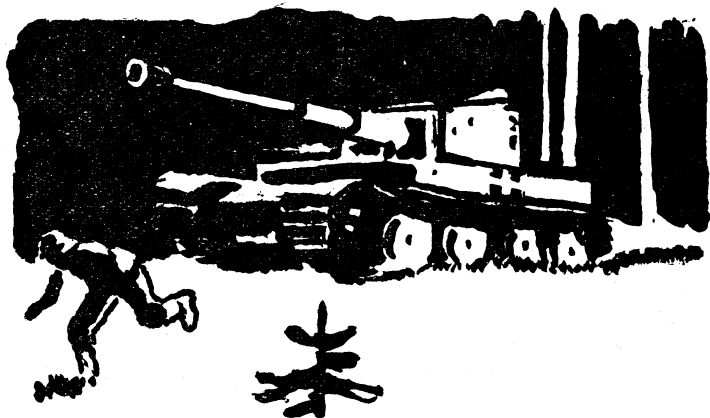
Усаживаясь на свое место в танке, Иванов спросил Свойского:

— Ну, а как вел себя мой крестник?

— Этот скромно. Тихий малый.

Выстрелы раздавались совсем близко. Несколько пуль ударило по броне.

Ложкин приказал водителю развернуть машину. Танк взревел, развернулся и пополз через поляну, стеля гусеницы по старой колее. Ложкин развернул пулемет на башенной турели и, когда цепь солдат показалась на опушке,

стал стрелять в них. Фашисты, видя, что свой танк ведет по ним огонь, отчаянно замахали руками. Офицер с пистолетом в руке бросился к танку, что-то вопя, и свалился в траву, скошенный очередью Ложкина. Пали солдаты. Оставшиеся в живых залегли, но не стреляли: махали руками и кричали на разные голоса.

Танк въехал в лес. Ложкин оставил пулемет и крикнул Иванову:

— О нас здесь еще не знают. Ты, видно, не промахнулся.

— Ты тоже.

Свойский крикнул:

— Вы о чем?

Но товарищи не услышали его, мешал гул мотора. Только водитель повернул к нему голову и показал зубы. Глаза его не смеялись.

Танк катил по проселку. Ложкин выглянул из башни. Впереди не было никого.

Ложкин спустился к рации. Надел наушники. Рация бы-

ла последней модели, с очень точной настройкой; не мешали шумы и трески. Чей-то усталый, равнодушный голос монотонно повторял:

— Ты шесть, двадцать восемь! Лейтенант Мадер!.. Лейтенант Мадер! Вас вызывает майор Шельмахер. Отвечайте! Прием... Прием...

Ложкин сказал Иванову:

— Там тоже ничего не знают, но уже начали розыск.

— Пусть ищут. Или, может, стоит поговорить с ними? Ты ведь мастер на такие штуки. Скажи, дескать, ловим партизан или еще что-нибудь в этом роде.

— Рация высокого класса, узнают по голосу.

— И то верно. Тогда перекинься парой слов с нашими. Пусть предупредят наших артиллеристов, а то раздолбают нас, как бог черепаху. Подумают еще, атака «тигров».

— Нельзя, Иван. Надо говорить открытым текстом.

— Да, всполошатся, окаянная сила. Надо подойти ближе.

— На самую передовую?

— Да. Или когда уже скрываться не будет смысла.

— Переходить придется на том же стыке?

— Больше негде. Надо будет и саперов предупредить, чтобы сняли мины возле речки.

Они разговаривали о возвращении к своим на захваченном танке, как о деле решенном, отгоняя сомнения, стараясь предусмотреть все неожиданности, которые могут обрушиться на них в любой миг. Фашисты о захвате танка пока что не знают, но это не может долго продолжаться.

— Главное — не упустить время, — сказал Иванов.

— Знаю, жмем на всю железку, все ходуном ходит, а толку мало.

— Киря уснул?

Иванов повернул голову к Свойскому.

— Спит. Устал. Все с пулеметом возился. Одной рукой. А технику, однако, освоил. — В словах Иванова были теплые нотки. — Досталось ему, бедолаге. Ты бы тоже пушку повертел. Такую силищу нельзя оставлять без пользы.

— Попробую. Только боюсь, артиллериста из меня так скоро не получится. Ну, а ты освоил вождение?

— Разобрался. Машина поворотливая. Скорости вот только нет. Конечно, хорошо, если этот желтозубый дотянет нас до самого дома. Но особой веры у меня ему нет. Он, кажется, отходит.

— Что с ним? Как же он ведет машину?

— Да нет, жив и здоров. От страха концы отдает. На глаза его погляди. Того и гляди свернет в кювет и перевернется кверху лапами наша железная скотина. Вот и шоссе. Пересяду-ка я и впрямь на его место. Кирилл жалко будить, да ничего не попишешь.

Ложкин позвал в башню пленного водителя и с его по-

мощью разобрался в том, как поворачивать башню с пушкой, наводить на цель, заряжать и стрелять.

Отправив водителя вниз, Ложкин сказал:

— Ну, Иван, уж один выстрел фугасным снарядом я теперь тебе гарантирую.

— Где один, там и два, — засмеялся Иван. — На ходу из нее разве что для страха палить, а остановимся, сообразим, что и к чему. Я одно лето был на сборах, так мы тоже изучали пушку. Не такую, правда, да все они, моему, на один лад.

Танк тяжело вполз на шоссе и покатил к востоку. Управлял теперь машиной Иванов. Свойский, позевывая, следил за пленным и смотрел в амбразуру на темное полотно шоссе, стелившееся между краснокорых сосен. Танк догнал обоз пароконных фургонов. Повозочные свернули на обочину, почтительно уступая дорогу.

Впереди вспыхнули и погасли фары автомашин. Танк шел не сворачивая. Машина сбавила ход и, сигналив, свернула к самому краю дороги. Иванов направил танк прямо на нее. Шофер высунулся из кабины. Глаза у него вылезали из орбит, рот был разодран криком. Раздался треск, и огромный пятитонный грузовик с пехотинцами полетел под откос.

— Ловко ты! — крикнул Свойский.

— Иван! — позвал Ложкин.

— Я!

— Оставь технику противника в покое.

— Не бойся, эти уже не догонят.

— Могут догнать другие. До Павловки километра три осталось.

— Ясно! Проеду по ниточке, как на параде, только пусть сами не задевают.

— Уж постарайся, друг, я послушаю новости.

— Валяй.

Вращая ручку настройки, Ложкин слышал птичий щебет морзянки, обрывки фраз. Какой-то радист плачущим голосом кричал: «Саратов, Саратов! Я Одесса! Одесса! Перехожу на прием». Послышался девичий смех и низкий голос: «Ах, Танечка, я уверяю вас...» Ложкин не узнал, в чем уверял смешливую радистку ее коллега. Он услышал немецкую речь. Первые несколько слов приковали его внимание. Говорил, вернее, кричал, видимо, какой-то очень важный начальник:

— Это либо сумасшедший, либо предатель! И вообще вся эта история смахивает на детектив. Сначала вы ловите шпиона и теряете при этом двух солдат, затем командир танка Шельмахер, вашего танка, поджигает дом и бросается в погоню за мифическим противником... Но куда же делись командир третьего батальона и его солдат? А дальше творится черт знает что! Погибает ваш Прайслер! Почему он покинул танк? Кто убил его в спину? Почему ваш

танк расстрелял роту капитана Гофмана? Капитан и десять солдат убиты! Двадцать пять ранены! Где этот убийца, я спрашиваю вас! Где этот проклятый взбесившийся «тигр»? Арестовать Мадера, и немедленно! Слышите?.. Взять живьем! Слышите, полковник Шельмахер? Срок — два часа! Все!

Передача оборвалась. В наушниках слышались лишь легкое потрескивание и неясные голоса, будто кто-то разговаривает за стеной. Ложкин выключил радиостанцию и сказал Иванову:

— Положение осложняется.

— Догадались.

— Почти.

— Ну и черт с ними! Гляди, навстречу идут машины.

— Уступим дорогу. Приказано командира Мадера схватить живым.

— Вот дьяволы, слепят фарами!

— Чтобы схватить Мадера, они должны остановить наш танк.

— Вот это уже хуже.

— И все-таки у нас есть какие-то перспективы.

— Перспективы, — усмехнулся Иванов, — перешибут гусеницу, и будут нам перспективы.

— Не ной, Иван. Пока все идет как надо. Ясно. Гляди, ракета! Километров десять до передовой, не больше. Двадцать минут при нашем ходе. Эх, кабы и дальше такую дорогу.

— Ровная и прямая дорога не всегда ведет к цели. — Ложкин посмотрел на часы. — Сейчас выйдет на связь наша полковая рация.

— Включай скорей, Коля. Пусть встречаются.

Иванов смотрел на сероватое полотно дороги, обрамленное черными стенами деревьев. Внезапно стены исчезли, по обеим сторонам дороги теперь лежали невидимые поля. Танк почти бесшумно обошла легковая машина с погашенными фарами. Над линией передовой вспыхнули ракеты. Дорога пошла под уклон.

В низине вспыхнул и тут же погас сноп огня, на миг осветились купы деревьев и крыши изб. И снова все утонуло в трепещущей полутьме.

У въезда в деревню танк пытался остановить регулировщик, махая красным фонарем. Иванов чуть не раздавил его. Фонарь метнулся в сторону, и «тигр» понесся по темной улице.

Иванов услышал:

— Договорился?

— Начальник штаба приказал переходить прямо через левый гребень.

— Может, рискнем и пойдем берегом? Там ближе.

— Нельзя. Противотанковые мины.

— Коля, не зевай! — крикнул Иванов, закрывая глаза от яркого света.

Впереди посреди дороги стояла машина с зажженными фарами. Прищурясь, Иванов разглядел офицера, махавшего руками. Рядом виднелись солдаты.

— Киря! — закричал Иванов. — Киря, давай и ты.

Свет слепил глаза.

Иванов повернул голову и увидел в полутьме напряженно раскрытый рот Свойского. Кирилл звал на помощь. Пленный выкручивал пистолет из его руки.

Иванов ударил танкиста кулаком по голове, и тот, обмякнув, ткнулся носом в колени Свойского.

— Скотина! Вот же скотина! — ругался Кирилл.

— Стрелять можешь? — спросил Иванов.

— Могу.

— Бей по пехоте!

Танк вздрогнул, покачнулся. Впереди полыхнуло пламя, и свет фар погас.

— Коля!

— Да.

— Из пушки нас?

— Пулемет заело...

— Теперь недалеко.

— Скорость нельзя увеличить?

— Нет, и так на пределе.

— Жаль.

— Ничего, вывезет!

«Тигр» выезжал из деревни, когда ночные бомбардировщики повесили в небе осветительные ракеты. Стало светло, как в полдень.

Дорогу перебегали солдаты. Свойский нажал на гашетку.

По броне что-то проскрежетало.

Ложкин вытер рукой лоб: вся ладонь была в крови.

«Осколок. Когда это?» — подумал он, оглядываясь назад, на деревню.

Впереди, над окопами, взлетали ракеты. Передовая была близко.

«Только бы пройти этот бугор. Нет, не удастся. Все, гады, подняли на ноги. Ох, как они зашевелились! — Он засмеялся: — Сколько мы наделали шума! Сейчас заговорят пушки. Они не дадут нам пройти этот последний километр...»

На голом бугре они были беззащитны. Видимо, сейчас вражеские артиллеристы лихорадочно готовят данные для стрельбы, а саперы минируют дорогу.

Огневой налет настиг их на последнем километре пути. Снаряды и мины рвались со всех сторон. Танк стремительно неся в кромешной тьме.

Вот «тигр» грузно клонул носом и, надсадно завывая, стал подниматься.

«Заглохнет, проклятый!» — подумал Иванов и переключил скорость. Танк заревел и выполз из воронки. Снаряды

рвались где-то очень близко, осколки звенели по броне, но огневой вал остался позади. Впереди лежала безмолвная земля, иссеченная глубокими трещинами, вся в воронках, дрожащая зябкой дрожью.

«Тигр» перекатился, раздавив пулеметное гнездо, через траншею и стал спускаться по склону, подминая ежи с колючей проволокой. Под гусеницами лопались противопехотные мины.

«Тигр» пересек узкую нейтральную полосу, переполз через холмик и остановился.

— Приехали! — Иванов сорвал шлем.

— Тихо... — Свойский вздохнул. — А ведь все мы любим тишину. Даже мой сосед, ишь, как тихо лежит.

— Что с ним? — с испугом спросил Иванов.

— Да нет. Живой твой напарник. Ловко в ногах устроился. Ты скажи ему, Коля, чтобы свет зажег. Тут у них и поесть и выпить должно быть.

Возле танка ходили солдаты. Постучали прикладом по броне. Глухо донесся голос:

— Эй, язви вас в печенки! Сдаваться так сдаваться. Давай выходи из своей жестянки!

— Братцы! — Иванов задохнулся от радости. — Да это... Это же Кучук!

— Он, — согласился Свойский. — Коля! Зажжет сегодня свет наш разговорчивый «язык»? Да пусть нижний люк откроет. Пехоту тоже угостить надо.

А. Е. Ван-Вогт — один из американских писателей-фантастов послевоенного поколения. Рассказ «Чудовище» направлен против космических агрессоров, столь частых персонажей фантастической литературы Запада, а тем самым и против современных носителей идей милитаризма и колониализма.

Рассказ проникнут верой в бессмертие человеческого разума и беспредельные возможности совершенствования человеческой природы.

А. Е. ВАН-ВОГТ

ЧУДОВИЩЕ

Фантастический рассказ

Человечество бессмертно. Даже если когда-нибудь, через многие тысячи лет... даже если представить себе самое худшее, — всепобеждающий разум возродится, как феникс из пепла.

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондоле-сфере, Инэш заметил, что здания уже начали разваливаться от времени.

— Никаких следов военных действий! Никаких следов... — ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на заросшем, окруженном стенами участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких

и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления? Йоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете, — ответил он. — Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвою в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

— Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни. Их прервали. Из приемника Йоала прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал, — сказал Инэш. — Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я представлю вопрос на обсуждение Совета, — медленно проговорил Йоал, — но, мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы. — Он описал неопределенный полукруг одним из своих шупалец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по-видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал: это пустая формальность. Решение принято — они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошёл по залам, он облегченно вздохнул, когда они, наконец, добрались до ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены,

они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела применены некоторые вещества, которые свидетельствуют о зачаточном представлении о химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо, — они без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами Совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя, и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит слов.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия

назад. Память — это физиологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул, и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы, в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскресенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда, — сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев. — Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где все мои приближенные?

Последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустил он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал. — Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскресенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса.

— Господи боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов...

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскресенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отравы во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки, — чем только не поят в этом притоне, о господи боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскресенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек усталился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте, — сказал он. — Я ехал по своим делам. Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпущите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает, — проговорил Йоал. — Никаких таких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовав, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется, Инэш сказал:

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек. — Скажите,

куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачать-ся так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ...

— Газ, — вмешался техник-лейтенант Винд. — Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он. — У вас есть система или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встрепил глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по скорости реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства, — проговорил главный биолог Хамар. — Существа с медленным обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особой почетные места.

«Дело не в скорости, — невольно подумал Инэш, — а в правильности, в точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро подошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова быстрота, с которой он все понял, поразила гэнейцев. Наконец Йоал решился ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот поколебался, приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Поверил ли человек в эту ложь или нет, было не понять. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на сле-

дившего за ним второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и, наконец, все советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнэицы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись. Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точнее, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по табличке, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Вииду. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но, — прибавил он уже медленнее, — я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли, — пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрывать все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид. — Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш в последний раз взглянул

на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ, — прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными опустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог, — сказал он, — я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить...

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю, — ответил Инэш, — они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости — нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в своих креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждения — так незаметно оно им овладело. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он. — Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, — в этом все дело...

— И все это привело его к гибели, — сказал Хамар. Все захохотали.

— Послушайте, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует опасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Это открытие, что у него могут быть эмоции, совершенно его убило. К тому же не хотелось выглядеть упрямым. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно, — сердито пробурчал он, — стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, не кажется мне таким уж неоправданным. Это отнюдь не обязательно.

Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил.

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опушив шупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали, — проговорил Виид, — что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри. — Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон. — Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия...

Он остановился и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас; беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись: решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, развешающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией, — вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать, — заговорил капитан Горсид. — Он здесь, в здании. Он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто нелепо.

— Стража! — приказал капитан Горсид. — Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог деться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел — чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось. Оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу серьезней.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила, — сказал он. — Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать капитана Горсида.

— У-б-е-й-те его!

Когда взрывы пламени опали обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим, — продолжал он, — вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря, — проговорил он. — Она пришла из иного, звездного мира, захватив весь этот край нашей галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли:

— Итак, секрет локатора... В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал. — Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать галактику сможем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил:

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, — сказал капитан Горсид. — Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Винд

и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— На мой взгляд... — взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него. — На мой взгляд, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например, — оно пробудилось и сразу исчезло. А почему?.. Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно с а м о не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлось по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группы исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскиали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву давался, слушая, что тот говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждались в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить только одним путем... Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Предположим, вы заселите все планеты нашей галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловище из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверное, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? — настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо, — снова заговорил человек. — Если вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно незащитным.

«Сейчас, — подумал он, — я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы!»

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и по мере того, как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он. — Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить, — продолжал Инэш, — то бы давно уничтожил. Но все дело в том, что сил у тебя недостаточно. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит пассивная античастица, не

допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены, — превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк. — В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш страхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничать! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураками, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется, — продолжал капитан Горсид, — я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа, — прервал его человек. Он тихонько рассмеялся. — Все не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому, — продолжал он, — у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже если ты знаешь все. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячулетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень непросто.

Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Через несколько минут наш корабль начнет бомбардировку. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха.

Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать, — сказал он и подчеркнул: — Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую — не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопыривая щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его...

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился тут, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Вииде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «...вы забыли одну маленькую деталь...» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают! Он оказался прав...

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал Совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как громом поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот мы о чем забыли! — удивленно и громко проговорил он наконец. — Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах... — как это он сказал?.. — в пределах девяности световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовище раньше.

«Но мы ведь в конце концов не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам, — подумал Инэш. — Каким образом он сможет нами воспользоваться, если мы включим только видео?..»

Инэш остановился. Ну, конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеозеркалу, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так

величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже его, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немислимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет.

Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было столько звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он знает, что ни мы, ни он не можем взорвать корабль. Нам остается единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцем каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он. — Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло... Ты помнишь? — капитан Горсид не мог сразу заставить своих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они... не могли... проникнуть... отсек... Дверь... была закрыта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них

все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чуждое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял.

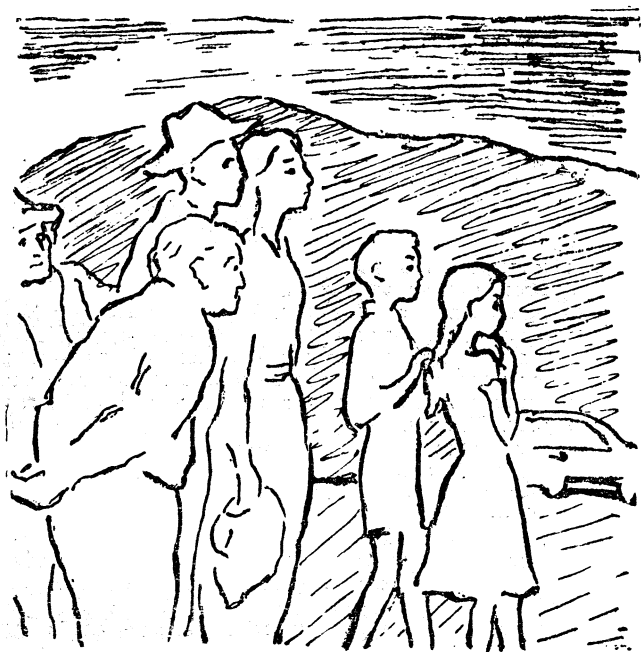

Рисунок В. ЧЕРНЕЦОВА

Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще что-то пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца.

Перевод с английского
Ф. МЕНДЕЛЬСОНА

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ДИКОВИННОЕ ДИВО

Фантастический рассказ

Водин не слишком погожий и не слишком хмурый, не слишком знойный и не слишком студёный день по пустынным горам с суматошной скоростью катил допотопный, потрепанный «форд». От лязга и скрежета его металлических частей взмывали вверх трясогозки в рассыпчатых облачках пыли. Уползали с дороги

ядовитые ящерицы. С шумом и грохотом «форд» все глубже вторгался в дремучую глухомань.

Старина Уилл Бентлин оглянулся назад с переднего сиденья и крикнул:

— Сворачивай!

Круто переложив руль, Боб Гринхилл бросил машину за рекламный щит. И тотчас оба повернулись. Они глядели на дорогу, выставив головы над гармошкой сложенного верха, и заклинали поднятую колесами пыль:

— Успокойся! Ложись! Ну, пожалуйста!

И пыль медленно осела.

Как раз вовремя.

— Пригнись!

Мимо них с таким видом, точно прорвался сквозь все девять кругов ада, прогремел мотоцикл. Над лоснящимся смазкой рулем в стремительном броске навстречу ветру сгорбилась фигура — человек с изборожденным складками, чрезвычайно неприятным лицом, в защитных очках, насквозь пропеченный солнцем. Рычащий мотоцикл и человек промчались по дороге.

Старики выпрямились в своей машине, перевели дух.

— Счастливого пути, Нед Хоппер, — сказал вслед мотоциклу Боб Гринхилл.

— Почему? — спросил Уилл Бентлин. — Почему он всегда хвостом тянется за нами?

— Уилли-Уильям, раскинь мозгами, — ответил Гринхилл. — Мы же его удача, его козлы отпущения. Зачем ему упускать нас, если погоня за нами делает его богатым и счастливым, а нас бедными и умудренными?

И они с невеселой улыбкой поглядели друг на друга. Чего не сделала с ними жизнь, сделали размышления о ней. Тридцать лет прожито вместе под знаком отказа от насилия, то бишь от труда. «Чувствую, жатва скоро», — говаривал Уилли, и они покидали город, не дожидаясь, когда созреет пшеница. Или: «Вот-вот яблоки начнут осыпаться!» И они удалялись миль этак на триста — чего доброго, в голову угодит.

Повинуясь руке Роберта Гринхилла, машина медленно, точно укрошенная лавина, сползла обратно на дорогу.

— Уилли, дружище, не падай духом.

— Я уже перестал давно падать духом, — сказал Уилл. — Теперь мной владеет дух примирения.

— Примирения с чем?

— Что мне сегодня попадется клад — сундук консервов и ни одного ключа для консервных банок. А завтра — тысяча ключей и ни одной банки бобов.

Боб Гринхилл слушал, как мотор беседует сам с собой под капотом: словно старик шамкает о бессонных ночах, дряхлых костях, истертых до дыр сновидениях.

— Невезение не может длиться бесконечно, Уилли.

— Ясное дело, однако оно старается изо всех сил. Мы с тобой продаем галстуки, а кто через улицу сбывает такой же товар на десять центов дешевле?

— Нед Хоппер.

— Мы находим золотую жилу в Топопа, кто первым подает заявку?

— Старина Нед.

— Всю жизнь льем воду на его мельницу, не так, что ли? Теперь уже поздно замысливать что-нибудь для себя, что не пошло бы впрок ему.

— Самое время, — возразил Боб, уверенно ведя машину. — Только вся беда в том, что ни ты, ни я, ни Нед, никто из нас до сих пор точно не знает, что же нам, собственно, надо. Мы мотались по всем этим городам-химерам, высматривали, хватали. И Нед высматривает и хватает. А ведь ему это вовсе не нужно, он потому и старается загрести, что мы стремимся. Загребет, но только мы унесем ноги, как и он все бросает и тянется за нами, надеется еще какой-нибудь хлам раздобыть. Вот увидишь, в тот день, когда мы поймем то, что нам надо, Нед шарахнется от нас прочь раз и навсегда. А впрочем, черт с ним! — Боб Гринхилл вдохнул свежий, как утренняя роса, воздух, струившийся над ветровым стеклом. — Все равно здорово. Небо. Горы. Пустыня и...

Он осекся.

Уилл Бентлин взглянул на него.

— Что случилось?

— Почему-то... — Боб Гринхилл вытарашил глаза, а его дубленные руки сами медленно повернули баранку, — мы должны... свернуть... с дороги...

«Форд» содрогнулся, переваливая через обочину. Они плюхнулись в пыльную канаву, вынырнули и очутились на вздернутом над пустыней сухом мысу. Боб Гринхилл, будто в трансе, протянул руку и повернул ключ зажигания. Старик под капотом перестал сетовать на бессонницу и задремал.

— Объясни, зачем ты это сделал? — спросил Уилл Бентлин.

Боб Гринхилл недоверчиво смотрел на баранку, стиснутую его руками, которые вдруг обнаружили такую интуицию.

— Что-то заставило меня. Зачем? — Он поднял глаза. Он ослабился, и взгляд его перестал быть напряженным. — Вероятно, только затем, чтобы полюбоваться этим видом. Отличный вид. Все как миллиард лет назад.

— Не считая города, — сказал Уилл Бентлин.

— Города? — повторил Боб.

Он повернулся. Вот пустыня, и вдали горы цвета львиной шкуры, и совсем, совсем далеко, взвешенное в волнах горячего утреннего песка и света, плавало некое видение, смутный набросок города.

— Это не Феникс, — сказал Боб Гринхилл. — До Феникса девятьсто миль. А других городов поблизости нет.

Уилл Бентлин зашуршал лежащей на коленях картой. Проверил.

— Верно... нет других городов.

— Сейчас лучше видно! — воскликнул вдруг Боб Гринхилл.

Они поднялись в полный рост над запыленным ветровым стеклом, глядя вперед, подставив ласковому ветру иссеченные лица.

— Постой, Боб. Знаешь, что это? Мираж! Ясное дело! Особенное сочетание света, атмосферы, неба, температуры. Город где-нибудь за горизонтом. Видишь, как он колышется и стано-

вится то темнее, то ярче? Он отражается в небе, как в зеркале, и возвращается вниз как раз тут, так что мы его видим. Мираж, чтоб мне лопнуть!

— Такой огромный?

Уилл Бентлин измерил взглядом город, который в этот самый миг из-за порыва ветра и песчаной зыби стал еще выше, отчетливее.

— Всем миражам мираж! Это не Феникс. И не Санта-Фе, и не Аламогордо. Погоди... И не Канзас-Сити...

— Еще бы, до него отсюда...

— Верно. Да ты погляди на эти дома. Высоченные! Самые высокие в мире. Во всем свете только в одном месте есть такие.

— Ты хочешь сказать... Нью-Йорк?

Уилл Бентлин медленно кивнул, и оба молча продолжали рассматривать мираж. Освещенный утренней зарей город, высокий, сверкающий, был виден как на ладони.

— Да, — сказал, наконец, Боб. — Здорово!

— Здорово, — подтвердил Уилл.

— Но, — чуть погода добавил он шепотом, словно боясь, что город услышит, — что он тут делает, в Аризоне? В трех тысячах милях от дома, невесть где?

Боб Гринхилл смотрел и говорил:

— Уилли, дружище, никогда не задавай природе вопросов. Ей не до тебя, знай себе сидит, занята своим делом. Скажем, что радиоволны, радуги, северные сияния и все такое прочее — словом, какая-то чертовщина сделала этакий огромный снимок Нью-Йорка и проявила его тут, за три тысячи миль, только для нас и как раз в утро, когда мы нуждаемся в поднятии духа.

— Не только для нас. — Уилл повернул голову вправо. — Погляди-ка!

Немая лента странствий отпечаталась на крупитчатой пыли скрещенными черточками, углами и другими таинственными знаками.

— Следы шин, — сказал Боб Гринхилл. — Знать, немало машин сворачивает сюда.

— Ради чего, Боб? — Уилл Бентлин выпрыгнул из машины, опустился на землю, топнул по ней, повернулся, упал на колени и коснулся земли неожиданно и сильно задрожавшими пальцами. — Ради чего, ради чего? Чтобы посмотреть мираж? Так точно! Чтобы посмотреть мираж!

— Ну?

— Ты только представь себе! — Уилл выпрямился и загудел, как мотор. — Ррррррр! — Он повернул воображаемую баранку. Затрусил вдоль машинного следа. — Ррррррр! Ииии! Торможу! Роберт, Боб, понимаешь, на что мы напали?! Глянь на восток! Глянь на запад! Это же единственное на много миль место, где можно свернуть с шоссе и сидеть любоваться!

— Это неплохо, что люди понимают толк в красоте...

— Красота, красота! Кто владелец этого участка?

— Государство, надо полагать...

— Не надо! Мы владельцы, ты и я! Разбиваем лагерь, подаем заявку, приступаем к разработкам, и по закону участок наш... Верно?

— Стой! — Боб Гринхилл впился взглядом в пустыню и удивительный город вдали. — Иначе говоря, ты собираешься... разрабатывать мираж?

— В самое яблочко угодил! Разрабатывать мираж!

Роберт Гринхилл вылез из машины и обошел вокруг нее, разглядывая расшитую следами землю.

— И мы можем это сделать?

— Можем ли? Извините, что я напылил!

В следующий миг Уилл Бентлин уже вколачивал в землю палаточные колья, тянул веревку.

— Вот отсюда и до сих пор, а отсюда до сих простирается золотой прииск, мы промываем золото. Это корова — мы ее доим. Это море денег — мы купаемся в нем!

Нырнув в машину, он выбросил из нее несколько ящиков и извлек большой лист картона, который некогда возвещал о продаже дешевых галстуков. Перевернул его, вооружился кистью и принялся выводить буквы.

— Уилли, — сказал его товарищ, — кто же станет платить за то, чтобы посмотреть на какой-то паршивый, старый...

— Мираж? Поставь забор, объяви людям, что просто так они ничего не увидят, и им сразу загорится. Вот!

Он поднял в руках объявление.

СЕКРЕТНОЕ ДИВО МИРАЖ.
ТАИНСТВЕННЫЙ ГОРОД.

25 центов с машины. С мотоциклов гривенник.

— Как раз машина идет. Теперь гляди!

— Уильям!

Но Уилл уже бежал к дороге, подняв плакат.

— Эй! Смотрите! Эй!

Машина проскочила мимо, точно бык, игнорирующий матadora.

Боб зажмурился, чтобы не видеть, как пропадет улыбка на лице Уилла.

И вдруг — упоительный звук.

Визг тормозов.

Машина дала задний ход. Уилл бежал ей навстречу, размахивая, указывая.

— Извольте, сэр! Извольте, мэм! Секретное Диво Мираж! Таинственный город! Заезжайте сюда!

Ничем не примечательный участок исчертило сперва просто множество, затем вдруг несчетное множество колесных следов.

Огромный одуванчик пыли повис в жарком мареве под сухим мысом. Стоял сплошной гул прибывающих автомашин, которые занимали свое место в ряду — тормоза выжаты, дверцы захлопнуты, моторы заглушены. Разные машины из разных мест, а в машинах люди, тоже разные, как надлежит быть людям,

которые ехали кто откуда, и вдруг их что-то притянуло, как магнит: сначала все и говорили разом, но затем постепенно смолкли перед лицом того, что явила их взглядам пустыня. Ветер тихонько гладил лица, теребил волосы женщин и расстегнутые воротники мужчин. Люди долго сидели в машинах или стояли на краю мыса, ничего не говоря; наконец один за другим стали поворачивать.

Вот первая машина покатила обратно мимо Боба и Уилла; сидящая в ней женщина благодарно кивнула им.

— Спасибо! Действительно, самый настоящий Рим!

— Как она сказала: «Рим» или «дым»? — спросил Уилл.

Вторая машина заколесила к выходу.

— Ничего не скажешь! — Водитель высунулся и пожал руку Бобу. — Так и чувствуешь себя французом.

— Французом?! — вскричал Боб.

Оба подались вперед, навстречу третьей машине. За рулем, качая головой, сидел старик.

— В жизни не видел ничего подобного. Подумать только: туман, все как положено, Вестминстерский мост лучше, чем на открытке, и Большой Бен поодаль. Как вы этого достигаете? Боже храни вас. Премного обязан.

Окончательно сбитые с толку, они пропустили машину со стариком, медленно повернулись и устремили взгляд туда, где колыхалась полуденная игла.

— Большой Бен? — произнес Уилл Бентли. — Вестминстерский мост?.. Туман?

— Чу, что это, кажется, там, за краем земли, совсем тихо, чуть слышно (полно, слышно ли? — они приставили к ушам ладони) трижды пробили огромные часы? И кажется, ревуны окликают суда на далекой реке и судовые сирены гудят в ответ?

— Чувствуешь себя французом? — шептал Роберт. — Большой Бен? Дым? Рим? Разве это Рим, Уилл?

Ветер переменялся. Струя жаркого воздуха взмыла вверх, извлекая перезвон из невидимой арфы. Что это, никак туман затвердел, образуя серые каменные монументы? Что это, никак солнце водрузило золотую статую на вздыбившуюся глыбу чистого снежного мрамора?

— Как... — заговорил Уильям Бентли, — каким образом все меняется? Откуда здесь четыре, пять городов? Мы говорили кому-нибудь, какой город они увидят? Нет. Ну, держись, Боб, держись!

Они перевели взгляд на последнего посетителя, который стоял один на краю сухого мыса. Сделав знак товарищу, чтобы тот молчал, Боб безмолвно подошел к платному посетителю и остановился сбоку, чуть позади.

Это был мужчина лет пятидесяти, с энергичным загорелым лицом, ясными, добрыми, живыми глазами, тонкими скулами, выразительным ртом. У него был такой вид, словно он в жизни немало путешествовал, не одну пустыню пересек в поисках заветного оазиса. Он напоминал одного из тех архитекторов, которые бродят среди строительного мусора подле своих творений, глядя,

как железо, сталь, стекло взмывают кверху, заслоня свободный клочок неба. У него было лицо зодчего, глазам которого вдруг, в одно мгновение, предстало, простершись от горизонта до горизонта, совершенное воплощение давней мечты. Внезапно, словно и не замечая стоящих рядом Уильяма и Боба, незнакомец заговорил тихим, спокойным, задумчивым голосом. Он говорил о том, что видел, говорил о том, что чувствовал:

— В Ксанадупуре...

— Что? — спросил Уильям.

Незнакомец чуть улыбнулся и, не отрывая глаз от миража, стал негромко читать по памяти:

В Ксанадупуре чудо-парк
Велел устроить Кублахан.
Там Альф, священная река,
В пещерах долгих, как века,
Текла в крошечный океан.

Его голос укротил ветер, и ветер гладил двоих стариков, так что они совсем присмирели:

Десяток плодородных верст
Властитель стенами обнес
И башнями огородил.
Ручьи змеистые журчали,
Деревья ладан источали,
И древний, как вершины, лес
В зеленый лиственный навес
Светила луч ловил.

Уильям и Боб смотрели на мираж и в золотой пыли видели все, о чем говорил незнакомец. Гроздья минаретов из восточной сказки, купола, стройные башенки, выросшие на волшебных посевах цветочной пыли из Гоби, россыпи запекшейся гальки на берегах благодатного Евфрата, Пальмира — еще не развалины, только-только построенная, свежей чеканки, не тронутая минувшими годами, вот окуталась дрожащим маревом, вот грозит совсем улететь...

Видение озарило счастьем преобразившееся лицо незнакомца, и отзвучали последние слова:

Поистине диковинное диво —
Пещерный лед и солнца переливы.

Незнакомец смолк.

И тишина в душе у Боба и Уилла стала еще глубже.

Незнакомец теребил дрожащими руками бумажник, глаза его увлажнились.

— Спасибо, спасибо...

— Вы уже заплатили, — напомнил Уильям.

— Будь у меня еще, вы бы все получили.

Он стиснул руку Уильяма, оставил в ней пятидолларовую бумажку, вошел в машину, в последний раз посмотрел на мираж, сел, включил мотор, не торопясь дал ему прогреться и — про-светленное лицо, умиротворенные глаза — укатил.

Роберт сделал несколько шагов вслед за машиной. Он был ошеломлен.

Вдруг Уильям взорвался, взмахнув руками, гикнул, щелкнул каблуками, закружился на месте.

— Аллилуйя! Роскошная жизнь! Полная чаша! Ботиночки со скрипом! Загребай горстями!

Но Роберт сказал:

— По-моему, мы должны отказаться.

Уильям перестал плясать.

— Что?

Роберт устремил пристальный взгляд в пустыню.

— Разве же этим можно овладеть. Вон как далеко до него. Допустим, мы подали заявку на участок, но... Мы даже не знаем, что это такое.

— Как не знаем: Нью-Йорк и...

— Ты когда-нибудь бывал в Нью-Йорке?

— Всегда мечтал... Никогда не бывал.

— Всегда мечтал, никогда не бывал. — Боб медленно кивнул. — Так и они. Слышал: Париж. Рим. Лондон. Или этот, последний: Ксанадупур. Ах, Уилли, да мы тут напали на такое. Удивительное, большое. Боюсь, мы только все испортим.

— Постой, но ведь мы же никому не отказываем, верно?

— Почему ты знаешь? Может быть, четвертак кому-то и не по карману. Неверно это, чтобы с искусственными правилами подходить к естественному. Погляди и скажи, что я не прав.

Уильям поглядел.

Теперь город был похож на тот самый, первый в его жизни город, увиденный им, когда однажды поутру мать повезла его с собой на поезде. Они ехали по зеленому степному ковру, и вот впереди крыша за крышей, башня за башней, над краем земли стал подниматься город, испытующе смотревший на него, следивший за тем, как он подъезжает все ближе. Город — такой невиданный, такой новый и в то же время старый, такой устрашающий и чудесный...

— По-моему, — сказал Боб, — оставим себе ровно столько, сколько нужно, чтобы купить бензину на неделю, а остальные деньги положим в первую же церковную кружку. Этот мираж, он как чистый, прозрачный родник, к которому припадают измученные жаждой. Умный человек зачерпнет стакан, освежится глотком и поедет дальше. А если мы останемся и примемся сооружать плотины, замыслим все присвоить...

Уильям, глядя вдаль сквозь шелестящие вихри пыли, попытался смириться, согласиться:

— Раз ты так говоришь...

— Не я. Весь здешний край говорит.

— А вот я скажу другое!

Они подскочили и обернулись.

На косогоре над дорогой стоял мотоцикл. В радужных пятнах

бензина, в огромных очках, с коркой грязи на щетинистых щеках, верхом на мотоцикле сидел человек, источая столь знакомую заносчивость и высокомерие.

— Нед Хоппер!

Нед Хоппер улыбнулся своей самой ядовито-благожелательной улыбкой, отпустил тормоза и съехал вниз, к своим старым друзьям.

— Ты... — произнес Боб.

— Я! Я! Я! — громко смеялся, запрокинув голову, Нед Хоппер и трижды стукнул по кнопке сигнала. — Я!

— Тихо! — вскричал Боб. — Разобьешь, это же как зеркало.

— Что как зеркало?

Уильям, зараженный тревогой Боба, беспокойно посмотрел на горизонт над пустыней.

Мираж затрепетал, задрожал, затуманился — и снова гобеленом расстелился в воздухе.

— Ничего не вижу! Признавайтесь, что вы тут затеяли, ребята? — Нед уставился на испещренную следами землю. — Я двадцать миль отмахал, прежде чем смекнул, что вы где-то позади притаились. Э, говорю себе, разве так поступают старые добрые друзья, которые в сорок седьмом навели меня на золотую жилу, а в пятьдесят пятом подарили этот мотоцикл. Сколько лет помогаем друг другу, и вдруг какие-то секреты от старины Неда. И я повернул назад. Полдня вон с той горы за вами следил. — Нед приподнял бинокль, висевший на его запятой грязью куртке. — Я ведь умею читать по губам: вы не знали? Точно! Видел, как сюда заскакивали все эти машины, видел денежки. Да у вас тут настоящий театр!

— Убавь голос, — предостерег его Роберт. — До свидания.

Нед приторно улыбнулся.

— Как, вы уезжаете? Жалко. Хотя вообще-то я понимаю ваше желание покинуть мой участок.

— Твой! — закричали Боб и Уильям, спохватились и дрожавшим шепотом повторили: — Твой?

Нед усмехнулся.

— Я как увидел ваши дела, махнул напрямик в Феникс. Видите этот документик, который торчит из моего заднего кармана?

В самом деле, аккуратно сложенная бумажка.

Уильям протянул руку.

— Не доставляй ему этого удовольствия, — сказал Роберт.

Уильям отдернул руку.

— Ты хочешь внушить нам, будто подал заявку на участок?

Нед заточил улыбку в своих глазах.

— Хочу не хочу. Допустим, я соврал — все равно я на своем мотоцикле доберусь до Феникса быстрее, чем вы на вашем драндулете.

Нед обозрел окрестности в свой бинокль.

— Так что лучше выкладывайте все денежки, какие получили с двух часов дня, когда я подал заявку, с того часа вы находитесь на чужой земле, моей земле.

Роберт швырнул монеты в пыль. Нед Хоппер бросил небрежный взгляд на блестящий сор.

— Монета правительства Соединенных Штатов! Лопни мои глаза, ведь ничегошеньки нет, а глупые кролики все равно денежки несут.

Роберт медленно повернулся лицом к пустыне.

— Ты ничего не видишь?

Нед фыркнул.

— Ничего, и ты это знаешь!

— А мы видим! — закричал Уильям. — Мы...

— Уилл, — сказал Боб.

— Но, Боб!.. Роберт!..

— Там нет ничего. Он прав. — Боб мигнул.

Под барабанную дробь моторов к ним приближались еще машины.

— Извините, джентльмены, мое место в кассе! — Нед метнулся к дороге, размахивая руками. — Извольте, сэр, мэм! Сюда! Сюда! Деньги вперед!

— Почему? — Уильям проводил взглядом горланящего Неда Хоппера. — Почему мы позволяем ему делать это?

— погоди, — сказал Роберт кротко. — Ты увидишь.

Они отошли в сторону, пропуская чей-то «форд», чей-то «бьюик», чей-то престарелый «мун».

Сумерки. На горе, метрах в двухстах над «Кругозором Таинственного города Миража», Уильям Бентлин и Роберт Гринхилл поджарили и принялись ковырять вилками скудный ужин: свиные початый что и нет, одни бобы. Время от времени Боб наводил выдавший виды театральный бинокль на то, что происходит внизу.

— Тридцать клиентов с тех пор, как мы уехали, — сказал он. — Ничего, скоро придется закрывать. Десять минут, и солнце совсем уйдет.

Уильям смотрел на одинокий боб, пронзенный его вилкой.

— Нет, ты мне скажи: почему? Почему всякий раз, как нам повезет, Нед Хоппер тут как тут?

Боб дыхнул на стекла бинокля и протер их рукавом.

— Потому, дружище Уилл, что мы с тобой чистые души. Вокруг нас сияние. И злодеи мира сего, как завидят его, радуются: «Эге, не иначе там ходят этакие милые, простодушные сосунки». И спешат во всю прыть к нам, погреть руки. Как тут быть?.. Не знаю. Разве что погасить сияние.

— Да ведь не хочется, — задумчиво произнес Уильям, держа ладони над костром. — Просто я надеялся, что, наконец, настала наша пора. Такой тип, этот Нед Хоппер, только брюхом живет, и когда его гром разразит?

— Когда? — Боб ввинтил линзы бинокля себе в глаза. — Уже, уже разразил! Позор маловерам!

Уильям вскочил на ноги рядом с ним. Они поделили бинокль, каждому по окуляру.

— Гляди!

И Уильям, приставив глаз к биноклю, крикнул:

— Семь верст до небес!

— И все лесом!

Еще бы, такое зрелище! Нед Хоппер переминался с ноги на ногу возле автомашины. Сидящие в ней люди энергично жестикулировали. Он вручил им деньги. Машина ушла. И к ним на гору донеслись приглушенные расстоянием горестные стенания Неда.

Уильям ахнул.

— Он возвращает деньги! Гляди, едва не ударил вон того... А тот грозит ему кулаком! Нед ему тоже возвращает деньги! Гляди, еще нежное расставание... Еще!

— Так его! — ликовал Боб, прильнув к своей половине бинюка.

И вот уже все машины катят прочь в облаке пыли. Старина Нед исполнил какую-то яростную чечетку, швырнул оземь свои очки, сорвал плакат, изрыгнул ужасающую брань.

— Вот дает! — задумчиво сказал Роберт. — Не хотел бы я услышать такие слова. Пошли, Уилли!

Не дожидаясь, когда Уильям Бентлин и Роберт Гринхилл спустятся на своей машине к повороту на Таинственный город, разъяренный Нед Хоппер пулей вылетел с мыса. Злобные крики, рев мотоцикла, раскрашенный картон бумерангом взлетел в воздух и со свистом пронесся у самого уха Боба. Нед уже скрылся в облаке дробного грохота, когда плакат плавно лег на землю. Уильям поднял его и обер.

Сумерки сгустились, солнце прощалось с далекими вершинами, край притих и примолк. Нед Хоппер исчез, и двое остались одни на опустевшем мысу, среди исчертивших пыль колесных следов, глядя на пески и загадочный воздух.

— Нет, нет!.. — произнес Уильям.

— Боюсь, что да, — отозвался Боб.

Чуть тронутая розовым золотом заходящего солнца пустыня была пуста. Мираж пропал. Два-три пылевых вихря кружили, рассыпаясь у горизонта, и только.

Уильям все свое разочарование вложил в глубокий стон.

— Это он сделал! Нед! Нед Хоппер, возвращайся, ты!.. Все испортил, окаянный! Чтоб тебе света не видать! — Он осекся. — Боб, как ты можешь?.. Стоит, хоть бы ему что!

Роберт грустно улыбнулся.

— А мне его жаль, жаль Неда Хоппера.

— Жаль?!

— Он так и не увидел того, что видели мы. Не увидел того, что видел любой. Даже на миг не поверил. А ведь неверие заразительно. Оно и к другим пристаёт.

Уильям внимательно оглядел безлюдный край.

— По-твоему, в этом все дело?

— Кто его знает. — Роберт покачал головой. — Одно несомненно; когда люди сворачивали сюда, они видели город, города, мираж, назови как хочешь. Но поди разгляди что-то, когда тебе все заслоняют. Неду Хопперу не надо было даже руки поднимать, чтобы закрыть своей лапшей солнце. В ту же минуту театр — двери на замок.

— А нельзя... — Уильям помялся, — нельзя нам снова открыть его? Что? Что надо сделать, чтобы оживить такую штуковину?

Они окинули взглядом пески, горы, редкие одинокие облачка, притихшее, бездыханное небо.

— Если глядеть уголком глаза, не прямо, а как бы невзначай, ненароком...

И они стали смотреть на ботинки, на руки, на камни в пыли у своих ног. Наконец Уильям буркнул:

— А точно ли это? Что мы чистые души?

Роберт усмехнулся.

— Конечно, не такие чистые, как дети, которые побывали здесь сегодня и видели все, что им желалось, и не как те взрослые простые люди, которые родились среди золотистых полей и милостью божьей странствуют по свету, оставаясь детьми в душе. Нет, Уилли, мы с тобой ни те, ни другие, ни малые, ни взрослые дети. Но и у нас есть достоинство: мы радуемся жизни. Знаем, что такое прозрачное утро на пустынной дороге, знаем, как рождаются и гаснут звезды в небесах. А старина Нед, он давным-давно разучился радоваться. Как не пожалеть, когда представишь его сейчас: мчится на своем мотоцикле, и так всю ночь, весь год...

Кончив говорить, Роберт обнаружил, что Уильям исподволь ведет глазами в сторону пустыни. И он тихонько прошептал:

— Видишь что-нибудь?..

Уильям вздохнул.

— Нет. Может быть... завтра...

На шоссе показалась одинокая машина.

Они переглянулись. Глаза их вспыхнули испуганной надеждой. Но руки не поднимались и рот не открывался, чтобы крикнуть. Они стояли молча, держа перед собой разрисованный плакат.

Машина пронеслась мимо.

Они проводили ее молящими глазами.

Машина затормозила. Дала задний ход. В ней сидели мужчина, женщина, мальчик и девочка. Мужчина крикнул:

— Уже закрыли на ночь?

— Ни к чему... — заговорил Уильям.

— Он хочет сказать: деньги нам ни к чему! — перебил его Роберт. — Последние клиенты сегодня, к тому же целая семья. Бесплатно! За счет фирмы!

— Спасибо, приятель, спасибо!

Машина, рывкнув, въехала на площадку кругозора.

Уильям стиснул локоть Роберта.

— Боб, какая муха тебя укусила? Огорчить детишек, такую славную семью!

— Помалкивай, — ласково сказал Роберт. — Пошли.

Дети выскочили из машины. Мужчина и его жена выбрались на волю и остановились, освещенные вечерней зарей. Небо было сплошь золотое с голубым отливом. Где-то в песчаной дали пела птица.

— Смотри, — сказал Роберт.

И они подошли к семье, которая стала в ряд, глядя на пустыню.

Уильям затаил дыхание.

Мужчина и его жена неловко прищурились, всматриваясь в сумрак.

Дети ничего не говорили. Их выпуклые глаза впитали в себя чистый отсвет заката.

Уильям прокашлялся.

— Уже поздно. Кхм... Плохо видно...

Мужчина хотел ответить, но его опередил мальчик:

— А мы видим... здорово!

— Да... Да! — подхватила девочка, показывая рукой. — Вон там!

Мать и отец проследили взглядом за ее рукой, точно это могло помочь, и...

— Боже, — воскликнула женщина, — на миг мне почудилось... но теперь... хотя... Ну да, вот оно!

Мужчина впился глазами в лицо женщины, что-то прочел на нем, сделал мысленный оттиск и наложил его на пустыню и воздух над пустыней.

— Да, — молвил он наконец, — конечно же.

Уильям посмотрел на них, на пустыню, потом на Роберта; тот улыбнулся и кивнул.

Лица отца, матери, дочери, сына светились.

— О, — прошептала дочь, — и неужели это правда?

Отец кивнул, осененный видением, которое было на грани зримого и за гранью постижимого. И он сказал так, словно стоял один в огромном заповедном храме:

— Да. И клянусь... это прекрасно.

Уильям уже начал поднимать голову, но Роберт шепнул:

— Не спеши. Сейчас появится. Потерпи немного, не спеши, Уилл.

И тут Уильям сообразил, что надо сделать.

— Я... я стану вместе с детьми, — сказал он.

И он медленно прошел вперед и остановился за спиной мальчика и девочки. Так он долго стоял, точно между двумя жаркими кострами в холодный вечер, и они согрели его, и он старался не дышать и, наконец, исподволь поднял глаза, осторожно направляя взгляд на вечернюю пустыню и воображаемый сумеречный город.

И в легком облаке летучей пыли, из которой ветер лепил смутные башни, шпили, минареты, увидел мираж.

Он ощутил на шее, совсем близко, дыхание Роберта, который шептал, словно разговаривая сам с собой:

Поистине... диковинное диво —
Пещерный лед и солнца переливы...

И город явился.

Перевод с английского Л. ЖДАНОВА

Обсуждая способности некоего Иванова к научной работе, кто-нибудь скажет с одобрением: «Настоящий ученый, ясное физическое мышление», или с порицанием: «Да, он толковый, но не способен физически мыслить».

Отсутствие физического мышления рассматривается как дефект, когда речь идет о естествоиспытателе. В других же случаях отсутствие физического мышления сыграло бы не большую роль, чем отсутствие музыкального слуха в спортивных успехах Валерия Брумеля или Лидии Скобликовой. Поэтому можно услышать и такие характеристики: «Да какой же он физик, он математик чистой воды. Работы его как брюссельское кружево — бездна тонкости и изыска. Но физическое мышление ему чуждо».

Что же это за строй мыслей хорошего естествоиспытателя, который называют физическим мышлением? Мы будем говорить о нашем современнике.

«Типичный физик» — так я назову фигуру, олицетворяющую для меня каноны физического мышления, — начинает свою деятельность с внимательного анализа фактов. Прежде всего он ставит перед собой вопрос: можно ли наблюдать явление повторно, можно ли его воспроизводить. Это необходимое условие, чтобы к делу отнестись серьезно.

Единичный факт может быть предметом светской болтовни, но не отправной позицией для научного исследования. Характерен в этом смысле пример телепатии, к которой в последнее время оживился интерес. Занятно, что людям, далеким от науки, очень хочется поверить в возможность передачи мыслей на расстоянии. Сколько темпераментных «доказательств» приходится физикам слышать от своих знакомых, в особенности от женщин. «Она увидела сон, что сыну плохо. Проснулась и посмотрела на часы. А через неделю получила письмо: в этот день и час у сына был сердечный припадок. Ну как же после этого не верить в передачу мыслей». Ученый-«сухарь» слушает милую даму, вежливо улыбаясь, мало скрывая, что интерес его вызван собеседницей, а не предметом разговора. Дама восклицает в конце концов в сердцах:

— Невыносимый вы человек, почему вы не интересуетесь такими вещами? Значит, наука бессильна объяснить эти чудеса?

Физик переводит разговор на другие темы: даме было бы скучно слушать его ответ.

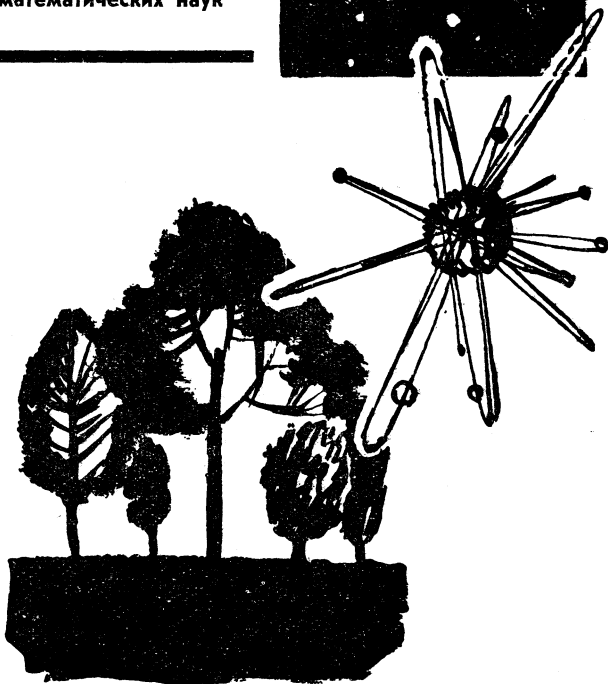
Вопрос о передаче мыслей на расстоянии не является предметом науки и не интересует серьезного исследователя по той причине, что никому еще, насколько мне известно, не удалось воспроизводить в определенных условиях одно и то же явление,

ВПЕРЕДИ—

ОТКРЫТИЯ

А. КИТАЙГОРОДСКИЙ,
профессор, доктор
физико-математических наук

Когда мне рассказывают про всякие чудеса этого рода, я отвечаю примерно так:

— Если вы хотите, чтобы естествоиспытатель серьезно занялся такой проблемой, то вы прежде всего должны показать ему возможность повторения простого опыта. Ну, например, пусть сто человек по очереди предстанут перед пронзительными очами угадывателя мыслей и будут мысленно твердить свое имя, отчество и фамилию. Если отгадчик не ошибется хоть раз и у меня будет уверенность, что спектакль не был подстроен, я немедленно организую еще сто экспериментов такого же типа. Если только будет доказано, что систематически хоть в одном случае из ста удается отгадать чужие мысли, тогда этой проблемой займется естествознание.

Итак, для включения в ход физического мышления требуется повторяющееся или воспроизводимое явление. Наблюдение показывает, что при таких-то условиях обязательно совершается то-то и то-то. Впрочем, не обязательно чтобы обязательно. Наблюдение может показать, что явление осуществляется в данных условиях с определенной вероятностью. Этого тоже достаточно, чтобы быть уверенным в необходимости научного подхода. Кстати, нелишне сказать, что значит с «определенной вероятностью».

Чтобы вынести суждение о том, что явление происходит с «определенной вероятностью», и чтобы найти ее, вычислить, чему она равна, надо очень много раз повторять опыт. Положим, вы проделали опыт 10 раз и в 3 случаях из 10 обнаружили характерное явление. Не торопитесь утверждать, что вероятность события $3/10$. Продолжайте измерения. Вполне возможно, что в следующих 10 опытах явление будет обнаружено 2 раза, еще в следующих 5 раз. Будут и такие десятки опытов, в которых явление возникает с определенной вероятностью, надо подсчитать, сколько раз оно появляется в 100 опытах, в 1000 опытов, в 10 000 опытов. Если ясно, что по мере увеличения числа экспериментов доля удачных стремится к пределу, то тогда действительно есть уверенность, что событие имеет определенную вероятность появления, как раз равную этому пределу.

Как видите, не так просто судить о вероятности, и «типичный физик» никогда не позволит себе делать заключения о вероятности события на основе единичных наблюдений, остерегаясь попасть впросак.

Выгляните из окна и посмотрите, кто первый пройдет под вашим окном — мужчина или женщина? Чему равна вероятность того, что это будет мужчина? Скорее всего около $1/2$. А как проверить? Очевидно, надо подсчитать, сколько будет мужчин среди, ну, скажем, первых двадцати прохожих (казалось бы, вполне достаточно). Выглядываем из окна и отсчитываем девятнадцать спортсменов, бодро шагающих на тренировку под командованием единственного мужчины тренера. Вот и вычислили вероятность.

Временные посторонние помехи могут исказить заключения о явлении. Об этом помнит «типичный физик» и не торопится выносить заключение о вероятности явления. Забвение этого правила не раз приводило к грустным последствиям — ложным

«открытиям», которые публиковались в печати, нередко были высоко оценены, а затем...

Научный факт установлен, и теперь исследователь задумывается о том, как бы яснее и четче его описать. Этот шаг требует придумывания строгих и точных количественных понятий, позволяющих удобно описывать явление. Разумеется, мы стремимся выбрать эти понятия так, чтобы они были попроще. Ни у кого не было сомнений в выборе понятия скорости для характеристики быстроты движения. Условились измерять скорость числом метров, пройденных телом за секунду, хотя, конечно, можно назвать скоростью и квадрат и корень квадратный из этого числа метров. Ввести в обиход новую физическую величину — это значит указать измерительную процедуру, позволяющую охарактеризовать явление числом.

Разрешите проиллюстрировать эту тяжелую фразу на шуточном примере.

Представьте себе нашего «типичного физика» в лаборатории педагогики. Его знакомят с постановкой исследовательских работ сотрудника лаборатории.

— Здесь мы занимаемся, — рассказывают физику, — исследованием терпения у детей младших классов. Смотрим, как это свойство зависит от воспитания, от быта в семье, от наследственности.

— Очень интересно! А чем вы характеризуете терпение ребенка? — спрашивает он.

— То есть как? — удивляется педагог. — Мы его расспрашиваем, узнаем от родителей и учителей, как ведет себя ребенок в разных условиях. На основании расспросов определяем — терпеливый ребенок или нет.

— Я бы так не поступал, — заявляет физик.

— А как?

— Гм-м... Что бы это взять за меру? Ну, да вы сами потом подумайте, а я только для примера. Ну, скажем, так. Даете ребенку коробку спичек скверного качества, просите зажечь спичку. А они не зажигаются. Первая, вторая, третья... В конце концов и ангел взорвется, бросит коробку в сторону, чертыхнется, что ли. Вот на какой спичке это произойдет, это число и примите за характеристику терпеливости. Ну, что-нибудь в таком роде. А то что же это за исследование, в котором характеристика явления не имеет меры!

Растерянный педагог обещает подумать. Физик уходит домой в полной уверенности, что пришло время физическому мышлению забраться в дебри педагогики.

После того как количественные меры явлений выбраны, начинается экспериментальное исследование. По сути дела, любая работа естествоиспытателя заключается в поиске зависимостей и корреляций между разными понятиями, которыми описываются явление и среда, где разыгрывается явление. Как электропроводность зависит от материала, от давления, от температуры, как связана теплоемкость тела с его способностью рассеивать рентгеновы лучи, как зависит скорость такой-то химической реакции от растворителя, от температуры, от освещения; как сказываются

на биотоках мозга звуки разной силы и тональности; как угол наклона магнитной стрелки зависит от широты и долготы места измерения... Все естествознание может быть изложено в виде списка таких вопросов и ответов на них.

Я описал характерные черты физического мышления, как они проявляются в экспериментальном исследовании природы. Теперь обратимся к теории.

*

Факты не лезут ни в какие ворота, непонятны с точки зрения существующих представлений или — еще интересней — находясь с ними в противоречии.

Теоретик удовлетворенно потирает руки и приступает к работе. Найти разгадку этих явлений — значит вознести науку на новую ступень. Что может быть важнее? Известные аксиомы и гипотезы оказались бессильными — значит нужны новые обобщения. И они могут быть как угодно смелыми, сколько угодно сумасшедшими. Они должны разрушать привычные представления, раздражать своей неожиданностью. В шутовском замечании Бора, сделанном по поводу новой попытки Гейзенберга объяснить свойства элементарных частиц, что «теория недостаточно сумасшедшая, чтобы быть верной», заключена, несомненно, верная мысль: принципиальный скачок невозможен без решительной ломки старого.

Никто из современных физиков не станет теперь встречать в штыки новую теорию лишь потому, что она противоречит каким бы то ни было установившимся точкам зрения. Закон сохранения энергии является краеугольным камнем современного естествознания, но если бы поднялась рука на эту основу основ, то и такая теория подверглась бы строгому обсуждению, а не была бы отвергнута лишь потому, что «этого не может быть». Опыт XX столетия научил естествоиспытателей самому главному — не пытаться новые идеи засовывать в старые рамки.

Однако это совсем не значит, что любая новая теория, зачеркивающая все, что было до нее, заслуживает внимания. Прежние достижения должны оставаться не тронутыми новой гипотезой. Они слишком значительны, чтобы быть случайными. И новая сумасшедшая теория должна переходить в нормальную, привычную, когда мы попытаемся приложить ее к явлениям, которые превосходно подчинялись старым аксиомам. Этому нас также научило XX столетие.

И теория относительности и квантовая механика были сформулированы как обобщения. Старая классическая механика Ньютона оказалась их частным случаем. Теория относительности превращалась в привычную механику при малых скоростях движения, квантовая механика переходила в нее же для частиц достаточно большого веса. Преемственность — обязательный признак научной теории.

Каждый серьезный исследователь прежде всего озабочен тем, чтобы то новое, что он собирается внести в науку, не нарушило

гармонии тех областей, где наука превосходно обходилась без его помощи. Каждый лжеученый озабочен прежде всего тем, чтобы рушить старое.

Для литераторов бедствием являются графоманы. Они шлют свои романы и стихи в газеты и журналы, требуют внимания, отзывчивости и признания. Не получая отклика, засыпают редакции жалобами непризнанных гениев. Похожая напасть есть и в мире науки. Это авторы новейших теорий строения атома, изобретатели перпетуум-мобиле, открыватели мирового эфира с универсальными свойствами.

Даже в том случае, когда автор новой системы знания достаточно образован и язык его писаний вполне наукообразен, лженаучный характер теории выявляется сразу же. Особенность представителя лженауки — будь он сумасшедший, невежда или жулик — состоит в том, что он обязательно начинает с ниспровержения всех основ.

Как правило, лжеученый, бодро размахивая косой, чтобы очистить путь своим откровениям, не замечает простой логической ошибки. Его новая теория обосновывается аргументами, заимствованными из существующих теорий. Так поступает, например, изобретатель вечных двигателей. Сложнейшая машина, действующая на первый взгляд вполне безупречно, построена по законам механики. А ему и невдомек, что из этих же законов со строящейся логикой следует невозможность этой самой машины.

Итак, от новой теории требуется, чтобы она включала в себя старые представления как частный случай и чтобы ее новизна оправдывала бы себя при объяснении доселе непонятных явлений. Но и этого мало. За то, что мы соглашаемся признать самые сумасшедшие предположения автора, мы требуем от него, чтобы он предсказал новые явления, которые еще не наблюдались. И новая теория приобретает признание только в том случае, если эти предсказания подтверждаются. Тогда и только тогда начинается пересмотр сложившихся представлений и новые взгляды приходят на смену старым.

Разумеется, роль теории в естествознании не сводится к нахождению новых законов природы. Перед теоретическим естествознанием стоят, кроме того, задачи доведения общих законов природы, так сказать, до станка. Действительно, в огромном числе случаев у нас нет основания сомневаться, что явление происходит в полном согласии с уже известными законами природы. Но тем не менее закономерности явления требуют объяснения. В этом случае речь идет о выводе частной закономерности из общего закона. Чтобы это сделать, надо разумно упростить явление (только так, чтобы не выплеснуть с водой и ребенка) и строгим дедуктивным математическим рассуждением показать, какие зависимости являются следствиями известных общих законов.

Особенности физического мышления проявляются здесь как в самом решении задачи, так и в постановке задачи. Дело в том, что не всякий теоретический расчет целесообразен. Теория может рассчитать результат конкретного опыта. Скажем, можно поставить задачу — теоретически вычислить плотность воды. Несколько месяцев работы, и вы получите результат — плотность воды

с точностью пять процентов равна единице. Но измерить плотность воды можно за несколько минут, и при этом с точностью в тысячные доли процента. Спрашивается, зачем надо было считать!

Но вот вычислить угол наклона ракеты, чтобы она попала в заданное место, явно целесообразно. Установить этот угол наклона опытным путем (то есть запустив под разными углами тысячу ракет и выбрав один нужный) стоило бы слишком дорого.

То же самое касается теоретического расчета зависимостей, имеющих частное значение. Например, можно рассчитать, как зависит давление паров бензола от температуры. Но результаты этого очень сложного расчета не помогут в предсказании поведения паров других веществ. Если так, то проще произвести измерения.

Короче, физик возьмется за теоретические вычисления, если результатом его работы окажутся достаточно общие закономерности, охватывающие широкий круг явлений, а исчерпывающее опытное описание этого круга явлений будет занимать несоизмеримо большее время. Только тогда игра стоит свеч.

Казалось бы, довольно ясные вещи. Но, к сожалению, эти правила часто нарушаются естествоиспытателями, но теми, кому чуждо физическое мышление...

Речь шла об архитектурном стиле научных исследований. Теперь несколько слов о том, как обстоят дела строительства фундамента естествознания.

Можно без труда выделить завершенные постройки. Это прежде всего механика, которая умеет безошибочно и с величайшей точностью предсказывать движения тел, если известны действующие на них силы. Это электродинамика, позволяющая рассчитывать электромагнитные поля, если заданы создающие их электрические заряды и токи. Один из красивейших разделов естествознания — статическая физика командует поведением газов жидкостей и твердых тел, меняющих свои свойства под влиянием внешних условий. Поведение атомных ядер и электронов с успехом предсказывается квантовой механикой.

Все эти области физики похожи до некоторой степени на эвклидову геометрию: несколько аксиом, и далее строгое дедуктивное изложение, логический вывод бесчисленных следствий, подтверждаемых опытом с той точностью, с которой удалось произвести теоретическое вычисление.

В ряде случаев исходные аксиомы настолько просты, что без труда верится, что это истины в последней инстанции. Так, например, можно показать, что три кита, на которых покоится механика, — закон сохранения энергии, закон сохранения поступательного импульса и закон сохранения вращательного импульса — сводятся к утверждению о равноправности разных мест и направлений пространства.

Однако далеко не все исходные аксиомы науки столь просты. А обязаны ли они быть простыми? Кто может на это ответить? Известный английский физик Поль Дирак полагает, что основные аксиомы могут быть и непростыми, но обязательно должны выделяться математическим изяществом и красотой. Эстетический

критерий при обсуждении математических формул? Да. Оценка уравнений и вычислений как красивых, изящных или, напротив, неуклюжих, громоздких очень распространена среди физиков.

Закон всемирного тяготения Ньютона, несомненно, красивый закон. Подумайте, сколь симметрична и проста его запись; именно в этой симметрии и простоте и заключена красота закона. Представьте себе, что кто-нибудь предложил бы закон тяготения, в котором знаменателем формулы служил бы не квадрат расстояния, а расстояние в степени девять вторых, а в числителе стояло бы не произведение масс, а, скажем, корень квадратный из суммы масс. Некрасивая, неприятная формула. Сомнение в ее справедливости возникло бы сразу, она раздражала бы нас с чисто эстетических позиций.

Читатель, вероятно, скажет, что автор шутит. Почему природа любит красивые уравнения?

Не знаю. Вероятно, природа — хороший математик. Ведь все фундаментальные уравнения современной физики, бесспорно, поддерживают эстетический критерий. Можете мне поверить, что изящество и простота математического представления законов электродинамики (уравнения Максвелла) доставляют физику эмоциональное волнение, хотя источником их принято считать лишь произведения искусства.

Но если аксиомы завершенных областей физики так красивы, как утверждает автор, то значит ли, что на них физика может успокоиться? Нет, совсем нет. Об этом свидетельствуют упорные поиски Эйнштейном единой теории поля. Насколько выиграла бы наша система аксиом, если бы удалось их представить как следствия единого закона природы! Поискам такого уравнения, из которого выводились бы и законы механики и законы электродинамики, Эйнштейн посвятил последние десятки лет своей жизни. Увы, титанический труд оказался безуспешным. Будет ли найдена такая генерал-аксиома, покажет будущее.

Надо признаться, что вопрос объединения механики и учения об электричестве волнует физиков несравненно меньше, чем теория элементарных частиц. В конце концов механика и электродинамика (пусть даже не подведенные под одну крышу) представляют собой образец законченности. Проблемы сегодняшнего дня, связанные с этими дисциплинами, могут быть переданы в руки прикладников и математиков-вычислителей. Что же касается учения об элементарных частицах, бурно развивающегося на наших глазах и приносящего что ни год, то все новые поразительные открытия, то оно представляется лишь как собрание обрывочных понятий, а не образец стройной теории. Думается, что мы вправе ожидать, что именно здесь, из хаоса новых экспериментальных данных о поведении мельчайших частиц материи, должна вырасти новая теория, которая, может быть, соединит в одно целое не только механику с электродинамикой, но и приведет нас к единому закону всего естествознания.

Поэтому сегодня усилия многих ученых направлены на создание теории в той области, где ее нет, то есть в области движения элементарных частиц со скоростями, близкими к скоростям света. Ведь квантовая механика Шредингера не работает здесь потому, что частицы очень быстрые, а теория относительности

Эйнштейна не работает по той причине, что частицы очень легкие.

Пока успехи в этом направлении невелики. Но и задача не из легких. Будущей теории придется объяснить, почему элементарных частиц столько, сколько их наблюдается на опыте; почему они обладают такой массой, а не иной; почему заряды частиц равны заряду электрона или отличаются от этого заряда лишь знаком, а не произвольны и т. д. Коротко говоря, объяснить надо, почему мир элементарных частиц построен именно так, а не как-нибудь иначе. Должно же это следовать из какого-то общего единого закона природы?

Ищут этот закон исследователи математического склада ума, составляя уравнения, как можно более изящные и красивые. Ищут его физики, не признающие ведущую роль эстетических позиций, а стремящиеся добиться успеха, пропуская через сито теоретического анализа груды экспериментальных фактов, которые добываются во всех странах мира с помощью фантастически громадных и не менее фантастически дорогих мощнейших ускорителей. Игра стоит свеч — речь идет об открытии великого закона природы, закона, который должен привести к новой революции наших взглядов на мир.

Глава из книги «Физика — моя профессия». Выходит в издательстве «Молодая гвардия».

«14.03. Сильным толчком, в результате донного землетрясения, батискаф сброшен с выступа...»

— Мы падаем! — крикнул Михаил.

— Нет, всплываем! — ответил Базанов, тщетно пытаясь подняться на ноги.

Они были правы оба. Сначала кабина, накренившись, падала вниз.

Потом она вдруг резко качнулась... — и начала быстро всплывать.

— Есть! — радостно воскликнул Базанов, хлопая меня по плечу. — Затворы сработали, мальчики. Мы всплываем!

Я бросился к иллюминатору. Но стекла все еще были темными, вода не смыла с них грязь.

Стрелка глубиномера бойко перескакивала от цифры к цифре: 3500 метров, 3000...

2500...

Мы с Мишей подмигнули друг другу.

Но почему у Базанова озабоченное и настороженное лицо?

— Что-нибудь не так, командир? — спросил я.

Продолжение. Начало см. в № 1.

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

— Полный порядок, — ответил он улыбаясь. — Скоро будем наверху. Но кто мне объяснит, что же все-таки произошло?

— Похоже, мы попали в зону моретрясения, — сказал я. — Они здесь частенько бывают. Мы же с вами находимся в знаменитом «Огненном поясе». Он опоясал весь Тихий океан. Тут и действующих вулканов и землетрясений природа отпустила куда больше, чем нужно человечеству для научных исследований. И эпицентр очередного моретрясения оказался где-то неподалеку. Первого толчка мы не ощутили, но он сбросил на нас илистую лавину. А второй толчок спас нас, столкнув с уступа, на котором засели. Надо взять пробы воды, если только наши «руки» не вышли из строя...

Базанов занялся своей техникой, а мы с Михаилом начали проверять заборные приборы.

Один наружный термометр, видимо, разбился, или порвались провода, передававшие в кабину его показания: стрелка указателя бессильно поникла на циферблате, но другой уцелел. Пострадало, вероятно, и несколько цилиндриков для забора проб воды. Но остальные действовали. Я наполнил их водой, записав в журнал, на какой глубине взята каждая проба.

— А как твоё хозяйство? — спросил я Михаила, возившегося в своем уголке.

— Несколько колб с пробами разбито, — мрачно ответил он. — Посвети мне, пожалуйста, переноской. Тут что-то непонятное.

— Что?

— В трех пробах планктон почему-то осел на дно.

— Ну и что?

— Он должен плавать. Подожди, не убирай лампу. Добавлю свежей воды.

Он так медленно и осторожно колдовал со своими колбами, что я не выдержал:

— Укрепи где-нибудь лампу, у меня своих дел хватает.

— Спасибо, больше не нужно. Можешь ее убрать. Все в порядке, они всплывают.

— Мне бы твои заботы...

Но Мишка уже был где-то далеко от меня. Задумчиво спрятав колбу в термостат, он пробормотал по привычке:

— Забавно...

И начал что-то торопливо записывать в свой грессбук.

Взгляд мой задержался на указателе глубины. Почему так медленно движется стрелка? За пятнадцать минут она одолела всего одно деление и теперь, неуверенно вздрагивая, остановилась у цифры 316.

Я посмотрел на Базанова. У него на скулах под загорелой кожей напряглись желваки.

Что опять?

Крепко — так, что побелели костяшки пальцев, — ухватившись за штурвал, он налег на него всем телом.

Зачем? Штурвал и так повернут до отказа. Водяные балластные цистерны были давно продуты дочиства...

— Чего же она хочет? — пробормотал Базанов.

— Иллюминатор очищается! — радостно воскликнул со своего поста Михаил.

Мы с Базановым бросились к нему.

Действительно, струи воды наконец-то размывили илистое бельмо на стекле. Правда, оно еще не очистилось полностью, но в трещины между пятнами грязи уже брезжил свет наших прожекторов. Эх, если бы можно было вылезти наружу и соскрести, смыть со стекла этот проклятый ил!

Я взглянул в свой иллюминатор. Проблески света были заметны и в нем.

Но третье наше оконце оставалось темным, как и раньше.

Молча мы следили, как медленно, страшно медленно тают на стекле серые пятна ила...

Свет за окном разгорался все ярче, и вот я увидел первую рыбу.

Она смотрела на меня, выпучив телескопические глаза и быстро шевеля жабрами. Наверно, самый близкий друг не мог бы меня сейчас так обрадовать своим появлением, как эта глупая лупоглазая рыбешка! Слово сама жизнь заглянула в иллюминатор.

— Почему мы стоим? — спросил за моей спиной Михаил.

В самом деле: почему мы не всплываем? Почувствовать это можно было теперь и без указателя глубины.

Если бы мы поднимались, рыбы и планктон за стеклом проплывали бы сверху вниз, словно убегая в глубины. Но они не отставали от нас, лениво покачиваясь перед иллюминатором.

— Лифт испортился, мальчики, — негромко проговорил Базанов и помолчал. — У нас сработала только одна цистерна с аварийным балластом. А на крыше еще осталась глиняная шапка. Она-то нас и держит... И вертикальные винты подъема, видно, погнуты, если не сломаны совсем.

— Забавно, — тихо сказал Михаил.

5

«19 августа, 02.00. Координаты неизвестны. Вот уже одиннадцать часов продолжаем медленно дрейфовать в неизвестном направлении. Глубина 310—315 метров. Все попытки всплыть остаются безуспешны. Кислорода осталось максимум на три часа...»

Дышать становилось все труднее.

Казалось, легкие у меня неимоверно расширились, им стало тесно в груди. Они жадно втягивали, втягивали в себя воздух.

А его становилось все меньше и меньше... Очистительная система не успевала уже поглощать выдыхаемый нами углекислый газ.

Или просто балует психика и все это мне лишь кажется? Из нас троиц мне одному нечем себя занять, поневоле в голову лезут глупые мысли.

Мишка по-прежнему как ни в чем не бывало продолжал колдовать со своими колбочками и пробирками. Через каждые пятнадцать минут он брал пробу забортной воды и, придвинувшись к лампе, внимательно рассматривал попавшую вместе с водой всякую микроскопическую живность. Потом снова прилипал к иллюминатору, время от времени делая какие-то пометки в пухлом журнале наблюдений.

Я заглянул через его плечо:

«Кажется, насыщенный слой снова начал подниматься. Проверить потом статистическим анализом взятых проб...»

А будет ли оно, это потом? И прочтет ли вообще кто-нибудь когда твой гроссбух... Вон почерк у тебя стал каким неуверенным, буквы словно пошатываются. Видно, им тоже не хватает воздуха. А ты все пишешь, пишешь, наблюдаешь.

— Нестор-летописец, — вырвалось у меня. Но он, к счастью, не слышал.

Чем бы мне заняться?

Базанову тоже не до философских размышлений. Где его пизонство? Голый до пояса, весь перемазанный мазутом, он словно задался целью разобрать, прочистить и заново собрать весь батискаф.

Вот он закончил сборку правого мотора, сосредоточенно вытер руки куском пакли, задумчиво положил палец на кнопку и резко нажал ее.

Мотор мягко загудел. Базанов послушал его, склонив голову, и выключил, одновременно нажав пусковую кнопку левого мотора.

Нашу жестянку резко качнуло.

— Осторожнее! — воскликнул Михаил, валясь на спину и прижимая обеими руками к груди бесценную колбочку с очередной порцией своего «глубоководного супа».

— Хотя бы предупреждали, Константин Игоревич, — проворчал он, поднимаясь на ноги. — Да и зачем эта дерготня? Мешает работать.

Опять «левый, правый...»?

Зачем?

Но ведь надо же что-то делать, бороться, вырываться из плена!

Базанов виновато хмыкнул и, ничего не ответив, начал разбирать второй мотор, аккуратно раскладывая детали на куске замасленного брезента.

Мишка прав: сколько раз уже Базанов рывками запускал моторы, пытаясь сбросить налипшую сверху шапку проклятого ила. А толку что? Зачем же зря расходовать аккумуляторы и мешать Михаилу работать?

Хотя с другой стороны, если вдуматься... Кому пригодятся Мишкины наблюдения, если мы вообще никогда не всплывем?

Или всплывем уже мертвые, задохнувшиеся в этой несчастной консервной банке?

Надо что-то делать!

— А этот насосик мы не додумали, — бормочет Базанов, рассматривая какую-то деталь. — Можно его сделать по-остроумнее. По принципу выталкивания пьяного из пивной, вот как его надо будет сделать.

— Знаешь, в чем заключается этот принцип? — неожиданно спрашивает он меня, подняв голову.

— Нет.

— В непрерывности. Надо не давать пьянице опомниться. Все выталкивать его, выталкивать, выталкивать. Вот так должен работать и этот насос.

Я машинально слушаю Базанова...

И вдруг замечаю, как он украдкой, продолжая разбирать мотор и для отвода глаз что-то фальшивенько насвистывая, вороватым движением быстро слегка подкручивает рукоятку вентиля, регулирующего приток воздуха.

Значит, мне вовсе не показалось, что дышать становится труднее.

Это Базанов все уменьшает приток воздуха, заставляя нас задыхаться.

Базанов украдкой скашивает на меня глаза и сразу понимает, что я все видел. Но продолжает насвистывать и копаться в своем моторе.

— Зачем вы это делаете, командир? — сердито говорю я.

— Что? Мотор чищу?

Он притворяется непонимающим.

— Нет! Воздух зачем зажимаете?

— Воздух надо беречь, — наставительно отвечает он, поднимая черный от мазута палец.

— Зачем? Чтобы на какой-нибудь лишний час продлить агонию?

Мишка, отвлеченный моим срывающимся голосом от своих пробирок, поднимает лохматую голову и недоумевающе смотрит на нас. При виде его спокойного, задумчиво-сосредоточенного лица мне становится стыдно, но я уже не могу остановиться и почти кричу:

— Все равно перед смертью не надышишься! Дайте хоть умереть по-человечески!

Базанов берет меня своей грязной рукой за плечо и резко встряхивает.

Я сбрасываю рывком его руку. На рубашке остались жирные следы мазута.

— Теперь не отстираешь, — упавшим голосом говорю я, отведя глаза.

— Вот это другой разговор, — удовлетворенно произносит Базанов. — Ничего, отстираешь. Химчистка теперь чудеса, говорят, творит. А пока займись делом.

Он сует мне в руки кусок ветоши, и я начинаю покорно вытирать ею тускло поблескивающие при свете лампы детали мотора.

— Веселей, веселей, не ботинки чистишь! — покрикивает Базанов.

Работа совершенно бессмысленная, я отлично понимаю это. Но руки мои движутся, глаза критически осматривают, хорошо ли надраена изогнутая медная трубка, и нервы постепенно начинают успокаиваться, я прихожу в себя. Порой промелькнет трезвая мысль, что ведь это только самообман, своего рода психологический наркоз. Но я принимаюсь начищать металл с еще большим остервенением, и коварная мысль убегает.

Теперь мы все заняты делом. И я уже успокоился настолько, что, не прекращая работы, могу заглянуть в иллюминатор, черной зловещей дырой зияющий у моего плеча.

За ним адская, крошечная тьма. Проектор включен лишь с той стороны, где ведет свои наблюдения неугомонный Михаил, а мне ничего не видно.

Покосившись на Базанова, я включаю проектор и у своего иллюминатора. Буду делать два дела сразу: и механику помогать и наблюдать героически за природой, как Мишка. Может, это больше отвлечет.

Базанов уже открывает рот, явно собираясь прочитать

мне очередную нотацию о том, что электроэнергию следует экономить, как и воздух... Но я смотрю на него, видимо, так красноречиво, что он только вздыхает, так и не сказав ничего.

Я механически надраиваю до блеска детали, а сам по-сматриваю в иллюминатор.

Словно Млечный Путь, сверкают уходящей во тьму бесконечной полосой крошечные плавучие букашки, в которых Михаил души не чает. Им воздух не нужен, и никакое давление им не опасно. И моторы им не нужны. Свободно странствуют они в глубинах океана.

Что это?

Будто за стеклом иллюминатора промелькнула какая-то тень?!

Выронив деталь, которую так тщательно надраивал, я приник к стеклу. Оно запотело, покрылось капельками холодной воды.

Я начал лихорадочно стирать их. Руки у меня в мазуте, по стеклу пошли радужные пятна.

Что-то темное, прсдолговатое, большое смутно виднелось чуть ниже нас в сумрачной морской глубине.

Оно медленно двигалось по самой границе зоны, освещенной прожектором...

— Батискаф! — закричал я. — Нас нашли, братцы! За нами прислали батискаф! Или нет... скорее это подлодка.

— Какая подводная лодка?! — гаркнул на меня Базанов. — Ты что, спятил?

Он схватил меня за плечо, отодвинул от иллюминатора и сам приник к мокрому стеклу.

Почему он так долго молчит?

— Ну?! — крикнул я.

— Это не подводная лодка, — глухо ответил Базанов, не отрываясь от иллюминатора. — Это просто... какая-то живность.

— Кашалот! — крикнул Михаил от своего иллюминатора.

6

«03.12. Координаты неизвестны. В девяти-одиннадцати метрах по правому борту замечен ныряющий кашалот...»

Я никогда раньше не видел кашалотов, только на картинках. И теперь, забыв обо всем, приник к мокрому, холодному стеклу, наблюдая за морским гигантом.

Какая у него уродливая голова! Она занимает чуть не половину всего тела.

И в то же время сколько мощи в этой словно высеченной из гранита морде! А где же у него глаза?

Он был иссиня-черный, как вечная тьма океанских глубин, и лоснился в свете наших прожекторов. Но мы тут же погасили их, чтобы не вспугнуть кашалота, оставив только ближний свет. Наблюдать при слабом освещении было

трудно. Но, как мы и ожидали, кашалот принял наши лампы за свечение какой-нибудь глубоководной рыбы и приблизился метра на три.

Он держался примерно на одном расстоянии от нас, то опускаясь на несколько метров глубже, то снова поднимаясь...

Михаил начал делать фотоснимки.

— Включи кинокамеру, — сказал я ему.

— Боюсь вспугнуть. Судя по многим научным источникам, они отличаются очень чутким слухом, — не отрываясь от иллюминатора, ответил Миша.

Говорили мы шепотом, будто даже наши голоса могли вспугнуть кашалота.

— А он не такой уж большой, всего метров десять...

— Молодой.

— А как движется-то легко! — восхитился Базанов, навалившийся на мое плечо. — Ты посмотри, сколько неуклюжей грации в его движениях...

«Неуклюжая грация» — звучит странно, но это было подмечено очень точно.

Один раз кашалот подплыл так близко, что я рассмотрел его глаза. Они были совсем крошечные и находились по бокам головы, метрах в трех от тупого конца морды!

Что же он может увидеть при таком странном расположении глаз? Наверное, лишь то, что находится сбоку от него, а вперед смотреть не может.

Впрочем, на больших глубинах глаза ему вообще, наверное, не нужны. Там вечная темнота, и ему, вероятно, помогают, как и дельфинам, нащупывать добычу ультразвуковые колебания, периодически посылаемые в воду.

А если он сослепу подденет нашу «лодочку» своей лобастой головой?! Тогда нам не поздоровится.

Кашалот снова проплыл так близко, словно в самом деле собирался нас протаранить...

Теперь я рассмотрел даже, что дышало — ноздря, через которую он дышит, тоже устроено у него как-то странно. Оно находилось не в центре морды, а в ее левом углу. Почему?

Я обернулся к Мишке, чтобы спросить об этом, но не решился его отрывать.

Мишка, кажется, готов высунуться по пояс из иллюминатора. Я понимаю его. Наверное, еще никому из биологов не приходилось наблюдать кашалота так близко — с глаза на глаз, можно сказать. Дай сейчас Мишке волю, он бы попробовал кашалота посадить в колбу.

— Уходит! — вдруг вскрикнул Михаил.

Я глянул в иллюминатор. Кашалота уже не было.

Мишка был так огорчен, будто потерял лучшего друга.

— Может, вернется, — сказал я, чтобы его утешить.

Хотя, пожалуй, лучше бы он не возвращался и не пробовал играть с нами...

— Глубоко же они забираются, — с легкой завистью сказал Базанов.

— Нырют и глубже, — ответил Михаил. — Находили

погибших кашалотов, которые запутались в телеграфном кабеле на глубине почти двух километров. Это сейчас и интересует особенно исследователей: каким образом кашалоты способны нырять на такие глубины и быстро всплывать, не подвергаясь кессонной болезни.

— Что-нибудь выяснили?

Мы переговаривались, не отрываясь от иллюминаторов.

— Пока немного. Одни считают, что у кашалотов азот воздуха, вызывающий при быстром всплытии кессонную болезнь, каким-то образом связывается в крови особыми бактериями. А вероятнее, дело обстоит проще: азот не вредит кашалоту лишь потому, что во все время погружения у него в легких находится одна и та же порция воздуха с постоянным составом газа.

Мишка остановился на полуслове, приникнув к иллюминатору.

Кашалот вернулся!

Неторопливо и плавно он начал снова кружить возле нас. Иногда он на миг задерживался на одном месте, словно выбирая, как лучше ударить своей тупой, круто обрубленной головой. Это были не слишком приятные мгновения...

Потом кашалот вдруг широко разинул свою громадную пасть. Я так и ахнул — она у него изнутри была снежно-белая!

Собирается нас проглотить или просто зевает?!

Нет, опять начал кружить... А через несколько минут снова ушел на поверхность. За воздухом.

За воздухом, которого нам так не хватает...

— Мишка, ты видел, какая у него пасть! Белая!

— Видел. Некоторые считают, будто кашалоты специально ныряют вот так, с разинутой пастью, привлекая белым цветом кальмаров. Но это лишь предположения.

Мы замолчали, ожидая, когда кашалот появится снова. Неужели он больше не вернется? Теперь мне почему-то стало немножко грустно от этой мысли.

Но он вернулся и в третий раз.

И опять плавно кружил и кружил, порой словно заглядывая в самые иллюминаторы.

— Почему он возвращается? — спросил я у Михаила.

— Вероятно, принимает нас за светящегося глубоководного кальмара. На них обычно кашалоты охотятся. Видишь, его особенно привлекает болтающийся кусок оборванного троса. Наверное, напоминает ему щупальца кальмара, а видит он плохо. Хочет схватить и не решается.

— Если бы он решился! Тогда мы спасены!

Михаил непонимающе уставился на меня.

— Если бы он схватил нас за этот трос и как следует потряхнул, может быть, волной смыло бы этот проклятый ил, понимаешь? И мы всплыли бы на поверхность!

Мишка о чем-то задумался. Казалось, он хочет что-то сказать, но не решается.

— Ну? Что ты хочешь предложить? — подбодрил его Базанов.

— А что, если попробовать попеременно включать моторы? — сказал я Базанову. — Тогда трос начнет дергаться, колыхаться. На подвижную приманку он быстрее клюнет.

Базанов посмотрел на Михаила.

— Как, Миша? Не вспугнем мы его такими маневрами?

— Очень возможно, что и вспугнем. Я же говорил, что кашалоты весьма чувствительны к шумам, хотя на этот счет в научных источниках встречаются довольно противоречивые сведения...

— Тоже мне точная наука. Сплошные противоречия и ничего ясного, — набросился я на него.

Мишке, видно, стало обидно, потому что он сказал:

— Но одно установлено достаточно точно: кашалоты реагируют на ультразвук. Когда какого-нибудь кашалота ранят люди или, скажем, касатки, он посылает в воду ультразвуковые сигналы, и другие кашалоты немедленно приходят к нему. Они даже помогают раненому товарищу всплыть на поверхность океана, чтобы он мог набрать воздуха в легкие...

— Ну и что?

— Вот я и предлагаю попробовать подманить его ультразвуковым сигналом... Как будто мы кашалот, просящий помощи.

— Какая частота сигнала? — спросил Базанов.

— Что-то около двухсот тысяч колебаний в секунду. Но надо проверить, потому что сигналы другой частоты, наоборот, отпугивают кашалотов. Это даже используют китобои на Азорских островах, сгоняя кашалотов в нужное место. Как бы не ошибиться. Сейчас посмотрю...

Он пошарил в своем хозяйстве, нашел справочник, открыл нужную страницу. Базанов тут же выхватил книгу и начал изучать, бормоча:

— Так... Кажется, выходит, если перевести на мегагерцы...

Потом он сунул книгу мне в руки и начал возиться со своей аппаратурой.

Я снова принял к иллюминатору. Кашалот продолжал маневрировать на границе слабо освещенной зоны. Наверное, скоро ему придется всплыть, чтобы глотнуть свежего воздуха. Вернется ли он к нам еще раз?

— Поторопитесь, — сказал я. — А то он поднимется на поверхность. Запас воздуха у него кончается.

Мне никто не ответил.

Я обернулся.

Базанов стоял, положив руку на выключатель, с каким-то странным, задумчиво-отсутствующим видом. Михаил удивленно смотрел на него.

— Что же вы не включаете? — спросил я.

Базанов перевел взгляд на меня, потом на Михаила.

— Вот что, мальчики, — медленно проговорил он. — На этот опыт уйдет почти вся оставшаяся энергия наших аккумуляторов.

Об этом мы совсем забыли. Но если сядут аккумуляторы, не останется уже никакой надежды...

Нам не завести моторы, нечем будет питать рацию...

Черт! Сколько задач, от которых зависит жизнь, приходится нам нынче решать. Не слишком ли много для одного дня?

Я поглядел на Базанова, чтобы посоветоваться с ним хоть глазами. Но он смотрел на Михаила. Понятно, ждет, будто Мишка даст ему какие-то гарантии, что кашалот отзовется на наш призыв. Но кто их может дать?

Мишка молчал. Молчал и я.

Но это не выход из положения. Время идет. И решать все равно надо.

— Ладно, мальчишки. Трусые карты не играют, — вздохнув, произнес Базанов и негромко щелкнул выключателем. Я бросился к иллюминатору.

Кашалота не было!

— Он ушел, всплыл! — вскрикнул я. — Мишка, в твой иллюминатор не видно? Может, он перешел на твою сторону?

— Ничего у меня не видно, — тихо ответил Михаил.

Мы все переглянулись.

Базанов уже протянул руку к выключателю, но Мишка остановил его.

— Подождите, Константин Игоревич. Еще минуту-две. Может быть, он все-таки услышит и вернется. У них так бывает: чем больше времени кашалот пробудет под водой, тем дольше потом находится на поверхности.

Мы прилипли к иллюминаторам: я к одному, они к другому.

Вернется?

Нет?

Чуть слышно гудел прибор, пронизывая толщу воды неслышными для наших ушей ультразвуками. Услышит ли их кашалот?

Ожидание было бесконечным. Сколько прошло: год? Два?

Неужели сейчас окончательно сядут аккумуляторы, и тогда...

— Все, — устало сказал Базанов. — К сожалению, фокус не удался.

Он протянул руку к выключателю...

— Возвращается! — остановил его крик Михаила.

Я тоже подскочил к их иллюминатору, и мы все троим, подталкивая друг друга, пытались заглянуть в маленькое оконце.

Да, кашалот возвращался!

Он опускался почти вертикально, легко и стремительно неся свое огромное тело, и приближался к нам уже без всякого опасения.

Я даже не успел увидеть, схватил ли он пастью болтавшийся трос или просто поддел наш кораблик головой.

Нас так тряхнуло, что мы, подминая друг друга, повалились на пол...

Батискаф раскачивался, вздрагивал. Его швыряло из стороны в сторону, словно банку на штормовой волне.

Невозможно было понять, поднимаемся мы или нет.

Базанов, цепляясь за что попало, подтянулся к глубиномеру и крикнул:

— Всплываем! Осталось меньше сотни метров.

— Ура! — это, кажется, закричал я.

7

«03.43. Всплыли на поверхность. Волна 3—4 балла, густой туман. Небо затянуто сплошной облачностью, определиться не удалось. Координаты по-прежнему остаются неизвестными».

Я никогда раньше не знал, что воздух так душист и вкусен.

Едва мы всплыли и Базанов открыл верхний люк, я первым вскарабкался по трапу и, высунувшись до пояса, дышал, дышал и никак не мог надышаться.

Только через несколько минут ожило второе мое чувство — зрение, и я начал замечать, что видно вокруг.

А видно было немного. Все вокруг застилал липкий, плотный туман. Волны невидимками подкрадывались под его покровом и внезапно бросались на палубу, обдавая меня брызгами. Начало так сильно, что все время приходилось упираться локтями в стенки люка, крепко вцепившись в поручни.

Ничего не видно было и наверху, ни единой звездочки. На миг мне даже показалось, будто мы все еще под водой, и я зябко передернул плечами.

Кто-то дернул меня снизу за ногу.

— Ты что, заснул? — спросил Михаил, когда я наклонился в колодец люка. — Где кашалот?

Кашалот? Ах да, как же это я совсем забыл о нашем спасителе! Да где же его увидишь в таком тумане.

— Ищи сам, — сказал я и нехотя стал спускаться по узкому трапу, чтобы уступить место Мишке. Ему тоже ведь хочется подышать.

Свежий морской воздух проник во все уголки нашего кораблика, проветрил, продул камеру. Но все равно это было, конечно, совсем не то, что наверху.

А Базанов уже возится с передатчиком, что-то подкручивает, подвинчивает, смазывает. Вот фанатик!

— Что же вы, командир, не хотите свежего воздуха хлебнуть? Никогда такого не пробовал, честное слово.

— Успею еще, — ответил он и подмигнул. — Не перед смертью, чай, надышусь еще. Надо связаться с «Богатырем», да что-то ничего не получается. Видно, антенна сорвана. Не обратил внимания?

Я виновато покачал головой.

— Ладно, сам слазаю, проверю. А как там погода?

— Скверная.

— Звезды видно?

— Видимости никакой. Туман.

— Плохо. Опять не удастся определиться. Где же мы все-таки находимся?

Он положил на столик карту и, озабоченно приглаживая седеющие волосы на виске, склонился над ней.

— Глубина свыше трех тысяч метров, на якорь не встать. Придется всю ночь дежурить, как бы не вынесло нас на какой берег.

— Да что вы, командир, — сказал я, заглядывая через его плечо. — Не могло же нас за сутки утащить на пятьсот миль, до ближайшего берега еще целый океан.

— Возможно. Но пока не определимся и не узнаем точно, куда нас занесло, придется посматривать в оба. Береженого и бог бережет.

Когда Михаил спустился, Базанов сам поднялся наверх, но тут же вернулся.

— Ничего не видно, — сказал он. — Но красотища! Тьма непроглядная. Вот бы такую ночь нарисовать! Антенна сорвана, связаться с базой пока не удастся. А что там еще наломано, не видать. Придется осмотр поврежденных отложить до утра.

Мы задраили люк и решили отдыхать. Вахтенный должен был каждые пятнадцать минут замерять эхолотом глубину и через полчаса включать верхний прожектор: вдруг прилетит самолет или появится неподалеку какой-нибудь корабль. Но надежды на это, конечно, было ничтожно мало.

На первую вахту заступил Михаил. Через два часа его должен был сменить я. Базанов оставил за собой следующую вахту, приходящуюся на самые глухие часы глубокой ночи. Моряки не любят ее, называя «собачьей» и другими нелестными прозвищами.

Базанов как лег на резиновый матрасик, брошенный прямо на пол кабины, так и захрапел громко, с переливами. А мне сначала показалось, будто уснуть не удастся. Батискаф сильно раскачивало, от стального пола тянуло холодом, снова начинало казаться, будто не хватает воздуха...

Но я тоже заснул моментально, словно провалился куда-то в бездонную пропасть.

И тут же меня начал безжалостно расталкивать Михаил.

— Что случилось? — пробормотал я.

— Ничего не случилось. Просто пора бы тебе уступить свое местечко и занять мое.

— Неужели прошло два часа?

— Точно.

— Брось разыгрывать. Ты подвел часы.

Аккуратист Мишка, услышав такое обвинение, даже побагровел от возмущения. Он демонстративно выдернул из-под меня матрасик и лег на него, отвернувшись к стенке. А я, очутившись на мокром полу, волей-неволей оказался вынужден окончательно проснуться и заступить на вахту.

Впрочем, до конца я, похоже, так и не проснулся. В каком-то полубытьи машинально включал через каждые пятнадцать минут эхолот и нетвердой рукой записывал в судовой журнал его показания. Глубина почти не менялась, все те же три тысячи метров холодной воды под нами.

Так же бездумно и механически я каждые полчаса на миг включал прожектор, но сколько ни вглядывался в иллю-

минатор, ничего не видел, кроме пенистых гребней набегавших волн. Да и что можно было увидеть здесь, за тысячи километров от ближайшего берега?

Эти два часа вахты тянулись бесконечно, лишний раз подтверждая относительность времени. Я едва дождался, когда можно стало разбудить Базанова, и, как только он освободил матрасик, свалился и моментально заснул.

Но снова меня тут же разбудили!

Громкие, встревоженные голоса моих товарищей заставили меня поднять тяжелую голову. Базанов и Михаил почему-то вглядывались в иллюминаторы. Что случилось?

Что-то громко, со звоном стукнуло в стальной борт нашего кораблика.

— Слышите? — повернулся к Базанову Михаил. — Это льдина!

— Да откуда здесь возьмутся плавучие льды в это время года? — ответил ему Базанов, не отрываясь от иллюминатора. — Не могло же нас утащить так далеко на север, аж в Берингов пролив. Черт! Ничего не видно, надо подняться наверх. И потом ты же сам говоришь, что температура забортной воды поднялась на пять градусов.

Базанов полез наверх по узкой лесенке.

Мишка посмотрел ему вслед, наморщив лоб, потом в задумчивости пробормотал:

— Забавно...

Из распахнутого люка потянуло сырой свежестью, и бодрящий морской ветерок сразу прогнал от меня сон.

— В чем дело? Что случилось? Что еще тебе кажется забавным? — спросил я, вскакивая и подходя к иллюминатору.

Пржектор был включен, но сквозь стекло ничего не удавалось различить, кроме вздымавшихся и опадавших волн. А дальше — сплошной туман.

— Понимаешь, заступил я на вторую вахту и решил на всякий случай провести некоторые наблюдения, — начал рассказывать Мишка...

Ого, оказывается, сколько я поспал, а показалось — минутой...

— ...В том числе замерил температуру забортной воды, и оказалось, что она поднялась по сравнению с последним измерением на пять и две десятых градуса. Непонятно. Я задумался над этим странным явлением и вдруг услышал, как что-то ударилось о борт, потом еще и еще. Вот и опять, слышишь?

В самом деле, новый глухой удар наполнил звоном и скрежетом нашу кабину.

— Видимо, мы и вправду врезались в полосу плавучего льда, — сказал я. — Как бы не пробило нашу скорлупку.

— Но откуда же взялся лед, если вода стала даже теплее? — растерянно пробормотал Михаил.

Да, это было действительно совершенно непонятно. Отчетливые удары льдин о борта как будто подтверждали, что нас занесло далеко на север.

Новый удар. Как бы в самом деле не пробило борт. Тогда нам крышка.

Но почему же потеплела вода за бортом, словно мы заплыли куда-то чуть ли не на экватор? Что за чертовщина такая?

Еще удар и скрежет.

— Что вы там видите, командир? — нетерпеливо окликнул я Базанова, потянув его за штанину.

Он спустился вниз, оставив люк открытым.

— Что-то вокруг плавает, но не похоже на лед, — сказал Константин Игоревич. — Лед белый, а это что-то серое, сливается с водой, никак не рассмотришь. Подождем рассвета. Туман уже расходитя. А прожектор нечего жечь, аккумуляторы почти на нуле.

Я не удержался и сам полез наверх, хотя при выключенном прожекторе, уж конечно, ничего не мог рассмотреть. Но хоть подышать вдоволь свежим воздухом.

Ветер как будто стал тише, и океан начинал успокаиваться. На востоке за пеленой облаков смутно занимался рассвет. Но на воде еще лежал туман.

Было довольно свежо, я скоро замерз, но уходить с мостика не хотелось. Я крикнул Мишке, чтобы он подал мне меховую куртку, и, закутавшись в нее, наслаждался свежестью морского ветра.

Сколько я так блаженствовал, не знаю: счастливые часов не наблюдают. Во всяком случае, несмотря на облачность, стало уже довольно светло. И туман поднимался, таял на глазах.

Теперь я мог рассмотреть получше, что за странные серые льдины плавают вокруг нас.

Я взглянул в бинокль и присвистнул от удивления.

Лава! Конечно, это были куски ноздреватой и серой вулканической лавы, а вовсе не лед.

Но откуда же они взялись тут, посреди океана, за тысячи миль от берегов?

Видимо, где-то поблизости произошло извержение подводного вулкана, и лава всплыла на поверхность. Теперь понятно, почему повысилась и температура воды.

Собственно, ничего удивительного. В «Огненном поясе» уже открыто с десятков тысяч подводных вулканов. Здесь сотворение мира еще продолжается. Где-то на дне океана треснула земная кора, сдвинулись ее пласты, и вот в результате землетрясения, едва не погубившего нас под обвалом, ожил еще один подводный вулкан.

Я уже хотел спуститься вниз и рассказать обо всем этом своим товарищам, как невольно взгляд мой привлекла странная темная полоска на краю горизонта.

Я навел на нее бинокль... Судорожно глотнул, чтобы проглотить горло, и неистово завопил:

— Земля! Земля! Зеееемляяя!

Снизу дернули меня за ногу. Я наклонился в люк и увидел встревоженное лицо Базанова.

— Ты что орешь? — спросил он. — Самолет?

- Земля, Константин Игоревич!
— Откуда тут возьмется земля? А ну-ка спускайся, я сам гляну...

8

«05.15. Координаты неизвестны. В полутора милях к северо-северо-востоку замечен неизвестный остров. Направляемся к нему».

Возле острова, так неожиданно появившегося на нашем пути, крупные куски плавающей лавы образовали почти сплошное поле. Нам пришлось двигаться очень медленно и осторожно, чтобы не повредить стальной обшивки батискафа. Я стоял на носу, отталкивая шестом в стороны крупные куски лавы и расчищая путь.

Михаил внизу непрерывно следил по эхолоту за глубиной. Она все время оставалась в пределах трех тысяч метров и только на расстоянии полутора кабельтовых от островка резко начала убывать.

Значит, остров, несомненно, был вулканического происхождения. Чудовищные подземные силы подняли его со дна морского! Нам выпала редкая удача стать свидетелями этого поразительного явления, и, конечно, было бы непростительным преступлением перед наукой не обследовать «но-ворожденный» островок.

Вот мы подошли к нему совсем вплотную.

Я непрерывно тыкал шестом воду, замеряя глубину, но она продолжала оставаться вполне достаточной для нашей «лодки».

Только бы не напороться на какую-нибудь подводную скалу...

Когда до берега осталось метра полтора, я крикнул:

— Командир! Вот теперь и я жалею, что вы не захватили мольберт. Это большое упущение с вашей стороны.

— Почему?

— Увековечили бы для грядущих поколений великий миг: Колумб Ветров вступает на неведомый берег.

Ответа его я уже не расслышал. Сиганул через борт — и начал приплясывать на камнях.

— Земля! Земля! — выкрикивал я. — Совсем свеженькая, командир, еще горяченькая!

Я вел себя как пацан. Но уж больно приятно было ощущать под ногами настоящую, прочную землю!

— Смотри не провались, лава может быть непрочной.

— Нет, все в порядке. Только чуть-чуть пружинит под ногами. Великолепная земля, Константин Игоревич.

Он бросил мне трос, я закрепил его между двумя камнями, образовавшими нечто вроде природного кнехта. Базанов перебросил на берег шаткий трап.

Станный и необычный это был берег. «Земля» из остывающей лавы была еще теплой и в самом деле мягко пружинила под ногой, словно асфальт в сильную жару.

Присев на корточки, я внимательно рассматривал эту

«землю», поднявшуюся из океанских глубин. По ней ведь еще не ступала нога ни одного живого существа на планете! Типичная базальтовая лава, только что извергнутая из со-кровенных глубин. Надо поскорее взять пробы, пока не за-твердела.

Это будут уникальные образцы!

— Вы понимаете, как нам повезло, командир? Американ-цы с огромным трудом какой уж месяц бурят сверхглубокую скважину, чтобы добраться до базальтового ложа на дне океана. А тут земля сама любезно приподнимает свою ман-тию: пожалуйста, Сергей Наумович, изучайте мои сокровен-ные тайны...

От возбуждения я так приплясывал, словно горячая «зем-ля» новорожденного островка жгла мне подошвы. Восторг и энергия бушевали во мне и жаждали выхода. Базанов только посмеивался да головой качал.

— Где же Мишка? Чего он там копается? Робинзон Аге-ев, быстро наверх! Необитаемый остров не может ждать! — заорал я во все горло.

Из люка, наконец, показалась взлохмаченная голова.

— Полюбуйтесь на него! Совершенно невозмутимый вид, словно он и не присутствует при одном из величайших гео-графических открытий нашего времени! Ты что там, спал, дитяtko?

— Чего ты орешь? Должен я закончить свои наблюде-ния? У меня программа...

— Программа! Ты жалкий робот, а не мыслитель. Мир рушится, острова возникают из океанских глубин, а он все возится со своим мерзопакостным несъедобным «супом». Бросай свои пробирки и тащи сюда мой геологический мо-лоток, четыре банки, пинцет, мешок, моток проволоки. И быстро: одной ногой туда, другой — на берег!

Михаил исчез в люке, а я, не в силах дожидаться его, на-чал отковыривать кусок лавы перочинным ножом. Когда по-доспел Михаил, Базанов взял у него инструменты и начал помогать мне.

Мы обошли весь островок. Он был невелик, всего метров сто в длину, около сорока в ширину. Лава, похоже, всюду была довольно однородной. Но я старался взять побольше образцов из разных мест. Может быть, последующий хими-ческий анализ покажет что-нибудь интересное.

Вот здесь надо взять пробу. Похоже, что это габбро...

А это вроде вкрапления диорита, да еще кристалличе-ского!

Я трудился несколько часов, отрываясь на миг, чтобы жадно глотнуть холодной воды и стереть пот со лба — точ-нее, размазать грязь по всему лицу.

Время от времени для разрядки я произносил патетиче-ские речи:

— Будьте осторожны, люди! Может, вы попираете сейчас ногами не просто уникальную землю, а нечто большее — кусочек лунной поверхности!

— Это еще как? — опешил Базанов.

— Да, да! Мы с вами первые люди на Луне. И попали

мы на нее без всяких космических кораблей. Что вы так смотрите на меня, командир? Я не сошел с ума. Существует гипотеза, будто Тихий океан образовался когда-то потому, что в этом месте из расплавленной Земли чудовищными космическими силами был вырван изрядный клочок базальта. Он оторвался и стал Луной. Так что мы с полным правом можем считать, если принять эту гипотезу, что попираем в данный момент ногами почву, совершенно адекватную лунной...

— Ну, понес, — махнул рукой Михаил. — Давайковырей лучше дальше.

— Нет, мне определенно теперь нравится эта гипотеза, — сказал я, снова берясь за геологический молоток. — Объявляю себя ее сторонником.

Фууу... Кажется, все. Можно разогнуть спину. И мешки, и ящики, и три наших рюкзака забиты образцами. Хотя, будь моя воля, я захватил бы с собой весь остров.

— Порядок, — с сожалением сказал я, вытирая покривившийся ножик. — Слушайте, теперь надо проделать самую важную и торжественную операцию.

— Это какую же? — с явным опасением спросил Базанов.

— Мы должны окрестить эту новорожденную землю. Одну минуточку!

Не давая им опомниться, я с ловкостью обезьяны вскочил на рубку батискафа, спустился вниз и через минуту вылез на палубу с ракетницей в руке.

— По праву первооткрывателя нарекаю тебя островом Сергея Ветрова! — во все горло заорал я и трижды выпалил в облачное небо.

— Хватит. Ракеты могут пригодиться, — остановил меня Базанов.

Я и сам уже сообразил, что их следовало поберечь. Но может, как раз этот сигнал кто-нибудь заметит и поспежит к нам на выручку? Хотя при такой облачности...

Я спрыгнул на берег и подошел к товарищам.

— Остров имени Сергея Ветрова, а? Звучит неплохо.

— Угомонись и ложись спать. Глаза у тебя слипаются.

— А вы?

— Я тоже скоро лягу. Нужно осмотреть батискаф и аккумуляторы подзарядить.

— Давайте вместе, Константин Игоревич.

Работы нам предстояло немало. Верхняя рубка была украшена в нескольких местах глубокими вмятинами — видимо, в донном иле, обрушившемся на нас, попадались и обломки скал. Один иллюминатор покрылся трещинами, но воды не пропустил, в шахте было сухо.

Самые серьезные разрушения обвал причинил верхней палубе. Винты вертикального движения, как и опасался Базанов, оказались погнутыми, покореженными, лопасть у одного из них оторвало совсем. Оборвало, конечно, как паутину, все леера и погнуло стальные стойки. Сорвало антенну. Забило липкой грязью динамики акустической системы...

— Да, крепко тебе досталось, — угрюмо сказал Базанов.

нов, еще раз осматривая покоренную палубу с высоты рубки. Похоже, печальный вид повреждений причинял ему прямо-таки физическую боль. Но тут же он качнул головой, словно отгоняя мрачные мысли, и уже совсем другим, деловитым тоном сказал: — Ладно, глаза страшат, а руки делают. Первое, что нам надо, — это установить связь с «Богатырем». Они там переживают больше нашего.

— Антенна ведь сорвана.

— Пустяк. Ты в детстве змеи запускал когда-нибудь?

— Кажется. А что?

— Придется удариться в детство и запустить в небо хорошего змея на проволоке. Вот и будет антенна. Да еще какая — хоть с Эйфелеву башню высотой.

Я восхищенно посмотрел на него. Но Базанов, словно не желая замечать моего восторга, полез в люк.

— Пошли. Начнем с передатчика.

Рация никак не хотела работать. Базанов бился с ней больше часа. Казалось, все было нормально: передатчик включался, загорались лампы — а связи нет.

— Чего он хочет? — бурчал Базанов, закулив сигаретку и задумчиво поглядывая на непокорный аппарат. — И наверняка пустяк какой-нибудь. Так, контактик где-то нарушился. Ладно, придется действовать испытанным способом...

Мы уже знали этот способ: разобрать до винтика, а потом собрать.

Расстелив на полу кусок брезента, Базанов неторопливо и методично начал разбирать рацию.

Я решил помочь ему и потянулся за какой-то деталью. Но он решительно отвел в сторону мою руку.

— Нет уж! Видели, как ты мотор чистишь. А что такое непрошенная помощь, знаешь? Это просто помеха.

— А что же делать нам, командир? — взмолился я.

— Спать.

— Ладно. Только предпочитаю на воздухе. И на твердой земле, — подхватив спальный мешок, я направился к люку.

— Боишься, как бы твой островок не украли? — хмыкнул Базанов. — И ты, Мишель, отправляйся с ним, хватит возиться с пробирками, никуда они не денутся. Пойди поспи на свежем воздухе с Серегой.

— Я посплю, только здесь, Константин Игоревич. Нельзя прерывать наблюдения. Тут у меня одна идейка намечается...

— Идейки идейками, а все-таки приказываю спать.

Мишка вздохнул, послушно лег на матрасик возле стенки, однако поставил, как я заметил, у себя под самым ухом будильник. Вот неугомонный парень! К чему такие подвиги?

А я... Базанов потом рассказывал о том, что увидел, выглянув из люка: я расстелил спальный мешок прямо на серых камнях «своего» острова, забрался в него, блаженно пробормотал:

— Тепленькая земля-то, — и тут же отчаянно захрапел...

«20 августа, 05.30. Координаты по-прежнему неизвестны. Рацию пока привести в порядок не удалось. Облачность сильная, без просветов, звезд не видно, определить не удается...»

Это было бессовестно, но я проспал весь день. Смутно чувствовал, как меня несколько раз тормозили, но скоро оставляли в покое — значит, могли обойтись пока без меня. И я продолжал спать.

Открыл я глаза лишь, когда к очередному расталкиванию добавился какой-то весьма аппетитный запах. Приоткрыл один глаз и увидел неподалеку горящий с победным гудением походный примус, а на нем большую кастрюлю. Вкусный запах, несомненно, шел из нее!

Возле кастрюли колдовал Константин Игоревич, а Мишка, присев на корточки, дергал и встряхивал меня, словно я был не современным Колумбом, а какой-то тряпичной куклой!

— Не делай мне искусственного дыхания, я не утонул, — сердито сказал я, садясь и отталкивая Мишку в сторону.

— Вовремя проснулся, — проворчал он, — а то я уже собирался тебе уши тереть, как заснувшему алкоголику. — И с восхищением добавил: — Ну и здоров ты спать! Целый день, как сурок, это же надо уметь, правда, Константин Игоревич?

Только теперь до меня дошло, что наступил в самом деле вечер, кругом темно. А ведь засыпал я, кажется, утром? Может быть, даже не сегодня утром?..

— Вставай, вставай, лежебока! — напал на меня и командир. — Обед проспал, так хоть поужинай как следует.

— Проспал обед! Что же вы меня так плохо будили? — возмущился я, вскакивая и разминаясь.

— Мы его плохо будили! — фыркнул Михаил. — Да ты даже не проснулся, когда ракеты пускали.

— А зачем пускали ракеты?

— Самолет пролетал.

— Врешь, — я вопросительно посмотрел на командира.

Константин Игоревич молча кивнул, наливая мне полную миску превосходнейшего, густого горохового супа.

— Высоко шел, над облаками, — проговорил он, усаживаясь по-восточному возле гудевшего примуса.

— А рация? — спросил я.

— Рация пока бастует...

Выходит, он весь день возился с техникой, пока я спал...

Больше мы за ужином не говорили, увлекшись едой. А потом Мишка, торопливо сполоснув свою миску и отказавшись от чая, полез опять в батискаф.

Мы с Константином Игоревичем не спеша, со вкусом напились чаю, помыли посуду. Он погасил примус, и сразу стало темно и неудобно.

Холодный ветер разгуливал над моим островком. В затянутом облаками небе не светило ни одной звезды. В этой крошечной тьме особенно громко и нелюдимо шумел океан.

Базанов при свете фонарика расстелил на камнях спальный мешок и забрался в него, кряхтя от удовольствия. Мне очень хотелось последовать его примеру.

— А ты что не укладываешься? — словно угадав мое желание, спросил Константин Игоревич. — Или выспался на всю жизнь?

— Спите, я подежурю.

— Да дежурить особенно нечего. Море довольно спокойно. Мы на суше. И Михаил все равно будет просыпаться каждые полчаса, спит с будильником под ухом, все какие-то опыты проводит. Так что можешь продолжать досыпать с чистой совестью.

— Да я уже выспался. Так, полежу в спальном мешке...

Но я сказал неправду. Едва забрался в спальный мешок и голова моя удобно устроилась на резиновой надувной подушке, как моментально глаза закрылись, и я опять провалился в сладостную бездну непробудного сна.

Спал я так же крепко и безмятежно, как и днем. Но почему-то сразу проснулся в тревоге, хотя Михаил еще даже не притронулся ко мне, а первым начал расталкивать Базанова.

— Константин Игоревич, проснитесь, тревога!

Базанов стремительно сел, сдергивая с себя спальный мешок, и спросил деловым тоном, будто и не спал:

— Что случилось?

Я тоже торопливо вылез из мешка, зажег фонарик, глянул на часы.

— По-моему, скоро будет новое землетрясение, — проговорил Михаил.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Он начал бормотать что-то не очень вразумительное:

— Конечно, я могу и ошибиться... Но мне кажется, стоит принять какие-нибудь меры предосторожности... Во всяком случае, как мне думается, это будет не лишним...

— Откуда ты можешь знать, что будет землетрясение?

(Окончание следует)

ГЕРМАН МАКСИМОВ

ВЕРОЯТНОСТЬ РАВНА НУЛЮ

Научно-фантастический рассказ

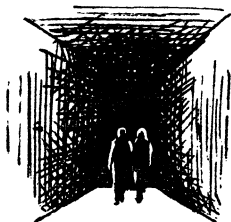

Рисунок В. НЕМУХИНА

«Краб» не слушал команд — уходил торопливой иноходью, нелепо выворачивая в шарнирных суставах трубчатые ноги. Одним взмахом он взлетал на очередной бархан и стремительно скатывался с него, оставляя в песке глубокие борозды. Инстинкт самосохранения, вложенный в машину человеком, гнал ее прочь. В этом внезапном бегстве было что-то судорожное, чисто животное, пугающее.

Морев медлил. Только когда Воронка скрылась за холмами, не оборачиваясь, сказал Косте:

— Хватит. Сними напряжение с сектора СЗ.

— Эти кибернетики, кажется, перестарались, — проворчал Костя, щелкая переключателями, — превратили нашего «Краба» в пугливого зайца. Скоро он мышей станет бояться.

Федор промолчал. Кто-то, а он знал, что «Краб» не включит сектор самозащиты без особой надобности. Он своими глазами видел, как на испытаниях машина полтора часа работала в озере горящей нефти. Когда ей дали команду выйти из огня, потенциал был только на реле осторожности. Это значит: она заботилась о собственной безопасности чуть больше человека, переходящего улицу, по которой никогда не ездят автомашины.

Нет, «Краб» не из трусливых. И если он так внезапно передал управление сектору СЗ, значит они вовремя ушли от большой опасности. Быть может, даже от гибели. Но от какой?

«Краб» остановился на вершине бархана. Отсюда открывался вид на типичный марсианский ландшафт. Он был хорошо знаком обоим по фильмам предыдущих экспедиций. По бурой плоской равнине беспорядочно расползлось стадо невысоких холмов, окаймленных понижу полоской густой тени. Куда ни глянь, до самого горизонта мертвая, равнодушная пустыня, и над ней фиолетовый купол неба. Только далеко на востоке, как символ всепроникающей жизни, в небо вонзилась тонкая игла их земного звездолета.

— Будем возвращаться?

Костя мог бы и не спрашивать. Он одиннадцать месяцев проработал с Моревым на Лунной трассе. Знал ответ заранее и все-таки спросил. Федор пожал плечами:

— Выкладывай.

— Это не марсиане, Федя.

— Кто? — не понял Морев.

— Ну, Воронка... Эти шары там, паника «Краба». Это не марсиане.

— Ага.

Пресловутое моревское «ага», над которым потешался весь космофлот, могло означать все что угодно. Но сейчас оно говорило об одном: Морев «перерабатывает информацию».

— Чушь! У вас, планетологов, во всем загадки.

«Заело», — подумал Костя, а вслух спросил:

— Ты знаком с отчетами Первой и Второй экспедиций?

— Помню наизусть! — Морев начинал сердиться.

— Следы цивилизации обнаружила только экспедиция профессора Зубкова...

— Ну да, развалины на Большом Сырте и в районе Лаокоонова узла...

— И определила их возраст в пятьдесят тысяч лет, — продолжил Костя. — Дал бы ты столько Воронке? А почему, потвоему, разведчики, излазившие планету вдоль и поперек, обнаружившие полузасыпанные развалины, не нашли Воронки? Ведь она не меньше километра в диаметре. Мы-то натолкнулись на нее уже на третьем витке.

— Ага. Почему?

— Потому что раньше ее не было. Ее создали совсем недавно. И не марсиане.

— Ясно. Специально к нашему прилету построили. Кто же это постарался? А?

— Тут уж, говоря языком твоего любимого Электронного Анализатора: «За недостатком данных на вопрос ответить не могу».

— Тогда едем за ними.

— За чем?

— За данными. Пусть они убедят тебя и твоих коллег планетологов, что вероятность встречи двух цивилизаций на братской могиле третьей равна нулю.

«Краб» только-только успел спуститься с бархана, когда из-за холмов, оттуда, где лежала Воронка, в небо взметнулся узкий черный луч. Тонкой нитью он рассек надвое скатывающееся к горизонту солнце и унесся в бездонные глубины Пространства. И сейчас же появились шары, призрачные, словно вылепленные из жидкого огня. Нанизанные на луч, они сперва медленно, потом все быстрее и быстрее скользили по нему и вдруг исчезли, растворившись в небе. Один, два, три...

— Локатор!

Костя бешено крутил рукоятки наводки антенны. Вот они! В верхнем левом углу экрана засветились три едва заметных пятнышка. С каждой секундой они становились все меньше, все слабей. Дрогнул и исчез луч. Через минуту экран был чист.

— Вот это скорость, — удивленно воскликнул Морев, — четыре пятых световой!

— Для цивилизации, исчезнувшей пятьдесят тысячелетий назад, несколько великовата.

— Включи СЗ и магнитную защиту. «Краб» не зря удирал от этой проклятой дырки.

...Воронка выглядела точно так же, как и полчаса назад. Гладкие, будто покрытые зеленоватым лаком, плиты сужающимися лентами сбегали глубоко вниз, туда, где плескались неясные серые тени. Из самого центра Воронки, как мачта затонувшего корабля, торчала ферма, сплетенная из какого-то серебристого материала. Ручейки красноватого песка медленно текли по ложбинкам, разделяющим плиты. Но светящихся шаров внизу не было.

— Вниз пойду я, — сказал Морев. — По праву старшего. Достань из-под сиденья мой ракетный пояс.

Стараясь не встречаться взглядом с Костей, Морев вышел на выдвижную площадку впереди кабины. Его длинная узкая тень упала на плиты, выступающие стенки «дыры», и переломилась пополам. Застегивая ракетный пояс, Морев боковым зрением увидел, что тень его вдруг раздвоилась: одна половина осталась лежать, а другая встала и пошла к «Крабу». Еще не успев удивиться, Федор поднял голову. К машине по самому краю Воронки шел... человек в мягком скафандре и большом рогатом шлеме. В трех метрах от «Краба» он остановился и, подняв обе руки, помахал ими над головой.

Морев мягко спрыгнул на песок и пошел навстречу человеку.

Чеа была обречена. Чеа умирала на глазах шести миллиардов своих детей. От полюса и до полюса над планетой плясало голубое пламя смерти. И тогда Большой Совет принял решение...

Морев поправил сползший на лоб обруч транспереводчика. Мысль Ула «заввучала» громче. Но ощущение нереальности не проходило. Казалось, кашляни он сейчас, спугни настороженную тишину — и все исчезнет: и Ул, не раскрывая рта рассказывающий о гибели своей планеты, и Костя, и этот громадный подземный купол со странно мерцающими сводами. Морев скосил глаза на сидящего рядом Костю.

Кости не было. Собственно, он был, он сидел, откинувшись на спинку кресла, придерживая руками лежащий на коленях шлем. Но это была только оболочка. Костя ушел на пятьдесят тысяч лет назад и заблудился во времени. Он смотрел на горящее небо Чеа, и душа его сжималась от тревожного чувства неизбежности.

— ...И тогда Большой Совет принял решение. Оно было коротким и окончательным, как все решения Совета. Только три пункта. Первый — уйти под землю.

Костя-марсианин мысленно строил подземный город. Миллионы людей, тысячи «умных» машин, вгрызаясь в недра Чеа, прокладывали тоннели-переходы, жилые помещения, хранилища, склады. Строили заводы по извлечению кислорода из окислов минералов. Строили фабрики синтетической пищи. Ревели компрессоры, сжимающие редущую атмосферу, грохотали подземные взрывы, били о камень стальные руки машин. Над планетой царствовало только одно слово: быстрее! Цивилизация боролась за жизнь, поминутно оглядываясь на пылающее в аннигиляции небо...

Ул продолжал:

— Второй пункт гласил: «Если облако антигаза, пересекающее орбиту Чеа, полностью уничтожит атмосферу и жизнь на ней станет невозможной, отправить отборный отряд на Голубую планету. Оставшееся население подвергнуть трансформации».

«На Голубую планету?»

Костя не спросил, он только подумал. Но Ул сразу же ответил:

— Да. Это далеко. Три тысячи анг. Я покажу вам по звездной карте.

— Но ведь в солнечной системе...

— Нет. Та, которую вы зовете Венерой, слишком горяча. Фаэтон погиб. А ваша Земля... Трижды наши корабли посещали этот чудесный остров жизни. Совет отклонил предложение Академии инженеров колонизировать Землю. Мы не имели права, у нее уже был хозяин. Ученые не ошиблись. Я расскажу им о нашей встрече.

Второй пункт решения Большого Совета вступил в действие раньше, чем предполагалось. Чеа задыхалась. Запасов кислорода не хватало. Атака антигаза продолжалась. Он шел волнами. И каждая волна «слизывала» часть атмосферы. Атомы антигаза мириадами маленьких бомб врывались в атмосферу, выжигая ее. И когда облако, наконец, ушло, Чеа уже была безжизненной пустыней. Жизнь, загнанная под землю, стояла на пороге агонии.

У нас было только триста больших звездолетов. Все, что мы успели построить. Они могли взять почти сто тысяч человек. Но ведь отборному отряду нужны были машины, роботы, инструменты. И Совет сократил отряд до двадцати тысяч. В него вошли ученые, инженеры, врачи — двадцать тысяч, взваливших на свои плечи судьбу миллиардов.

Корабли стартовали в течение десяти дней. Я ушел на двенадцатом, вместе с группой энергетиков...

— А те, что остались, они... — Морев не мог сразу подобрать слово, — они все... погибли?

Воображение разворачивало страшные картины. Последний звездолет тонет в фиолетовой бездне неба, и на планете наступает оцепенение. Все. Конец. Вместе с тишиной в подземные города вползает ужас. Миллиарды маленьких ужасов сливаются в один, громадный и черный, как ночь. Многоголосый и слепой, он стонет и ворочается в катакомбах Чеа, в городах-могилах...

Ул непонимающе поглядел на Морева.

— Вы спрашиваете об оставшихся? Они здесь, — и сделал неопределенный жест, — я покажу.

Коридоры казались бесконечными. Они то сплетались, образуя гигантские площади, то раздваивались, разбегались в разные стороны. Впереди зажигались огни и гасли за спиной, едва люди проходили мимо. А на смену им вспыхивали новые. В одном из гулких залов-площадей Ул остановился и показал на стену:

— Здесь.

Он провел по стене рукой, и она засветилась холодным люминесцентным светом, стала почти прозрачной и вдруг исчезла совсем. Открылось громадное помещение, облицованное темным металлом. Вдоль стен и посередине него тянулись многоярусные стеллажи, забитые доверху отливающими серебром коробочками.

— Вот, — сказал-радирировал Ул, — здесь полмиллиарда. Мы отправим их завтра. Первая партия будет на Голубой через семь оборотов Чеа.

— Прах, — тихо сказал Костя, — цивилизация, ставшая пылью.

— Нет, не пыль, — возразил Ул. — Мы довели уровень трансформации до возможности получения кристаллических структур. Так надежней. Да, надежней и легче вернуть человека в исходное состояние.

Космонавты ошалело глядели друг на друга. Ул как-то странно сузил глаза и впервые со времени встречи приоткрыл рот. Он улыбался: земляне удивлены, они ничего не поняли.

— «Остальное население трансформировать» — так гласил второй пункт решения Совета. В тех условиях это был единственный выход. Они ведь не могли ждать так долго.

— Так, значит, они живы! — у Морева бешено колотилось сердце. — И эти ваши шары из Воронки?..

— Да, — передал обруч-переводчик мысленный ответ Ула. — За девять лет отборный отряд подготовил Голубую к приему чеанцев. Все шесть миллиардов. Мы здесь, чтобы выполнить третий пункт решения: «Произвести полную эвакуацию». Шары — это новый энергетический метод преодоления Пространства. Он разработан нашими учеными уже на Голубой.

Стена стала тускнеть и погасла. Комната, хранящая сотни миллионов законсервированных жизней, погрузилась в темноту. Людей снова принял гулкий лабиринт коридоров, сторожащих пятидесятитысячелетний сон людей-кристаллов.

Трехногий робот, дежурящий у лифта, откинул стальную дверь-люк, и солнце ударило в глаза нестерпимым светом. «Краб» сиротливо стоял на краю Воронки, растопырив трубчатые ноги. Песок ручейками стекал по ложбинкам между плит. В глубине Воронки плескались неясные серые тени.

— Но как вы один справитесь с такой громадной работой? — спросил Костя.

— Нас десять. Товарищи работают в других хранилищах. Мы приходим к вам завтра, чтобы узнать о жизни Земли.

Ул поднял обе руки над головой.

«Краб» медленно развернулся и побрел на восток.

— Мне неясно только одно, — как бы про себя сказал Морев, — пятьдесят тысяч лет, а Улу не больше пятидесяти, по нашему... Как же, значит, далеко Голубая и с какой страшной скоростью они перемещаются, если эффект времени так велик!

— Надо было спросить о корабле, — отозвался Костя.

— У них нет корабля.

— То есть?

— Они вернулись так, как отправляют эти кристаллы. Шарами.

«Краб» прибавил шаг. Солнце садилось. Тонколистая трава, кустики которой редкими серыми пятнами лепились на склонах барханов, стала сворачиваться, съеживаться в комки. Леденящее дыхание притаившейся за горизонтом ночи обжигало.

Они были не дальше чем в двух километрах от ракеты, когда в наушниках раздался голос Раева:

— Морев, Славин, почему не отвечаете? Срочно возвращайтесь на корабль. Получена радиограмма с «Мечты-5». Она прибывает завтра. Вы слышите меня?

— Слышим, — сказал Морев. — Не волнуйся.

— Где вы пропадали?

— Были в гостях у марсиан.

— Глупые шутки. Вероятность существования марсиан...

— Знаем, — весело перебил Костя, — равна нулю.

— Вот именно.

С Л Е Д ЛИСИЦЫ

Игорь продолжал некоторое время спокойно читать, потом как бы непроизвольно столкнул со столика тяжелую папочку с меню. Нагибаясь за нею, он бросил незаметный взгляд в сторону углового столика и сразу узнал сидевшего за ним человека.

Это был художник Зернов, тот самый, с которым беседовал Игорь недели две назад. Зернов был в знакомой спортивной куртке на «молнии», только без берета, коренастый, жилистый и еще больше загорелый. Костистое, с хищным носом и глубоко запавшими, цепкими глазами лицо его и бритая голова были медными от загара, а длинная, прямая трубка, прихваченная крепкими зубами, придавала ему сходство с индейцем, лишь недавно познавшим блага цивилизации. Зернов что-то быстро набрасывал карандашом на листе бумаги. «Уж не меня ли рисует?» — с неудовольствием подумал Игорь.

Вопрос этот разрешился быстро.

Зернов неожиданно встал и, держа лист бумаги в руках, подошел к Игорю.

— Здравствуйте, дорогой товарищ, — пробасил он, лукаво и в то же время удивительно добродушно улыбаясь. — Разрешите показать вам портрет одного знакомого.

С листа бумаги на Игоря смотрел он сам. В торопливом карандашном рисунке художник сумел ухватить не только характерные черты лица — приплюснутый, как у боксера, нос, тяжело выступающий подбородок, но и бросающийся контраст черных коротких волос и голубых — именно голубых! — глаз.

— Здорово! — невольно вырвалось у Игоря.

Потом Зернов довольно бесцеремонно перебрался за его столик со всем своим «хозяйством». Этим «хозяйством» оказалась папка со множеством зарисовок.

— Студия моя здесь, рядом, — басил Зернов. — Расщедрился Моссовет. Питаюсь тут. Заодно собираю человеческие типы. Вы только взгляните — «какая смесь одежд и лиц».

Встреча эта была на редкость не ко времени: Зернов мог серьезно помешать. Тем не менее Игорю пришлось сделать вид, что ему эта встреча как нельзя более приятна. Он вынужден был даже посмотреть все наброски Зернова, при этом, однако, чутко регистрируя приход в ресторан каждого нового человека.

Заметил Игорь и невысокого чернявого паренька с быстрыми глазами во франтоватом костюме, который не очень уверенно огляделся по сторонам и сел за ближайший к двери столик.

Просматривая рисунки Зернова, Игорь внезапно обратил внимание на один портрет. На нем был изображен лысоватый человек с узким лицом и неприятным прищуром слегка воспаленных глаз — даже такую деталь сумел ухватить художник. Изображенный человек был почему-то знаком Игорю, хотя он готов был поклясться, что никогда его не встречал.

— А это кто? — спросил Откаленко.

— А, бедняга, — сочувственно махнул рукой Зернов. — Вот придет, познакомлю. Приезжий. Вчера познакомились... Обокрали его по дороге. Без копейки остался. Я его ночевать у себя в студии устроил.

Игоря охватило какое-то неясное беспокойство.

— Кто ж он такой?

— Инженер. С севера. Фамилия Егоров.

Как ни владел собой Откаленко, он невольно вздрогнул при этих словах. Все сходилось. Художник встретил здесь Сердюка.

— Значит, Егоров...

— Именно. Знаете такого?

Игорь заставил себя улыбнуться и безразлично пожать плечами.

— Нет. Просто история такая... необычная.

— Между прочим, по вашей части, — засмеялся Зернов.

Обстановка внезапно и угрожающе осложнилась.

Но если бы Откаленко знал, что происходит сейчас за пределами этого зала, он встревожился бы еще больше.

Виной всему был тот самый чернявый паренек, который сидел сейчас за ближайшим ко входу столиком.

Как только он вошел в ресторан, Виталий Лосев сорвался со стула около окна, через которое он наблюдал, и бросился к телефону.

— Федор Кузьмич! — взволнованно прокричал он в трубку. — В ресторан пришел Олег Полуянов.

— Ты что, милый? — встревожился Цветков. — Его же нет в Москве! Ты не обознался?

— Это точно, Федор Кузьмич! Я его отлично запомнил. Сам ничего не понимаю. У него командировка кончается только через пять дней.

— Странно... — Цветков задумался. — И почему он пришел как раз в этот ресторан?

— Может быть, он виделся с Косым? Тот ведь знает его фамилию. Мог разыскать.

И тут Цветкова словно осенило.

— Лосев, — дрогнувшим голосом сказал он. — Полчаса назад Косой увез Васю.

— Куда он его увез?

— На Ярославский вокзал. Оттуда Вася непременно должен хоть на минуту заскочить домой. Придумает что-нибудь... И позвонит мне.

— Что же делать, Федор Кузьмич? Ведь Косой... он на все пойдет...

Последние слова Виталий почти прошептал в трубку. Он вдруг так ясно представил себе в этот момент безоружного, ничего не подозревающего Ваську и Косого, каким он запомнил его, когда тот зверем кинулся на Виталия там, в доме Анисьи, — он так ясно представил себе эту неравную смертельную схватку, что на секунду потемнело в глазах.

— Что же делать, Федор Кузьмич? — в отчаянии повторил он. — Что-то надо сейчас же делать!

— Надо, милый. Вот что, — с подчеркнутым хладнокровием приказал Цветков. — Никифорова — немедленно на вокзал. Он видел Васю, тот сидел у него в комнате. Он узнает его там. А Бурков пусть едет к Васе домой и ждет его там.

— А я?! — вне себя воскликнул Лосев. — Разве я могу сейчас сидеть здесь?! Вы что, Федор Кузьмич? Косой сюда, выходит, не придет. Значит, не придет и Сердюк!

Цветков задумчиво ответил:

— Это верно. У Откаленко скорее всего вечер будет пустой. Но ты останешься.

— Да зачем?! Зачем?!

— Ты проводишь Олега, Лосев.

— Я поеду к Ваське!..

— Нет. Ты проводишь Олега.

— Да его любой из наших проводит! А я...

— А ты сейчас не работник, — жестко перебил его Цветков. — Ты черт знает каких дров наломаешь.

— Федор Кузьмич...

— Выполняй приказ, Лосев.

И Цветков бросил трубку.

— Все, — упавшим голосом сказал Виталий встревоженным сотрудникам, слушавшим его разговор. — Все, ребята.

— Что «все»? Толком говори.

— Вы едете, а я остаюсь. Потом еду я.

— А Откаленко?

— У него сегодня вечер пустой.

Но Цветков ошибся, причем ошибся дважды.

На вокзале Васьки не оказалось. Не появился он и дома. Зато Виталию Лосеву выпало новое испытание.

Выпало оно и на долю Откаленко, вечер не оказался пустым.

В ресторане откуда-то со стен лилась музыка, тихая-тихая, лишь как некий приятный фон, не заглушая ничьих, самых негромких и задушевных бесед.

— Люблю здесь бывать, — с удовольствием потянулся Зернов. — Удивительно приятная обстановка.

— Да, обстановочка... приятная, — натянуто улыбнулся Откаленко.

Он уже пришел в себя от сделанного открытия и теперь лихорадочно соображал, как вести себя дальше. Неужели придется ко всем событиям, которым предстоит развернуться, подключать этого художника? Правда, он человек честный, неглупый и, кажется, не трус. Кроме того, он будет знакомить Игоря с Сердюком. Значит, уже, во всяком случае, о том, где Игорь работает, он даже заикаться не должен. Об этом его придется предупредить, тут уже никуда не денешься. Следовательно, его придется предупредить и о том, кто такой Сердюк? Это уже хуже. Тут Зернов может сорваться. Но от этого тоже никуда не денешься. А вот потом... Потом надо от Зернова отрываться, надо куда-то увлечь Сердюка, выпытать все, что требуется, и подать сигнал оперативной группе. Брать Сердюка будут они. Это очень серьезная операция.

— А вы газету почитываете? Полезно. Хотя порой, признаться, улыбку вызывает, — добродушно гудел между тем Зернов. — Порой, знаете, наивно.

Игорь рассеянно спросил:

— Что наивно?

— Да вот кое-какая информация. Всякие катастрофы, пожары, крушения — все, мол, только там, на Западе. Недавно даже сообщили, что лев какой-то дрессировщика своего съел. Мол, понимай так, что наш-то лев своего укротителя ни за что лопать не станет.

— Слушайте, товарищ Зернов, — Игорь, наконец, решился. — Помнится, при первой нашей встрече вы мне сказали, что если понадобится, то вы готовы нам помочь.

Было в его тоне что-то особенное, что заставило Зернова насторожиться.

— Верно, — согласился он. — И сейчас повторю.

— Так вот нужна ваша помощь. И дело тут посерьезней, чем с тем львом, — усмехнулся Игорь.

Зернов нетерпеливо махнул рукой.

— Это все мелочи, дорогой мой. Досадные, но мелочи. Говорите. Говорите и не бойтесь. Не подведу. Ваше дело — дело святое. Как в войну. А я там батареей командовал. И говорят, успешно. Ей-богу!

— Тут из пушек стрелять не придется.

— Тут тоже враг, — нахмурился Зернов. — Понимаю, это не Америка. Банд таких нет, и гангстеры помельче. Но у нас не должно быть и таких.

Он говорил горячо, искренне, хотя и с некоторым пафосом.

— Так вот... — Игорь запнулся. — Извините, не знаю, как вас зовут.

— Павел Григорьевич.

— А меня — Игорь. Так вот, Павел Григорьевич. Человека, которого вы ждете, жду и я.

— Что вы говорите?!

— Да. Это опасный человек. К вам две просьбы. При нем не говорите, где я работаю. И ничему не удивляйтесь. Если я что-нибудь предложу — поддержите.

— Все?

— Все. Хотя еще одна просьба. Третья. Ведите себя с ним по-прежнему дружелюбно.

— Это, пожалуй, сейчас труднее всего.

— Это необходимо, — с ударением произнес Игорь.

— Хорошо, — согласился Зернов и огорченно добавил: — Но вы мне отводите какую-то пассивную роль.

Игорь улыбнулся.

— Павел Григорьевич, вы чудесный художник. У каждого своя работа.

— Ну, знаете, — возмутился Зернов. — Я не в башне из слоновой кости живу. Что за дурацкое представление!

— Павел Григорьевич, — тронул его за рукав Игорь. — Это не он?

В этот момент в зал вошел высокий сутулый человек с узким лицом и редкими, гладко зачесанными назад волосами. Он был в бежевом костюме, сидевшем на нем мешковато, словно бы с чужого плеча. Или это только показалось Игорю. И еще Игорю бросилась в глаза какая-то хищная потаенная сила, сквозившая во всех движениях этого человека.

При его появлении чернявый парень, сидевший за крайним столиком, неуверенно приподнялся и что-то спросил. Человек, оглядев его быстрым, цепким взглядом, кивнул головой. Тогда паренек передал ему записку и поспешно, не дожидаясь ответа, вышел.

Эта короткая сцена встревожила Игоря. Черт возьми, о чем предупредил Сердюка этот парень? И кто он сам такой? По правилам кто-то из опергруппы должен был бы пойти за ним. Но обратят ли внимание на этого парня? И почему нет Косого?

А Зернов в это время буркнул:

— Он самый.

Игорь взглянул на художника и усмехнулся.

— Так нельзя, Павел Григорьевич. Глядите веселее.

А Сердюк в это время, пробежав глазами записку, сунул ее в карман, потом осмотрел зал и весело помахал рукой Зернову.

Тот в ответ сделал широкий приглашающий жест и тоже улыбнулся.

Сердюк подошел к ним, и Зернов церемонно познакомил его с Игорем.

— Мой юный друг, — сказал он. — И подает надежды.

— Вернее, сын друга, — поправил его Игорь. — Папаша тоже мажет, — и он насмешливо подмигнул Сердюку.

Тот посмотрел на него с симпатией, но деликатно возразил: — Серьезное занятие. Я вон посмотрел у Павла Григорьевича...

Завязался разговор. Сердюк держал себя свободно, хотя и скромно. «Умен, черт», — подумал Игорь.

Его все больше беспокоило, что ни один из сотрудников не заходит в ресторан, как было условлено. Неужели они пропустили Сердюка, не заметили его? Или ждут Косого?

Игорь уже давно, закулив, бросил спички на подоконник рядом со столиком и теперь, словно ища их, отодвинул занавеску. Это был сигнал.

Но и после этого никто из опергруппы в ресторан не зашел. Игорь терялся в догадках. Неужели группа снялась и оставила пост? Только этого не хватало! Надо немедленно связаться с Федором Кузьмичом, вызвать новую группу. Но как? Сердюк все время настороже. Один неверный шаг и...

— Что ни говорите, а приезжему человеку в Москве скучновато, — сладко улыбаясь, говорил между тем Сердюк. — Ни знакомых...

— Женского пола? — усмехнулся Зернов.

И тут вдруг у Игоря мелькнула идея.

— А что? Это дело поправимое, — засмеялся он. — И Павел Григорьевич тут тоже не промах, кажется?

И он заговорщически подмигнул Сердюку.

— Что?! — с негодованием воскликнул Зернов, но тут же осекся и с неловкой усмешкой добавил: — Впрочем...

Еще большую неловкость, почти стыд, испытал сам Игорь. Но другого выхода не было. И он добавил:

— Павел Григорьевич, папаша ведь не узнает. А мы малость повеселимся у вас в студии, а? Пригласим кое-кого. Я могу позвонить...

— Ну разве только ради нашего гостя... — смущенно пробормотал Зернов.

Сердюк усмехнулся.

— Я бы не отказался, если так.

— Вот сейчас и позвоним, — быстро поднялся со своего места Игорь. — Тут на углу автомат. Вы мне только номер квартиры напомниме, — обратился он к Зернову.

Неожиданно Сердюк поднялся вместе с ним.

— Пойдем провожу, — сказал он.

Делать ничего не оставалось, и Игорь согласился. «Ничего себе положение», — подумал он.

Они вышли из ресторана.

Игорь надеялся, что Сердюк подождет его около будки автомата, но тот втиснулся вместе с ним и, обдавая его жарким дыханием, спросил:

— Как девушки, а?

— Первый класс, — ответил Игорь, чувствуя, как начинают дрожать руки.

Он еле набрал номер Цветкова и, услышав знакомый голос, сказал:

— Верочка? Это я, Игорек!

— Что? — изумился Цветков. — Вы не туда попали, милый.

Но Игорь, чувствуя, что готов провалиться сквозь землю, с отчаянным упорством повторил:

— Да это я, Игорек! Не узнаете? Тут один мой приятель пришел. Есть возможность весело провести вечер. Приезжайте с подружками. Я скажу адрес.

— Что за черт! — воскликнул сбитый с толку Цветков. — Какая я вам Верочка! Вы что?.. — И вдруг, уже другим тоном, закричал: — Откаленко!.. Это ты?..

— Ну слава богу, узнали, — удовлетворенно засмеялся Игорь. — Так приедете?

— Постой, постой! Неужели появился Сердюк?

В голосе Цветкова прозвучала тревога.

— Вот именно.

— Где он?

— Рядом со мной. Интересный парень.

И тут вдруг Сердюк схватился за трубку.

— А ну, дай я ей скажу!

Игорь отстранил его руку и быстро произнес:

— Он хочет сам с вами поговорить.

— Сейчас, — быстро ответил Цветков. — Скажи, только дверь закрою.

Через минуту Сердюку ответил молоденький и веселый девичий голосок.

— Конечно, приедем. Давайте адрес.

Внешне очень довольные вернулись Откаленко и Сердюк в ресторан, и Игорь сказал Зернову:

— Пошли, Павел Григорьевич. Гости скоро будут.

И тут он внезапно поймал взгляд Сердюка, подозрительный и настороженный.

У Игоря сжалось сердце. Видно, что-то учуял этот зверь, как он поведет себя дальше, было неизвестно.

Виталий Лосев после отъезда товарищей был в таком угнетенном состоянии, что не сразу даже узнал Олега, когда тот вышел из ресторана. Он его догнал уже у остановки троллейбуса.

Успокоившись, Виталий стал наблюдать за Полуяновым и заметил, что тот нервничает. Нет, он, видимо, не боялся, что за ним следят, он не оглядывался по сторонам и не прятался. Но по его порывистым движениям, по тому, как он остервенело закуривал, как хмурился и грыз папиросу в зубах, Виталий понял: нервничает, и сильно.

Потом они ехали на троллейбусе, сначала на одном, затем на другом. Незаметно следовать за Полуяновым не составляло труда, он был рассеян и погружен в какие-то свои неприятные мысли.

Виталий скоро заметил, что едет Полуянов не домой, и это его заинтересовало. «Что же с тобой происходит? — мысленно спрашивал он его. — Куда едешь? И откуда ты, паршивец, взялся?» И еще Виталий мучительно думал о том, виделся или не виделся Олег с Косым и зачем он приходил в ресторан. Но ни на один вопрос ответа не было. Настораживало только состояние, в каком находился сейчас Полуянов, да еще, пожалуй, цель его поездки. Прямо из ресторана... Это было интересно.

Между тем вторым троллейбусом Полуянов доехал до Комсомольской площади и подземным переходом прошел к Ярославскому вокзалу.

«Уж не собрался ли ты, братец, тоже в Снежинск?» — усмехаясь, подумал Лосев.

Но Олег купил билет в пригородной кассе и направился на перрон. Начинало смеркаться. Фонари еще не зажигались. За Полуяновым следить становилось трудно. Его легкая фигура мелькала среди других людей, поминутно исчезая в толпе.

Обеспокоенный Виталий сократил дистанцию.

О чем бы он ни думал, как бы ни поступал, одна мысль не давала ему покоя: «Что с Васькой?» Ведь он тоже поехал с Косым на Ярославский вокзал. Это было давно. Их сейчас здесь нет, конечно. Разыскал Никифоров Ваську в этой вокзальной толпе или нет? И зачем Косой повез его сюда? Если он виделся перед этим с Олегом... Да нет, нет! Почему Виталий так решил?.. Мысли путались, и Виталий гнал их от себя, нервничал и из-за этого в какой-то неуловимый момент вдруг упустил Полуянова.

Тот исчез в толпе.

Виталий заметался по перрону, проклиная себя и свои дурацкие бабы нервы.

Полуянова нигде не было.

Тогда Виталий сказал себе: «Стоп! А ну, рассуждай!» Он и в самом деле остановился и усилием воли заставил себя сосредоточиться. Прежде всего надо было оценить обстановку. Виталий огляделся. Перрон узкий, и хотя он забит сейчас людьми, назад, к вокзалу, мимо Виталия Полуянов пройти незамеченным не мог. Значит, он впереди. Около перрона стояли два электропоезда. Один из них, справа, только что пришел, поэтому на перроне так много народу. В этот поезд Полуянов сесть не мог. Значит, он сел в левый поезд. Тот отходит в двадцать пятнадцать — это Виталий заметил, когда еще подходил к перрону. Значит, до отхода пятнадцать минут. Пассажиров в вагонах не много: дачный сезон еще не начался. Итак, надо заходить на площадку каждого последующего вагона и, не теряя из виду перрона, проглядывать сидящих на скамьях пассажиров.

Виталий окончательно успокоился. Так с ним бывало всегда. Как только случалось что-то непредвиденное и опасное, нервы собирались в кулак, голова начинала работать четко и ясно, в каком бы перед этим состоянии Виталий ни находился. Появлялось «второе дыхание», как любил выражаться Игорь Откаленко.

Виталий шел из вагона в вагон. Но Полуянова нигде не было.

«Он мог бы легко скрыться, — говорил себе Виталий, — если бы захотел. Но он и не думает об этом. Значит, спокойненько сидит себе и ждет, когда тронется поезд».

Очень мешал полумрак, царивший в вагонах. Виталию пришлось даже зайти в один из них, предварительно убедившись, конечно, что на ближайших скамьях Полуянова нет.

Все было напрасно. Этот проклятый парень словно растворился в вечерних сумерках.

Когда Виталий подошел к последнему вагону, он почувствовал, что нервы опять начинают сдавать. Он готов был снова бежать назад, на перрон, оттуда на вокзал, метаться среди людей, наконец просто кричать: «Полуянов! Где ты?! Полуянов!»

Виталий зашел в вагон. В тот же миг там вспыхнул свет, и в этом ярком, показавшемся почти солнечным, свете Виталий вдруг увидел Полуянова.

Тот сидел на одной из скамеек, привалившись к стенке, и смотрел в черный проем окна, нервно покусывая нижнюю губу.

Виталий устало опустился на ближайшую скамью, инстинктивно сев, однако, так, чтобы Полуянов не мог его заметить.

Через минуту раздался резкий дребезжащий гудок, поезд слегка дернулся, и колеса все быстрее застучали под полом. В вагоне было совсем мало пассажиров, все сидели, и Виталий в зеркальном стекле двери ясно видел Полуянова. Тот не отрываясь смотрел в окно.

Поезд шел и шел, задерживаясь на всех станциях. Входили и выходили пассажиры. Полуянов продолжал сидеть. Наконец, когда голос в репродукторе объявил следующую остановку, он беспокойно задвигался, потом нехотя встал и направился к площадке вагона, около которой сидел Виталий.

Они почти одновременно соскочили на полутемную платформу.

И тут Виталий понял, что дальше в этой незнакомой, окутанной темнотой местности он не сможет, оставаясь незамеченным, следить за Полуяновым. Стоило тому свернуть за любой угол, в любой проход между дачами, и он пропадет в этой крошечной тьме.

И еще Виталий понял, что Полуянов приехал сюда не случайно. Чутье оперативника подсказывало ему, что он сейчас идет по важному следу. Не последнюю роль в принятом решении сыграло и то, что Виталий уже знал Полуянова, знал его трусливую и подленькую душонку.

Поэтому, когда они сошли с платформы и Полуянов двинулся вдоль полотна железной дороги, мимо темных дач, Виталий догнал его и положил руку на плечо.

Тот вздрогнул и испуганно отпрянул в сторону.

— Тихо, Полуянов, — предупредил его Лосев, другой рукой инстинктивно нащупывая холодную рукоятку пистолета в кармане. — Тихо! Мы пойдем сейчас вместе. И не вздумывай выкидывать номер!

— Это вы?.. — вглядываясь в лицо Виталия, прошептал Полуянов.

— Узнал? И помни, я буду стрелять, если что. Пошли.

— Я... я не пойду...

— Пойдешь. И поведешь меня.

— Но я... я тут ни при чем... — сдавленным голосом воскликнул Полуянов. — Это все он!..

— Пошли. По дороге расскажешь.

— Ну ладно... Только приготовьте пистолет.

И они двинулись в темноту.

На невысоких могильных холмиках стояли кресты, самые разные, деревянные и металлические, простые — две перекладины — и витиеватые, отлитые на заказ. Тропинки петляли в жухлой прошлогодней траве между железными оградками могил. Ветер задумчиво шелестел в металлических листьях венков, уныло раскачивались редкие художочные деревца, словно обрызганные первой зеленой листвой. Вдалеке за вспаханным черным полем виднелись последние ряды дач, с другой стороны к кладбищу взбирался по склону бронзово-зеленый вал соснового бора.

Было тихо и пусто здесь в этот предвечерний час.

Косой привел сюда Ваську после долгого блуждания по поселку. Он ни у кого не хотел спрашивать дорогу.

— Наследим только, — говорил он Ваське. — На кой это надо? Мы лучше тихо, шито-крыто — и там.

Васька согласился поехать сюда только после того, как Косой сообщил, что на кладбище припрятаны вещи с большой кражи и их надо непременно перенести в другое надежное место. Косой же только обещал рассказать, что это была за кража и с кем он ее совершил, но и поделиться добычей. И Васька сделал вид, что ради доли в добыче он готов ехать куда угодно. Он хорошо помнил, что говорил ему напоследок Цветков. «Надо, Вася, выкорчевать это гнездо, и дело тут не в одном Косом. Смотри, слушай и запоминай, но на рожон не лезь, это я тебе строго говорю». А Васька решил все увидеть и ради этого «полез на рожон». Однако главное заключалось не в этом. Главное, из-за чего Васька нарушил сторожайший приказ Цветкова и не заехал домой, заключалось в том, что Косой вдруг охотно согласился вернуть пистолет.

— Валяй бери, — усмехнулся он, и усмешка эта была, как всегда, какой-то нехорошей и непонятной. — Я себе другую пушку нашел, пострашнее. Только она тоже там.

И Васька поверил.

Вообще в этот вечер Косой был необычно весел и покладист, так необычно, что в другое время Васька бы непременно обратил на это внимание. Но сейчас все мысли его были заняты одним: он скоро получит назад отцовский пистолет, он все узнает о Косом, чего раньше не знал, а потом... потом они посчитаются.

Они долго плутали по дачному поселку, пока не вышли к полю. Над свежей пахотой чуть заметно дрожал воздух. Вдали на бугре виднелось кладбище.

На маленькой скамеечке около одной из могил они присели и молча закурили. Пустынная тишина кладбища действовала на обоих.

Потом Косой усмехнулся и сказал:

— Вот и подождем тут.

— Чего ждать-то? — спросил Васька.

— Каждый свое ждет, что на роду написано, — неопределенно ответил Косой, продолжая усмехаться и тягуче сплевывая себе под ноги.

И тут Васька вдруг почему-то подумал, что Косой сильнее его и что у него в кармане наверняка лежит нож.

Сумерки сгущались, и желтая пыльная дорога среди черного поля была уже едва видна.

— Подойдет кореш, — мечтательно сказал Косой, — лопату приволокет. Могилку и отроем.

— Это зачем?

Голос у Васьки чуть заметно дрогнул.

— Надо. Так надо, Резаный, — ответил Косой, и в голосе его прозвучали какие-то новые, незнакомые Ваське нотки.

Когда вышли из ресторана, Сердюк был весел и беззаботен, добродушно подтрунивал над Зерновым и перемигивался с Игорем. И Откаленко решил, что все это ему показалось, ничего Сердюк не заподозрил, да и что можно было заподозрить в том

игривом разговоре, который был у того с неизвестной, но веселой и бесшабашной девушкой? Откаленко догадался, что с Сердюком говорила Тоня, секретарь их отдела, ее, конечно, позвал Цветков. А Тоня была человеком надежным.

На вечерних улицах уже зажглись огни. Было необычно тепло.

До студии Зернова дошли быстро. Она находилась совсем недалеко, тоже в новом доме, на самом верхнем этаже.

В квартире была только одна большая комната с низким потолком и непривычно длинным окном. Около стен лежали подрамники, на некоторых был натянут свежий, еще не загрунтованный холст. В углу стояла широкая старенькая тахта, рядом на маленьком столике горой лежали кисти, карандаши, стояли немытая чашка из-под кофе, металлический кофейник с черными потеками, тут же на тарелочке лежали хлеб и колбаса. К окну был придвинут мольберт с начатой картиной, изображавшей, видимо, уголок Москвы. Несколько больших портретов маслом стояли, прислоненные к стенке. Старенькие, облезлые стулья дополняли обстановку.

— Батюшки, что у нас тут творится! — схватился за голову Зернов. — И придут дамы.

Сердюк махнул рукой.

— Придут и приберут, дело какое. А вот выпить есть у вас что-нибудь, а?

— Выпить нет, — растерянно посмотрел на Игоря Зернов. — Я как-то, признаться, запамятовал, — и тут же суетливо прибавил: — Давайте я спущусь, не возражаете?

Он опять обращался к Игорю.

— Ради бога! Вы хозяин, — улыбнулся тот. — А мы пока приберем тут.

Зернов был какой-то потерянный и нервный. И это начинало беспокоить Игоря. Тем более что тот все время настороженно следил за каждым движением Сердюка и обращался с ним как-то опасливо и отчужденно. Видимо, и Сердюк заметил эту перемену и тоже насторожился. Реплики его становились все суше и короче, безоблачное настроение явно портилось.

Когда Зернов ушел наконец, Сердюк задумчиво сказал:

— Старикан наш чего-то не того. Задергался. И вообще бабами он не увлекается.

— А нам с ним не детей крестить, — беззаботно возразил Игорь. — Крыша над головой есть, и ладно.

Сердюк нахмурился.

— Ладно, да не очень.

— У тебя что-нибудь получше есть? — весело осведомился Игорь. — Тогда валяй предлагай...

— А ты, парень, я погляжу, того, — Сердюк усмехнулся, — шустрый.

Игорь многозначительно подмигнул.

— Я, брат, не только шустрый. Я еще и деловой. И всю Москву знаю. Где чего — будь спокоен.

Доверительный и залихватский тон его, видимо, понравился Сердюку. Он огляделся и презрительно заметил:

— Художник тоже мне. Они, говорят, тыщи гребут. А этот...

с хлеба на квас. Вот сегодня я был у одного... — Он вдруг запнулся и не очень естественно воскликнул, решив, видно, перевести разговор на другую тему: — А рож он нарисовал до черта! И сколько же за это ему отвалится?

— Чужие рубрики считаю, когда они моими становятся, — засмеялся Игорь, тоном, однако, давая понять, что речь тут идет вовсе не о воровстве, и, в свою очередь, спросил: — А где ж это ты был сегодня, чего темнишь?

Но Сердюка не так-то просто было вызвать на откровенность. Улыбка вдруг стерлась с его узкого лица, он остро взглянул на Откаленко и отрезал:

— Где был, там меня нет.

— Но обстановка понравилась?

— Будь здоров, — рассеянно ответил Сердюк, что-то обдумывая про себя. — А с виду человек совсем незаметный.

«Неужели ограбил кого-то? — подумал Игорь. — Его надо брать сегодня же. Такого водить нельзя, сорвется. И тогда...» Ему стало страшно от одной мысли, что Сердюк останется на свободе. Нет, нет, что угодно, только не это! В нем чувствовалась такая сильная и злая воля, такая бездушная, совсем звериная жестокость, сейчас лишь слегка прикрытая напускным добродушием, что даже ему, Откаленко, привыкшему ко многому, становилось не по себе.

— А гости твои не подведут? — спросил вдруг Сердюк, и в голосе его Игорю послышалось что-то новое, что-то, видимо, решенное.

— Будь спокоен. А что?

— А то, — медленно произнес Сердюк. — Мы им один сюрприз устроим. Обсмеются.

Тихо-тихо было на кладбище и уже совсем темно.

Внезапно Косой насторожился, прислушался, потом поднялся со скамейки и, потянувшись, лениво сказал:

— Ну, а теперь посчитаемся.

— Это в каком смысле?

У Васьки страшно задергалась щека, и он по привычке зажал ее рукой.

— А вот в каком...

Косой вдруг развернулся и с силой ударил Ваську кулаком в висок. В кулаке был зажат нож, Косой бил рукояткой.

Васька со стоном повалился на землю, а Косой уже сидел на нем и, захлебываясь от долго сдерживаемой ярости, почти шипел ему в лицо:

— Продать захотел?.. Мусором стал?.. Не уйдешь теперь...

Его всего трясло, пенка пены выступила на запекшихся губах.

— Получай, сука!..

Косой размахнулся ножом. Удар. Над кладбищем пронесся короткий и отчаянный человеческий крик:

— А!..

В тот же момент Косой услышал за спиной торопливые шаги. Он приподнялся, глядя в темноту, и спросил резко:

— Олечка, ты?

— Я, я!.. Постой!..

Чья-то фигура, непохожая, высокая, мелькнула за оградой ближайшей могилы.

Косой, пригибаясь, отскочил в сторону, споткнулся обо что-то и упал, больно ударившись плечом о скамейку. Нож выпал из руки, искать его в темноте было бесполезно. И, разрывая на груди рубаху, он выхватил из-за пазухи маленький пистолет, мутно блеснула в руке перламутровая рукоятка.

— Встань, Косой! Встань, говорю! — слышал он чей-то прерывистый, взволнованный голос. — И бросай оружие!

Перед ним вырос силуэт человека, и слова его звучали так грозно, с таким гневом, что у Косого исчезли последние сомнения. Это был совсем не тот человек, которого он ждал, который должен был прийти и принести лопату, чтобы закопать Ваську.

И в этот момент раздался слабый, неуверенный голос Васьки:

— Я... я встану... я хочу встать...

Он стал медленно подниматься с земли и вдруг заплакал короткими злыми всхлипами.

— Я ему... сейчас... — бормотал Васька, борясь с непослушным своим телом.

Косой почувствовал, как туманится мозг, слепая ярость охватила его.

— Врешь... — закричал он зубами. — Не встанешь...

Он вытянул руку с пистолетом.

И в тот же миг, вместе с гулким раскатом выстрела, метнулся на него, на пистолет, на выстрел только что возникший перед ним человек, и Косой задохнулся от навалившейся на него тяжести.

А Васька тихо, без стона опустился на землю.

И тут около него вдруг возник другой человек — бледный, трясущийся, весь перепачканный в земле Олег Полуянов.

— Васька... Ну, Вася... — затряс он его за плечо и, стуча зубами, глотая слезы, все повторял: — Ну, Вася...

В это время два тела, скрученные в тугую, плотную жгут, катались по земле. Косой впился зубами в чужое плечо, бил ногами, а руками тянулся к горлу и рычал, хрипло, по-звериному. Косой чувствовал: он сильнее, чувствовал по вздувшимся мышцам, по ответным ударам, по кажущейся неловкости навалившегося на него тела. Только бы дотянуться до горла... и вот одной рукой он уже впился в него, человек захрипел, на миг ослабили его руки. Косой попытался вскочить, думая уже только о том, чтобы бежать в спасительную темноту, в лес, забиться там, исчезнуть... Он приподнялся на второй, свободной руке, рванулся в сторону... И тут вдруг рука подломилась, непонятная сила завернула ее за спину, хрустнуло с дикой болью плечо, и Косой плашмя рухнул на землю, теряя сознание.

— Зови людей, — прохрипел Виталий, обращаясь к затихшему Полуянову. — Зови всех... кого встретишь... Ну, живо...

Он оперся трясущимися руками о землю, собираясь подняться, и вдруг нащупал в развороченной траве маленький пистолет. Виталий поднес его к глазам. На рукоятке матово белели перламутровые пластинки. «Тот самый, отцовский, — мелькнуло в голове у Виталия, и он с отчаянием подумал: «Вера Григорь-

евна, как я вам обо всем этом расскажу?» Виталий вдруг почувствовал, как комок подкатывает к горлу и начинает мелко дрожать подбородок.

По ярко освещенным, оживленным улицам оперативная машина шла, почти не снижая скорости на перекрестках, нетерпеливо вырываясь на желтый свет светофора.

Цветков грузно повернулся на переднем сиденье и говорил двум сотрудникам и Тоне, сидевшим сзади:

— Вы, Тоня, в квартиру не заходите. На ваш голос должны открыть дверь. Потом вы что-нибудь еще скажете погромче, чтобы в комнате было слышно. И все. А зайдем мы. Вам ясно?

— Нет, неясно, — безбоязненно возразила Тоня, худенькая темноволосая девушка, одетая сейчас в необычно яркое платье.

Цветков, привыкший, чтобы его понимали с полуслова, терпеливо, учительским тоном спросил:

— Что вам неясно?

— А то. Вдруг дверь откроет этот бандит? Увидит вас и захлопнет.

— Дверь должен открыть Откаленко. Но если откроет Сердюк, он увидит только вас. Скажите, что остальные поднимаются, оставьте дверь открытой и смело проходите в комнату. Вот так. Теперь все ясно?

Один из оперативников с досадой сказал:

— Неужели нельзя его поводить? Ведь условились.

— И потом — вещи, — добавил другой. — Это же какие улики...

— Обстановка изменилась, — ответил Цветков. — Мы рассчитывали, что в ресторан придет и Косой. А теперь он исчез. Нет, Сердюка надо брать немедленно. А санкцию на арест мы и без улики получим. Беглый ведь.

Шофер, видимо, хорошо знал дорогу. Машина уверенно сворачивала с одной улицы на другую. И, наконец, остановилась возле одного из новых домов.

— Этот? — спросил Цветков.

Шофер отрицательно мотнул головой.

— Нет. Вон тот, третий.

— Ну, правильно. Службу знаешь, — удовлетворенно сказал Цветков. — Тоня, вы вперед идите. Мы вас догоним на лестнице.

Через несколько минут все четверо собрались на площадке девятого этажа.

Один из оперативников приложил ухо к двери и, понизив голос, с удивлением сказал:

— Тихо. Они что, спать там легли, что ли?

— М-да. Странно, — согласился Цветков и приказал: — Звоните, Тоня.

Трое мужчин отошли в сторону. Тоня позвонила.

Некоторое время за дверью было тихо, потом раздались осторожные шаги и незнакомый голос спросил:

— Кто там?

— Вы разве не ждете гостей? — Как можно беззаботнее спросила Тоня.

— Гостей?.. Гм... Видите ли... — сбивчиво пробасил голос за дверь. — Тут, некоторым образом... произошло нечто неожиданное.

Щелкнул замок, дверь распахнулась, и на пороге появился Зернов. На бронзовом его лице блуждала растерянная улыбка. Он с удивлением оглядел Тоню и спросил:

— Это вы обещали приехать?

— Да. А что?

— Вы, извините, одна?

— Да. Что случилось? — нетерпеливо спросила Тоня. — Говорите же. Где ваши гости?

— Дело в том... — растерянно развел руками Зернов, — что гости исчезли.

— Слушай, — сказал Сердюк. — Есть дело. Ты парень не промах. Поможешь.

— Так ведь гостей ждем, — с беспокойством ответил Игорь. — И перед хозяином неловко.

— Гости мне эти до лампочки. А хозяин... Что-то хозяин наш очень дергаться стал. Не нравится мне это. — Сердюк говорил уверенно и властно. — Значит, так. Уедем, и все. Идет? Не пожалеешь.

Что было делать Откаленко? Задержать, не пустить Сердюка до приезда группы? С другой стороны, Сердюк обещал раскрыть свои планы, а это так важно. И Откаленко, кажется, вошел к нему в доверие, как же это не использовать! Так ведь и было вначале задумано. Правда, их должна была сопровождать группа. Иначе опасно. Что же делать?

— Надо остаться, — наконец покачал головой Игорь. — Ты уж меня не подводи.

Но Сердюк не привык менять решения. И действовал он быстро. Игорь не заметил, как тот оказался в передней. И теперь, щелкнув замком и приоткрыв дверь, Сердюк сказал, испытующе поглядывая на Игоря:

— Ну, живо. Или я один. Пожалеешь.

Последнее слово он сказал чуть насмешливо, и это насторожило Игоря. Было ясно, что задержать Сердюка не удастся. Стрелять? Но тот выскочит на лестницу раньше, чем Игорь выхватит пистолет. Да и вообще...

— Ладно, пошли, — вздохнул Игорь и, уже начиная новую игру, заинтересованно спросил: — А что за дело?

— По дороге скажу.

Они стремительно спустились по лестнице. Сердюк бежал впереди, перепрыгивая через ступеньки. Его высокая, кряжистая фигура с удивительно гибкой спиной и узкий бритый затылок все время маячили перед Игорем, и он боролся с искушением ударить по этому затылку, чтобы никуда уже не бежал этот опасный человек, чтобы никогда больше не строил никаких планов.

Нет, Игорь, не думал в этот момент о том, что же это у него за работа, что же это за порядки в ней такие, если нельзя сейчас сбить с ног этого бандита, если надо ему улыбаться. Так бы, конечно, думал Лосев, вспыльчивый, непосред-

ственный и не очень еще «тертый» на такой работе. Он бы тоже не ударил, но «напереживался бы» при этом сверх всякой меры. Откаленко не переживал, он был спокойнее и опытнее. Но соблазн, честно говоря, был...

Они сбежали с лестницы и выскочили на улицу.

Около тротуара стояло свободное такси, и Сердюк, не задумываясь, вскочил в него. Следом за ним вскочил и Игорь. Он даже не успел оглядеться.

— В ГУМ, быстро! — сказал Сердюк. — И скорее, а то закроется.

Машина сорвалась с места и стремительно влилась в ревущий поток других машин.

Было понятно, что Сердюк уже составил план действий. Это было странно. Ведь еще час назад он явно не помышлял ни о чем подобном. И почему именно ГУМ? Значит, у него там есть какие-то связи? Игорь уже не думал о своих опасениях, его охватил азарт неожиданных открытий. Вернее, опасения все же остались, о них не думал бы сейчас тот же Лосев. А Откаленко сейчас припомнил, где находится комната милиции в ГУМе, кого он знает там из оперативных работников и даже где они могут сейчас, перед закрытием магазина, находиться. При малейшей возможности надо будет пройти через эти места и подать сигнал. Нет, Игорь там, в ГУМе, не будет одинок. И этого волка там можно будет зажать надежно. Однако что же он все-таки придумал? И кто у него там есть?

— Представляешь их рожи сейчас? — усмехаясь, тихо спросил Сердюк.

И Игорь заставил себя тоже усмехнуться.

— Представляю.

Сердюк покосился на него, но ничего не прибавил.

Такси уже мчалось по проспекту Маркса, потом нырнуло под старинную арку Китайгородских ворот и по запруженной машинами улице добралось до ГУМа.

Сердюк сунул водителю деньги, взмахом руки давая понять, что сдачи не требуется, и устремился ко входу в магазин. Игорь еле поспевал за ним, ему приходилось еще и оглядываться по сторонам.

Они быстро поднялись на второй этаж, лавируя в толпе, по узкой галерее прошли мимо нескольких секций и, наконец, остановились возле одной, где торговали мужскими рубашками.

Сердюк указал на бойкого парня-продавца с изысканным пробором и галстуком-бабочкой и тихо сказал:

— Видишь его? Все уплачено. Мировой товар.

— Какой товар? — деловито осведомился Игорь.

— Увидишь. Предупрежу сейчас, что пришел.

Он быстро протиснулся к прилавку, перегнулся через него и что-то сказал продавцу. Тот кивнул головой в ответ и указал на дверь за прилавком.

В этот момент Игорь на секунду отвел глаза, ему показалось, что в толпе мелькнул знакомый сотрудник. Когда он перевел взгляд на прилавок, Сердюка там уже не было. «Что за черт? — подумал Игорь. — Куда он делся?» Сердюк мог только пройти за прилавок, в дверь, на которую кивнул продавец, иначе бы Игорь его увидел. Неужели они действуют так нагло?

Не может быть! Но сейчас важнее всего было не упустить Сердюка. И, махнув рукой на воровскую конспирацию, Игорь подскочил к продавцу.

— Где тот парень? — напористо спросил он продавца.

— Какой парень? — удивился тот.

— Какой? Тот самый, который обратился сейчас к вам.

Игорь разозлился: этот тип еще строит удивленную рожу! «А тобой, прохвост, займемся особо», — мысленно пообещал он.

— Это который заведующего спрашивал?

— Я не знаю пока, что он спрашивал. Где он?

— Прошел сюда, — продавец кивнул головой на дверь за своей спиной.

Игорь нырнул под прилавок и устремился к двери.

— Гражданин! — услышал он за своей спиной.

Он еще не знал, что скажет Сердюку, когда столкнется с ним там, за этой дверью. Он жаждал только одного: скорей увидеть знакомую ненавистную физиономию Сердюка, его высокую фигуру в бежевом костюме.

Но за дверью в узком и длинном подсобном помещении никого не оказалось, ни одной живой души, только горы товара. В дальних концах гудели подъемники, и по обеим сторонам видны были несколько дверей, точно таких, как и та, через которую вошел Игорь.

Следом за ним в эту же дверь просунулась испуганная физиономия молодого продавца.

— Гражданин, сюда нельзя! — крикнул он. — Вы что, глупой? Вам же говорят, что...

Откаленко взглянул на него с такой холодной яростью, что тот осекся. Потом Игорь сунул ему под нос свое удостоверение и зло спросил:

— Что вам сказал этот тип? Быстро!

— Он спросил заведующего, честное слово.

Паренек готов был заплакать.

— Но ведь заведующего тут нет!

— А я знал, что его тут нет? Он был и... и вышел, значит.

Все было ясно. Игоря провели, как последнего простака. Но кто мог подумать, что Сердюк собирался разыграть такой спектакль! Неужели он понял, кто такой его спутник?

А. ЯКОВЛЕВ, Я. НАУМОВ

ТОНКАЯ НИТЬ

Приключенческая повесть

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Дела Сергея Савельева были плохи, очень плохи. Жизнь в нем едва теплилась. Он ведь не только получил две тяжелые раны, опасные для внутренних органов, но и потерял много крови. Трудно было точно определить, когда именно Сергей был ранен, сколько времени пролежал под проливным дождем. Нашел Савельева дежурный милиционер, старшина, на одной из окраин города. Через мгновение чуткую предутреннюю тишину погруженного в сон переулка пронзила трель милицейского свистка. Минут пятнадцать-двадцать спустя появилась оперативная группа милиции с розыскной собакой. Почти одновременно с оперативной группой прибыла машина «Скорой помощи». Санитары подхватили бесчувственное тело на носилки, и машина «Скорой помощи» умчалась. Оперативная группа приступила к работе. Сантиметр за сантиметром была исследована канава, где старшина обнаружил раненого. Шагах в десяти-пятнадцати от места происшествия нашли пустой бумажник, а чуть подальше — удостоверение Крайского управления КГБ на имя лейтенанта Сергея Савельева и комсомольский билет. Больше обнаружить ничего не удалось. Собака не смогла взять след, он был смыт дождем.

Закончив осмотр, работники оперативной группы отправились в больницу, куда отвезли Савельева. Там уже находились заместитель начальника управления КГБ (полковника Скво-

Продолжение. Начало см. «Искатель» № 1.

рецкого в Крайске не было, он уехал в командировку) и дежурный по управлению. Здесь, в больнице, тщательно осмотрели одежду Сергея. Ничего, что могло бы помочь раскрытию преступления, осмотр не дал. В кармане нашли небольшую записку. Записка была какая-то странная — на клочке бумаги рукой Савельева было написано:

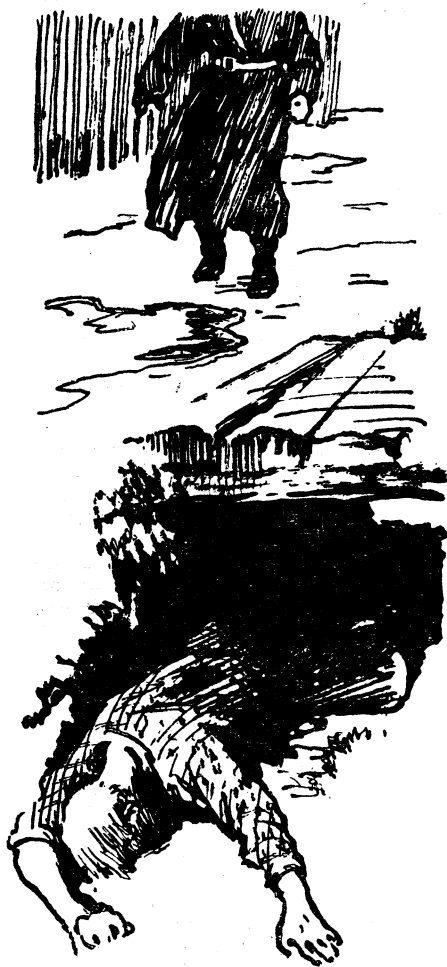
«Строительной организации требуются кульманы и чертежные столы. С предложениями обращаться по адресу: почтовый ящик № 12487».

Зачем он ее писал?

Ответ на эти вопросы мог дать только сам Савельев, но как раз он-то и не мог дать никакого ответа.

За то время, что работники Управления КГБ и милиции исследовали вещи Сергея, консилиум врачей закончил осмотр и составил свое заключение. Все врачи сошлись на том, что нападение на Савельева было совершено за несколько часов до того, как старшина нашел его тело в канаве. Действовал нападавший исподтишка, сзади. Сначала он нанес лейтенанту удар каким-то тяжелым предметом по затылку, затем ударил ножом, скорее всего финкой, в спину. Судя по характеру этой последней раны, нападавший был левша.

Внимательно выслушав Луганова, Миرونوف задумался. Ограбление? Нет, тут было не ограбление, хотя все внешние признаки преступления и подтверждали такую версию. Но разве можно

упускать из виду, что нападение на Савельева было совершено в тот момент, когда он находился недалеко от Черняева? Какая же связь могла быть между близостью Черняева и нападением на Савельева? Была ли она, эта связь?

Миронов поделился своими мыслями с Лугановым. Тот только пожал плечами.

— Да ты что, Андрей Иванович, в уме? Черняев — и вдруг убийца?

— Ну зачем так спешить с выводами, Василий Николаевич? Разве я говорю, что Черняев убийца? Тут другое: а не было ли убийц возле Черняева, которым помешал Савельев?

Луганов задумался.

— Хорошо, — прервал затянувшуюся тишину Миронов, — над этим нам еще придется поломать голову, а теперь рассказывай, что дала твоя поездка в Воронеж, чем тебя порадовала тетушка Корнильевой.

Выслушав обстоятельный рассказ Луганова, Андрей, в свою очередь, сообщил результаты поездки в Таллин.

— Понимаешь, — говорил он, — с вещами теперь все ясно, но где сама Корнильева, куда она девалась? Ума не приложу. Есть, правда, у меня одно соображение, но я тебе выскажу его позже. Надо сначала кое-что проверить.

Луганов насторожился.

— Выкладывай, Андрей Иванович, что надумал?

— Нет, Василий Николаевич, уволь. Потерпи денек-другой.

Когда Луганов ушел, Миронов связался по телефону с начальником Крайского уголовного розыска и отправился к нему. В его кабинете Миронов не пробыл и десяти минут...

Часа два спустя, детально ознакомившись с рапортами Савельева, составленными в те дни, когда Андрей отсутствовал, и еще покопавшись в материалах дела, Миронов пригласил к себе Луганова.

— Что касается заграничных вещей и украшений, — говорил Миронов, — тут все ясно, но откуда записка, кому? Где сама Корнильева? У меня возникли по этому поводу следующие соображения. Первое — там ли мы искали Корнильеву, где следовало ее искать? Второе — достаточно ли мы уделили внимания Черняеву? Ведь он последний из известных нам людей видел Корнильеву. Сомневаюсь, можно ли брать на веру его заявление, будто ему ничего не известно о местонахождении бывшей жены. Тем более что в его поведении есть ряд странностей. Сопоставь, к примеру, рассказ Черняева о его знакомстве с мнимой Величко в Сочи и рассказом Садовского. Никакой тебе встречи на берегу, никакой ссоры — словом, совсем не то, что у Черняева. А письмо Кузнецова? Опять странность. Наконец, вся эта история с продажей вещей. Ведь Черняев говорит, будто любит жену и продолжает любить поныне, а сам хладнокровно, не моргнув глазом, вручает ее вещи спекулянтке.

Для перепродажи. Есть, между прочим, и еще одна «странность».

Миронов взял со стола папку с рапортами Савельева, раскрыл ее там, где была закладка, и протянул Луганову. Василий Николаевич внимательно прочитал отчеркнутые красным карандашом строки в последнем рапорте Савельева. Там говорилось, что в воскресенье часа в три пополудни Черняев отправился на вокзал и сдал в камеру хранения объемистый чемодан.

— Н-да, — процедил сквозь зубы Луганов. — И зачем ему понадобилось сдавать собственный чемодан на хранение?

— Не знаю, — сказал Миронов. — Но этот чемодан не выходит у меня из головы. Думаю, неспроста отнес его Черняев в камеру хранения. Интересно, на чье имя он его сдал?

— А ты предполагаешь, что не на свое?

— Все может быть, Василий Николаевич. Поведение Черняева день ото дня кажется мне все более странным.

— Ну, так я съезжу на вокзал и все выясню.

— Вот и договорились. Но это еще не все.

Миронов поднялся из-за стола, достал из сейфа записочку, что была найдена в кармане Савельева, и зачитал вслух:

«Строительной организации требуются кульманы и чертежные столы. С предложениями обращаться по адресу: почтовый ящик № 12487».

— Как по-твоему, — спросил он Луганова, — что бы это могло быть?

Луганов в задумчивости поскреб подбородок.

— Пожалуй, по тексту похоже на объявление...

— Объявление, — подхватил Миронов. — Конечно же, объявление! Но вот почему Савельев его записал, зачем оно ему понадобилось? Думаю, объяснение тут может быть только одно: это объявление как-то связано с Черняевым. Но как? Хорошо бы узнать, кто и когда давал это объявление, где.

— Что ж, — подумав, сказал Луганов, — это задача не из трудных. Можно провести проверку по бюро объявлений, по редакциям газет, не сдавал ли кто объявления с таким текстом. Время, конечно, потребуется, но глядишь, что и выясним.

— Правильно, — согласился Миронов. — Теперь вернемся к Корнильевой. А что, если Корнильева из Крайска не уезжала?..

— Как не уезжала? — вскинулся Луганов.

— Поставим вопрос так, — усмехнулся Миронов, — а можно ли исключить возможность несчастного случая? На вокзале, в поезде, после отъезда, не знаю где? Раньше такая мысль не могла прийти в голову: не было оснований. Но теперь, когда все места, где она могла бы быть, проверены... Одним словом, полагая, что проверка по

Крайску не повредит, я не позже как сегодня связался с начальником уголовного розыска и просил подготовить справку обо всех несчастных случаях, имевших место в городе, на железнодорожных путях, в поездах в последних числах мая этого года. Обо всех несчастных случаях, жертвами которых были женщины тридцати — тридцати пяти лет...

Миронова прервал телефонный звонок.

— Так, — говорил в трубку Миронов, и брови его хмурились, — так... Ясно, товарищ полковник... Хорошо, сейчас зайдем.

— Ну, Василий Николаевич, вот тебе и ответ, — сказал Миронов, кладя трубку и поднимаясь из-за стола. — Пошли в уголовный розыск.

ГЛАВА 9

Начальник угрозыска ждал Миронова и Луганова.

— Вот, — протянул он Миронову папку в серой ледерновой обложке. — Убийство. Убита женщина. Лет около тридцати. Личность не установлена. Двадцать восьмого мая. Вас, кажется, интересовала именно эта дата?

Миронов раскрыл дело. В справке говорилось, что двадцать девятого мая в шестом часу утра на пустыре, возле того места, где Большая Владимирская улица переходит в Загородный тракт, был обнаружен женский труп, завернутый в клеенку, обернутую сверху мешковиной. В акте судебно-медицинской экспертизы указывалось, что причиной смерти послужил удар, нанесенный каким-то тупым орудием в затылок. Произошло это часов за семь до обнаружения трупа, то есть около десяти часов вечера двадцать восьмого мая.

Из дальнейших материалов следовало, что после обнаружения труп был помещен в городской морг для опознания. Находился он там недолго (после чего был захоронен на пригородном кладбище). Убитую никто не опознал. Впрочем, странного ничего в этом не было: лицо жертвы было зверски изуродовано. Странно было другое: ни в те дни, пока труп был выставлен в морге, ни позднее не поступило ни одного заявления об исчезновении кого-либо из жителей Крайска. Поэтому милиция пришла к выводу, что убитая находилась в Крайске проездом.

— Что же, — спросил Миронов, — и следов никаких? Ничего не обнаружили?

— Никаких. Ничего, — ответил полковник. — На место выезжал я сам. Без толку. Труп нашел дворник. Поднял шум. Сбежалась толпа. Все затоптано. Какие тут следы? Ничего. Организовали розыск. Вот уже пятый месяц ищем, а толку чуть...

В разговор вмешался Луганов.

— Разрешите, товарищ полковник? Андрей Иванович, ты, что же, полагаешь, что... что это Корнильева?

— Какая Корнильева? — встрепенулся полковник.

— Корнильева — это подлинная фамилия жены Черняева, розыском которой мы занимаемся, — пояснил Миронов. — Право, затрудняюсь что-либо сказать, — задумчиво продолжал Миронов. — Я предполагал возможность несчастного случая. Мысль об убийстве мне в голову не приходила. А тут убийство... Кому нужно было уничтожить Корнильеву? Зачем? Не понимаю. Не думаю, чтобы это была Ольга Николаевна. Однако проверку этой версии надо бы провести, только как? Лицо, как видно из материалов, изуродовано, труп захоронен. Прошло без малого пять месяцев... Разве эксгумация? Только что это даст?

— Эксгумация, конечно, ничего не даст, — согласился полковник. — Вот если предпринять портретную реконструкцию? Дело, конечно, сложное, кропотливое... Впрочем, у нас в Крайске работает кое-кто из последователей профессора Герасимова. А Герасимов, как известно, восстанавливал лица тех, кто умер тысячелетия назад...

Извлечем тело убитой, по лобным костям, скулам, подбородку восстановим лицо, хоть штука это и не простая, ну, а уж там дело за малым. Возьмем фотографию Черняевой и сравним с реконструированным портретом.

Следующим утром Миронов присутствовал при эксгумации, а прямо с кладбища поспешил в управление, где, как оказалось, его разыскивал вернувшийся из командировки полковник Скворецкий. Не успел Андрей войти, не успел поздороваться, как Скворецкий спросил:

— Что с Сергеем Савельевым? Какой парень, и на тебе — такая история! Что там стряслось, что врачи говорят?

По отдельным коротким репликам, которые бросал Скворецкий в то время, как Миронов докладывал, Андрей понял, что полковнику и так все известно и что на сей раз Миронов ничего нового ему не сказал. Да и что мог он сказать? Савельев был плох. Розыск виновников преступления ничего пока не дал. Вот и все.

— Ну ладно, — вздохнул полковник. — Рассказывай, что на кладбище, как эксгумация?

Миронов доложил, что останки убитой более или менее сохранились, но лицо, вернее, то, что было лицом, находится в таком состоянии, что вряд ли удастся что-либо определить.

— Сомневаешься? — прищурил глаз полковник. — Плохо ты нашего бога от угрозыска знаешь. Если он говорит — значит сделает. А насчет того, Корнильева это или не Корнильева, гадать не будем. Подождем результатов. Кстати, послушай-ка, что вот он (Скворецкий кивнул в сторону Луганова) на вокзале откопал. Повторите, пожалуйста, Василий Николаевич.

Чемодан Луганов нашел, он находился на месте, в камере хранения. Сдан он был на имя Черняева, тут опасения Миронова не подтвердились. Но, передвигая вещи, нелов-

кий кладовщик уронил чемодан. Сверху на чемодан свалился сундук. Крышка у чемодана в сторону, а там... женские вещи, платье, белье.

— Коли так, — сказал Скворецкий, — чемоданом придется заняться всерьез. Опять женские вещи... Нет, тут определенно что-то неладно. Ваша задача — точно установить (полковник подчеркнул слово «точно»), чьи это вещи. Мне думается, надо привлечь Левкович, домашнюю работницу Черняева. Вещи Черняева, а кстати, и его бывшей жены она знает.

Выйдя от Скворецкого, Миронов зашел вместе с Лугановым в его кабинет. Вскоре к ним явился с докладом сотрудник, которому было поручено проверить в городских бюро, не давал ли кто заявки на объявление, текст которого совпадал бы с текстом записки, найденной в кармане Савельева. Выяснилось, что объявление, где речь шла о кульманах и чертежных досках, было обнаружено в центральном городском бюро. Заявку подал Черняев.

— Когда вывешено объявление, где? — быстро спросил Миронов.

— Оно еще не вывешено, товарищ майор. Собираются вывесить завтра. Кстати, сам Черняев об этом с ними условился. А вывешивают объявление возле бюро, на щите, улица Петровского, 23.

— Чудно! — задумчиво сказал Луганов позже. — Самое обычное объявление, которое может подать любой курьер, и подает один из руководителей крупного строительства. Самолично. Чудно!

— Знаешь что, — подумав, сказал Миронов, — пойду-ка я к Кириллу Петровичу и договорюсь, чтобы с завтрашнего утра — ведь объявление завтра вывесят? — за доской кто-нибудь присматривал.

...Потом он сидел и писал докладную записку в Москву.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Луганов.

— Ну, Андрей Иванович, не знаю, что тебе и сказать... Черняев-то! Фрукт!

— Что такое? — спросил Миронов. — Что там еще стряслось?

— Сейчас все выложу, дай дух переведу. Так вот. Были мы с Левкович на вокзале, в камере хранения. Ну, этот самый черняевский чемодан она сразу опознала. И вещи опознала... Едва я ей показал чемодан, как она за голову схватилась. «Откуда, — говорит, — здесь этот чемодан, вещи?» А сама вся трясется. Я, естественно, спрашиваю: «Почему вы так волнуетесь?» — «Да как же мне не волноваться, — отвечает, — чемодан-то Ольги Николаевны, хозяйки моей! Она с ним еще весной на курорт уехала. И вещи ее. Никак с ней что приключилось?» Ну, принялся я расспрашивать: как, мол, и что, не ошиблись ли вы, часом, милейшая? Может, просто похож чемодан и вещи похожи? «Помилуйте, — говорит, — да как я могу оши-

биться, когда сама помогала Ольге Николаевне вещи в чемодан укладывать! В этот самый. Если сомневаетесь, могу хоть сейчас сказать, что лежит в чемодане».

— Ну?

— Ну и сказала. Не разбирая чемодана, не глядя, чуть не все вещички перечислила.

— Нет, это же... — глухо проговорил Миронов. — Это же значит... А мы-то еще о его безопасности думали!.. — Миронов взялся за телефон и набрал номер начальника угрозыска.

— Товарищ полковник? Миронов беспокоит. Как там дела? Так... Спасибо большое... Завтра к вечеру «портрет» будет готов, — сказал он Луганову, кладя трубку. — Но я теперь, пожалуй, и сам могу предсказать результат...

Луганов кивнул:

— Пожалуй, я тоже.

С минуту они помолчали, затем Миронов поднялся:

— Ну что же, Василий Николаевич, дело не шуточное. Пошли к Кириллу Петровичу.

— Минутку, Андрей Иванович. Еще не все. Левкович кое-что дополнительно сообщила. Капитон Илларионович собирается на днях в командировку, и, по-видимому, в длительную. Во всяком случае, по словам Левкович, разбирает все свои вещи и откладывает самое лучшее, самое ценное.

— Так-так, — задумчиво проговорил Миронов.

...У начальника управления они засиделись допоздна. Вопрос о чемодане был решен быстро: его необходимо было изъять как улику. Зато когда перешли к главному, разговор затянулся. Миронову изменили его обычные самообладание и выдержка. Он, горячась, доказывал, что выпустить Черняева из Крайска нельзя, нельзя дать ему возможность уехать. Луганов поддерживал Миронова.

Начальник управления не соглашался. Не выпускать Черняева из Крайска, но как? Как его не выпустишь? Ну, допустим, отменят командировку, а он возьмет да и поедет без всякой командировки. Что тогда?

— Брат, брат его надо, — взорвался Миронов. — Получить у Москвы санкцию и брат...

— Брат? — усмехнулся Скворецкий. — Горячку порешь. Что у нас есть? Чемодан? Объявление? Этого для ареста мало. Брат его сейчас, когда не закончена работа над «портретом» убитой, нельзя. Нет оснований. Разве всплывает что новое? Да и тогда вообще нельзя его брат здесь, в Крайске, если даже твои предположения подтвердятся. Возьми здесь — что получится? Об аресте сразу станет известно, и если он действовал не один, а этого исключить нельзя, сообщники скроются, заметут следы. Ищи их потом...

— Значит, так, — подытожил полковник, — брат Черняева пока не будем. Если он действительно выедет из Крайска, тогда решим, что делать. Вопросы есть?

Вопросов не было.

ГЛАВА 10

На протяжении первой половины этого дня все шло более или менее спокойно. Неожиданности начались к вечеру. Сначала позвонил по телефону сотрудник, находившийся поблизости от доски объявлений на улице Петровского. Не пытаясь скрыть своего смущения, он доложил, что некоторое время назад к витрине подошла женщина, которая, бегло просмотрев другие объявления, черняевское прочла с особым вниманием. Ознакомившись с объявлением, она круто повернулась и... затерлась в толпе. Сотрудник, ко-

торый был абсолютно убежден, что ее интересовало объявление Черняева, кинулся было за ней вслед, чтобы посмотреть, куда она пойдет, но женщина исчезла.

Едва Андрей собрался позвонить Луганову, чтобы сообщить неприятную новость, как тот сам появился на пороге.

— Как, Андрей Иванович, ты один? — спросил он входя. — У меня срочное сообщение. Только что звонили со строительства. Черняев уезжает завтра...

Миронов позвонил в уголовный розыск полковнику Петрову: как там с реконструкцией? Полковник заверил его, что дело идет к концу. Приходилось набраться терпения и ждать.

Было уже около девяти вечера, когда телефон, наконец, зазвонил. Миронов поспешно схватил трубку.

— Слушаю... Да, Управление КГБ. — В его голосе слышалось недоумение. — Да, я майор Миронов... Что? Спасибо большое... Да, да, сейчас будем. — Василий Николаевич, — воскликнул Андрей, кладя трубку. — Звонили из больницы. Савельев пришел в себя, заговорил. Требуется немедленного свидания с нами. Поехали.

Миронов и Луганов, попав в палату, в первый момент не разглядели Савельева. Палату освещал лишь слабый свет ночника, стоявшего в изголовье кровати. Углы комнаты тонули во мраке. В тени оставалось и лицо Сергея, чуть выделявшееся на белизне подушки. Свет падал только на его руки, безжизненно лежавшие поверх одеяла.

— Товарищ майор, пришли... спасибо... а я, видите... — в голосе Сергея прозвучала горечь.

— Ну, ну! — Андрей взял стул, сел, придвинувшись поближе, и осторожно пожал руку Савельева. — Как дела, Сережа? Тебе что-нибудь нужно? Скажи, сделаем.

— Товарищ майор, — перебил его Савельев, — я ведь не так, я по делу...

— Может, с делом отложим до завтра? — неуверенно спросил Миронов.

— Нельзя... До завтра нельзя. Боюсь, и теперь уже поздно... Черняев в тот день был в бюро объявлений. Я текст переписал. Он у меня в кармане...

— Знаем. Записку нашли.

— Нашли? Это хорошо... А труба, труба?

— Какая труба?

— Водосточная. На заброшенном лабазе, на пустыре, возле Федосьевской рощи... Это очень важно... В тот самый вечер Черняев отправился в пригород, к Федосьевской роще... Прошелся он рощей, вышел на пустырь. Там, на пустыре, лабаз... С той стены, что обращена к роще, водосточная труба... Черняев походил возле лабаза и — к трубе. Нагнулся, достал что-то из трубы и сунул в карман.

— Достал или положил в трубу? — уточнил Миронов.

— Достал. Я хорошо видел... В карман положил. Потом пошел в переулок. Я перебежал пустырь и за ним... Дошел до середины переулка... и все. Вроде что-то грохнуло...

Силы изменили Савельеву. Последние слова он произнес чуть слышно, шепотом.

— Сережа, Сережа, — сжал ему руку Миронов, — а когда «грохнуло», ты Черняева видел? Он где был?

— Видел, — прошептал Савельев, — он впереди был... Но труба, труба... Там...

— Сделаем, — воскликнул Миронов. — Все сделаем. Мы прямо туда сейчас.

— Ну как? — спросил Андрей Луганова, когда они очутились вдвоем в коридоре. — Что скажешь?

— А что говорить? — удивился Луганов. — Тут не говорить, а действовать надо. Времени-то сколько упущено...

ГЛАВА 11

Миронов, Луганов и присланные им в помощь сотрудники Скворецкого не мешкая отправились на пустырь. Дождь тем временем заметно усилился.

Машина остановилась квартала за четыре до переулка, что вел к пустырю, на котором находился лабаз. Место было глухое, пустынное. Если бы поблизости невзначай оказался человек, пришедший к трубе, появление машины могло его насторожить.

План действий был намечен заранее, и сейчас все шло четко. Выйдя из машины, они разделились: Миронов и Луганов зашагали прямо к переулку, ведущему на пустырь, а приехавшие с ними сотрудники поотстали, шли один за другим, шагах в двадцати-тридцати друг от друга. Шли быстро, но осторожно, внимательно осматриваясь по сторонам. Лил дождь.

Когда Миронов и Луганов свернули в переулок, один из сотрудников резко ускорил шаги, догнал их, быстро пересек пустырь, дошел до рощи и укрылся на ее опушке.

Миронов и Луганов, миновав переулок, двинулись прямо к лабазу. Солидное, построенное на года приземистое здание еще держалось, хотя было давно заброшено. Узкие, забранные толстыми железными прутьями окна ушли в землю. Стекол не было. Крыша кое-где прохудилась.

Постояв с минуту, Миронов и Луганов обогнули лабаз и задержались возле дверного проема. Потом перешагнули порог. Луганов зажег электрический фонарь. Ничего достойного внимания не было.

Погасив фонарь, Луганов вышел наружу. Миронов за ним. Завернули за угол. Со стены, что против рощи, свисала, как и говорил Савельев, ветхая, проржавевшая водосточная труба. Подходя к трубе, Миронов заметил, что вода из нее не текла: труба, по-видимому, настолько засорилась, что не пропускала воду, а может, была кем-то предусмотрительно заткнута?

Луганов присел на корточки возле самой трубы, а Миронов скинул свой плащ и плотно прикрыл им Луганова и отверстие трубы, так, как это делали в старину фотографы-профессионалы, укрывавшие свою голову и фотоаппарат.

Прошла секунда, другая, и из-под плаща послышался сдержанный, глухой голос Луганова: «Есть!»

— Что есть? — шепотом спросил Миронов.

— Идем в лабаз, там разберемся. Бери скорее плащ, а то совсем промокнешь.

Натягивая на ходу плащ, Андрей чуть не бегом кинулся в лабаз. Едва очутились под крышей, заторопил:

— Ну, давай выкладывай живее, что ты такое нашел.

А Луганов опустился на корточки, потянув Миронова за собой, и, только дождавшись, когда тот тоже присядет, включил фонарик. Луч света упал на плотно сжатый кулак Луганова. Он разжал кулак, и Миронов увидел... спичечный коробок.

Осторожно, будто это было нечто чрезвычайно хрупкое, Миронов взял коробок с ладони Луганова, тщательно осмотрел его со всех сторон и, наконец, раскрыл. Луганов светил ему фонариком. Внутри коробка лежало нечто продолговатое, твердое, обернутое в небольшой листок бумаги. Развернув бумагу, Миронов увидел плоский металлический ключик от всячего замка или чемодана. Впрочем, тут же стало ясно, что ключ должен быть именно от чемодана, так как внимательно рассмотрев бумагу, в которую он был завернут, Миронов увидел, что это багажная квитанция, выданная камерой хранения Крайского аэропорта на имя А. К. Войцеховской на ручной саквояж. Квитанция была датирована минувшим днем.

— Войцеховская? — пробормотал Миронов. — Войцеховская? Тебе, Василий Николаевич, эта фамилия что-нибудь говорит?

— Впервые слышу, — отозвался Луганов.

— Ну ладно, Войцеховская так Войцеховская. Там видно будет.

Миронов вынул из внутреннего кармана миниатюрный фотоаппарат со специальным фотообъективом и расстелил на полу носовой платок. Быстро сделал несколько снимков, запечатлев во всех положениях и ракурсах спичечный коробок, ключ и квитанцию. Покончив с этим делом, он убрал аппарат в карман, завернул ключ и квитанцию и вложил в коробок, как было. Они вышли из лабаза к трубе. Положив коробок на прежнее место, направились к опушке рощи, где их поджидал один из сотрудников. Условным свистом позвали второго сотрудника, который дежурил в переезде, у выхода на пустырь.

Когда все собрались, Миронов рассказал оперативным работникам о находке. По его мнению, за коробком должны были прийти этой же ночью, самое позднее на следующий день. Такие «посылки» долго в тайниках не лежат. И сотрудникам надлежало выяснить личность того, кто явится за коробком.

Закончив инструктаж, Миронов и Луганов направились к машине. По пути, обсуждая план дальнейших действий, они сошлись на том, что следует немедленно съездить в аэропорт и проверить содержание саквояжа, сданного на хранение на имя Войцеховской.

В аэропорт отправился Луганов, а Миронов вернулся в управление и прошел прямо в кабинет дежурного.

— Товарищ майор, — обрадовался дежурный, — вас уже час разыскивает начальник уголовного розыска.

Миронов поспешил в уголовный розыск. Его охватило нетерпение. Ясно, что портретная реконструкция закончена. Но каков результат? Полковник, когда Миронов явился, перекладывал лежавшие перед ним на столе пакеты, открыл сначала один из них, заглянул в него, затем взял другой, снова заглянул и, наконец, молча протянул этот второй пакет Миронову. Андрей открыл пакет и вынул из него пачку фотографий. Это были фотографии Корнильевой, большинство которых Андрей видел уже не раз.

Тогда полковник, все так же не произнося ни слова, протянул Миронову другой пакет. Миронов взглянул на первую фотографию и стал лихорадочно перебирать остальные.

С каждой из фотографий на Миронова смотрело лицо Корнильевой. Оно, безусловно, отличалось от лица на снимках в первом пакете. Оно было чуть старше и безжизненным, напоминало маску. И все же это было одно и то же лицо.

Миронов глубоко, судорожно вздохнул, вложил фотографии и протянул полковнику. Полковник глянул на часы и, вставая из-за стола, сказал:

— Засиделись мы с вами, а время позднее. Вы доложите с утра результаты Кириллу Петровичу.

Миронов поднялся, но в этот момент раздался телефонный звонок. Полковник снял трубку.

— Слушаю. Да, я... Так... Миронов? У меня... — Он протянул трубку Андрею. — Луганов. Из аэропорта.

Миронов подошел к телефону.

— Что там нового? — спросил Луганов.

— Корнильева, — коротко сказал Миронов в трубку. — Она. Подробности завтра. Что у тебя?

— Саквояж нашел. Женское платье. Две пары белья, несколько книг. Ничего интересного.

ГЛАВА 12

Снимки, которые Миронов делал ночью, были уже готовы, поэтому он смог показать полковнику фотографии спичечного коробка, багажной квитанции и ключа от саквояжа. Скворецкий долго вертел в руках фотографию квитанции:

— Войцеховская? Войцеховская? Это еще что за птица такая? Какое имеет отношение к Черняеву?

Рассказав о поездке Луганова в аэропорт, Миронов вынул из папки оба пакета с фотографиями и протянул Кириллу Петровичу.

— Вот, — сказал он. — Портретная реконструкция...

Скворецкий некоторое время молча рассматривал фотографии, затем встал из-за стола, прошелся по кабинету, спросил:

— Какие будут предложения?

— Разрешите, Кирилл Петрович, — начал Миронов. — Прежде всего о главном: Черняева надо брать. Вопрос о Корнильевой ясен. Убийца известен. Это не кто иной, как ее бывший муж — Черняев.

Скворецкий молча кивнул: давай, мол, продолжай.

— Достаточно ли оснований утверждать, что убийцей является именно Черняев? — поставил вопрос Миронов и твердо ответил: — Да, достаточно. Корнильева, как свидетельствует экспертиза, была убита около десяти часов вечера двадцать восьмого мая, то есть примерно через час после того, как вышла из своей квартиры и отправилась на

вокзал. Что нам известно об этом часе, последнем в жизни Корнильевой? Из квартиры она вышла не одна, а вместе с Черняевым, который, кстати, нес ее чемодан. Это видела Зеленко, об этом говорит и сам Черняев. Шофер довез их до вокзала — он рассказал об этом. Значит, и тут все ясно. Показания Зеленко и шофера полностью совпадают. Что же было потом, позже? Будем рассуждать логически: шофер высадил Корнильеву и Черняева у вокзала примерно в пятнадцать-двадцать минут десятого. Это нам известно. Московский поезд отходит в двадцать один пятьдесят пять — тоже известно. Черняев утверждает, что он посадил Корнильеву в этот поезд и она уехала. Но это не так. Ни в московский, ни в какой другой поезд Корнильева не села, сесть не могла. По времени не выходит. В то самое время, как отошел московский поезд, Корнильева была убита. Ну, может быть, не в то время, а полчаса или час спустя, это роли не играет, ибо первую остановку после Крайска московский поезд делает через два часа по отпращивании, в ноль часов пять минут, то есть тогда, когда Корнильевой уже не было в живых. Следовательно, убита она была здесь, в Крайске.

— Логично, — заметил Скворецкий. — Вполне логично. Каков же вывод?

— Вывод? — переспросил Миронов. — Вывод ясен. Черняев лжет, утверждая, что Корнильева уехала. Лжет сознательно. Он находился все время с Корнильевой и не мог не знать, что на поезд она не села. Зачем же ему понадобилась эта ложь? Да затем, что он знает об убийстве Корнильевой и, стремясь скрыть это убийство, создает версию об ее отъезде.

— Тут ты из области фактов переходишь к домыслам, а этого мало, чтобы обвинить человека в убийстве.

— Согласен. Нужны факты. Но разве письмо Кузнецова Зеленко, подсунутое нам Черняевым, не факт? Факт! Совершенно очевидно, что письмо это попало к Черняеву не от Ольги Николаевны. Письмо похитил сам Черняев и использовал в качестве доказательства, подтверждающего созданную им версию отъезда Ольги Николаевны. А чемодан? Чемодан с вещами якобы уехавшей Корнильевой? Тот самый чемодан, который Черняев собственной персоной отвез на вокзал и, если верить его словам, погрузил в поезд, провожая жену? Как же этот чемодан оказался у Черняева, каким путем вернулся к нему? Вот еще один факт, и весьма весомый. Чемодан замыкает цепь доказательств, является неопровержимой уликой, изобличающей Черняева в том, что он явился по меньшей мере соучастником убийства, если не прямым убийцей Корнильевой.

— М-да, — согласился Скворецкий. — В фактах ты разобрался. Картина ясная. Что Черняев убийца — это очевидно. Как соучастника убийства его можно арестовать хоть сейчас, сию минуту. Ну, а как быть с объявлением, с нападением на Савельева? Признаться, теперь я почти уверен, что и в этом последнем случае не обошлось без

Черняева. Знать же мы почти ничего не знаем. Вот и представьте себе: арестуем Черняева, изобличим в убийстве Корнильевой, он признается тут (деваться ему некуда), а дальше? Что будем делать? А труба, а Войцеховская? Кто она такая, откуда взялась? Вот и рассудите, как вести следствие. Нет, рано. Надо еще поработать над Черняевым... Надо, а нельзя. Удерет. Только вот здесь, в городе, его брать нельзя. Об этом мы уже говорили. Вы это учли?

Миронов и Луганов кивнули, как по команде.

— Учли, товарищ полковник, — сказал молчавший до этого Луганов. — Разрешите доложить план операции?

События на пустыре возле Федосьевской рощи шли своим чередом. Около одиннадцати утра сотрудник, который замаскировался в полуразрушенной сторожке в конце переулка, у входа на пустырь, увидел, как мимо него прошмыгнул мальчонка лет девяти-десяти. Вероятно, оперработник не обратил бы на него внимания, если бы тот, направляясь к лабазу, не петлял из стороны в сторону, не оглядывался воровато по сторонам. Добравшись до лабаза, мальчишка еще раз осмотрелся вокруг и нырнул за угол. Оперативный работник потерял его из виду. Однако не прошло и минуты, как мальчишка появился вновь. На этот раз он стремительно мчался через пустырь, держа прижатым к груди правый кулак, в котором было что-то зажато. Почти одновременно на опушке рощи, откуда была видна сторожа лабаза с водосточной трубой, появился второй оперативный работник, подавший условный знак.

Не теряя времени, первый вышел из своего укрытия и зашагал по переулку. Как он и предполагал, мальчишка рысью промчался мимо него, направляясь к противоположному концу переулка. Оперативный работник ускорил шаг и, на мгновение обернувшись, увидел своего товарища, который, быстро пробежав пустырь, шел теперь за ним следом. Мальчишка был в нескольких десятках шагов впереди. Миновав переулок, он вышел на улицу и повернул направо, сбавив шаг. Невдалеке от угла спокойно прогуливалась интересная, со вкусом одетая женщина. Мальчишка направился прямо к ней и передал ей что-то. Она быстро опустила этот предмет в сумочку, потрепала паренька по щеке, сунула ему конфетку и быстро зашагала по улице к центру города. Всю эту сцену превосходно видели оперативные работники, вышедшие из переулка вслед за мальчишкой. Одним из работников оказался тот, кто за день до этого упустил женщину у доски с черняевским объявлением. Он увидел получательницу коробка и негромко сказал товарищу:

— Она! Женщина, которая вчера была у доски объявлений...

— Ясно. Ты давай в управление, к майору Миронову...

Выслушав оперативного работника, Миронов сразу же принял решение:

— Василий Николаевич, берите машину и мчитесь вместе в аэропорт. Надо полагать, это и есть Войцеховская. Она не замедлит явиться за саквояжем. Вот там и проверим, кто такая...

Миронов оказался прав. В тот же вечер перед Мироновым и Лугановым лежала справка: Войцеховская Анна Казимировна, украинка, тридцати трех лет от роду, беспартийная, незамужняя, работает преподавателем английского языка в средней школе.

Без особых затруднений Луганов раздобыл и автобиографию Войцеховской. Биография была не из заурядных, но ничего порочащего не содержала. Не было, судя по всему, у Войцеховской и никаких точек соприкосновения с Черняевым. Впрочем, в этот день ни Миронов, ни Луганов не были расположены ломать голову над прошлым Войцеховской, над ее биографией: им просто было не до того. Оба они были по горло заняты подготовкой предстоящей операции. Черняева решено было брать не в Крайске, а в поезде, на первой остановке. Распределив между собой роли, Миронов, Луганов и их помощники выехали на вокзал и расположились в вагоне, соседнем с тем, в котором ехал Черняев.

Как только поезд тронулся, Луганов перешел в коридор вагона, где находился Черняев, а Миронов и их помощники заняли места у обоих выходов того же вагона.

Минут за пятнадцать до прибытия поезда на станцию Луганов увидел, что дверь купе, которое занимал Черняев, открылась, и Капитон Илларионович вышел в коридор, стал закуривать.

Улыбаясь самым приветливым образом, Луганов подошел к Черняеву.

— Капитон Илларионович, здравствуйте. Рад вас видеть.

Черняев чуть приметно вздрогнул и быстро, исподлобья взглянул на майора.

— Товарищ Луганов, насколько я запомнил вашу фамилию? Значит, что ж, попутчики?

— Никак нет, Капитон Илларионович, не совсем. Я за вами, — доверительным тоном сказал Луганов, будто бы сообщая нечто весьма приятное.

— Как за мной? — вскинулся Черняев. — Как прикажете вас понимать?

Луганов передернул плечами:

— Чего же тут непонятного? Возникла неотложная необходимость с вами побеседовать, вот мне и поручили предложить вам прервать поездку и вернуться в Крайск.

— Это что? — спокойно спросил Черняев. — Арест? Будьте любезны предъявить ордер в таком случае.

— Я, кажется, об аресте не говорил, — возразил Луганов. — Повторю, нам необходимо выяснить с вами несколько вопросов. Что же касается ордера на арест, то, смею вас заверить, если потребуется, предъявим и ордер.

Черняев чуть пригнулся, напряжился, словно готовясь к прыжку. Луганов был настороже. Пристально взглянув в глаза Черняева, он спокойно, тихим голосом произнес:

— Не надо, Капитон Илларионович. Не устраивайте представления.

Черняев выпрямился, расправил плечи и презрительно бросил Луганову:

— Это безобразие, самоуправство! Так оно вам не пройдет. Я подчиняюсь силе, но буду жаловаться. Вы ответите!

Поезд, замедляя ход, подходил к станции. На привокзальной площади ждала оперативная машина.

ГЛАВА 13

Первый допрос решено было провести в милиции, туда и доставили Черняева. В кабинет он вошел твердой, уверенной походкой, грузно уселся в кресло и резко спросил:

— Может быть, теперь вы потрудитесь объяснить свои действия?

Миронов, на которого Черняев не обращал никакого внимания, сказал:

— Капитон Илларионович, прошу запомнить: отныне вопросы будем задавать мы, и только мы, а ваше дело отвечать.

Бросив на Миронова пренебрежительный взгляд, Черняев вновь обратился к Луганову:

— Я, кажется, вас, товарищ Луганов, да, да, именно вас спрашиваю и вовсе не намерен выслушивать замечания вашего помощника.

Луганов чуть повел плечами, а Миронов все так же спокойно, не меняя тона, заметил:

— Между прочим, еще прошу запомнить: мы с товарищем Лугановым поменялись ролями. Теперь он мне будет помогать.

— Ах, так, — воскликнул Черняев, шутовски кланяясь Андрею. — Может быть, тогда вы потрудитесь объяснить, что вам от меня угодно и на каком основании, по какому праву вы сначала меня задержали, а теперь еще и допрашиваете?

— Что касается оснований, которые послужили причиной вашего приглашения сюда, — возразил Миронов, — так их более чем достаточно. Вам это известно. Надеюсь, мы превосходно понимаем друг друга. Так что не будем терять времени и перейдем к делу. Попрошу вас еще раз рассказать, как, при каких обстоятельствах выехала из Крайска ваша бывшая жена Ольга Николаевна...

Миронов на мгновение запнулся, а затем внезапно, в упор спросил:

— Как, кстати, ее фамилия?

— Фамилия моей бывшей жены? — переспросил Черняев. — Ее фамилия Величко. Вам это отлично известно. — Величко? А еще какую фамилию она носила?

— Я вас не понимаю. Никакой другой фамилии у нее не было. Во всяком случае, мне об этом ничего не известно.

— Ну что ж, так и запишем. Василий Николаевич, ведите, пожалуйста, протокол. Итак, Капитон Илларионович, — вновь повернулся Миронов к Черняеву, — что вы можете сообщить об обстоятельствах отъезда Ольги Николаевны... Величко из Крайска?

Черняев коротко, без подробностей, повторил то, что он рассказывал при предыдущей встрече: Ольга Николаевна, мол, ему изменила и под предлогом поездки на курорт уехала к человеку, ради которого бросила его, Черняева.

— И это все? — спросил Миронов, когда он замолчал.

— Да, все, — сухо ответил Черняев.

— И это запишем. Попрошу теперь уточнить, откуда вам стало известно, что у вашей бывшей жены появился, как вы говорите, другой человек?

— Ну, знаете ли, — возмутился Черняев, — надо быть круглым идиотом, чтобы такого не заметить! Кроме того, у меня были прямые доказательства,

— Вы имеете в виду письмо? — быстро спросил Миронов.

— Письмо? Да, хотя бы и письмо...

— Вот это? — Миронов вынул из стола письмо Кузнецова Зеленко и показал Черняеву. Тот утвердительно кивнул головой.

— В таком случае, попрошу уточнить, кому адресовано это письмо?

— То есть как кому? — взорвался Черняев. — Да что это в конце концов, игра в бирюльки? Что я вам, мальчик? Письмо адресовано Ольге, моей жене.

— Адресовано-то оно действительно Ольге, — спокойно возразил Миронов, — только Ольге Зеленко, а не Величко. Вашей соседке по квартире, а не жене. Какое же это доказательство? Да и вообще не ясно, как это письмо очутилось у вас.

— Зеленко? — повторил Черняев, в недоумении потирая лоб. — Зеленко?? Ничего не понимаю. При чем здесь Зеленко? Письмо же адресовано Ольге, моей Ольге. Она сама мне сказала, во всем призналась...

— Ладно, — перебил его Миронов, — продолжаете настаивать на том, что говорили раньше? Пожалуйста. Пойдем дальше. Как я понял из вашего рассказа, вы проводили Ольгу Николаевну... Величко на вокзал и сами, лично посадили ее на московский поезд, который отправляется из Крайска в двадцать один пятьдесят пять по местному времени. Так?

— Да, так.

— Хорошо. Еще вопрос: на вокзале вы оставались до отхода поезда, до двадцати одного часа пятидесяти пяти минут, или уехали раньше, как только ваша жена вошла в вагон?

— Нет. То есть да. Я был возле вагона до конца, до отхода поезда.

— Следовательно, Ольга Николаевна покинула Крайск, что называется, у вас на глазах?

— Да, совершенно правильно.

— И с тех пор в Крайск не возвращалась?

— Нет, не возвращалась. Я уже говорил об этом.

— Вы это утверждаете, настаиваете на этом?

— Конечно, подтверждаю.

— Та-а-ак, — чуть растягивая слова, сказал Миронов. — Ну, а что, если я вам скажу, что ваша бывшая жена и сейчас находится в Крайске? Что вы на это скажете?

— Да ничего. Я просто позволю себе заметить, что ни место, ни обстоятельства нашей беседы не вызывают у меня желания выслушивать ваши несурзные шутки.

— А я не шучу, — резко сказал Миронов. — Ольга Николаевна... Величко, ваша бывшая жена, действительно находится в Крайске. Больше того: в тот день, двадцать восьмого мая, когда вы, как вами было заявлено, проводили ее на вокзал и дождались отхода поезда, она никуда не уехала. И вообще она из Крайска не уезжала, что вам известно. Не пора ли начать говорить правду?

На лице Черняева не дрогнул ни один мускул, он небрежно пожал плечами.

— Как вас понимать, Капитон Илларионович? — требовательно спросил Миронов. — Вы намерены отвечать?

— Нет, почему же, на разумные вопросы я отвечал и готов отвечать, но заниматься разгадкой ваших ребусов у меня нет никакого желания.

— А это тоже ребус? — Миронов быстро вынул из стола фотографии Корнильевой, результат портретной реконструкции, и веером развернул их перед Черняевым.

На этот раз выдержка изменила Черняеву. Он бледнел, на лбу выступила испарина.

— Чт-то... чт-то это? Кто это?

— Не узнаете? — спросил Миронов. — Не желаете узнавать? А ведь это ваша бывшая жена, Ольга Николаевна, и снимок сделан... Впрочем, не все ли равно когда? Во всяком случае, значительно позже той даты, которую вы упорно называете датой ее отъезда.

— Разрешите, — прерывающимся голосом попросил Черняев. — Разрешите взглянуть поближе.

— Пожалуйста.

Осторожно, словно они жгли ему руки, Черняев взял снимки. Лицо его подергивалось.

Прошло не менее двух-трех минут. Наконец он с тяжелым вздохом положил снимки на стол и откинулся на спинку кресла.

— Да, это она, Ольга, но до чего изменилась!.. Что с ней?

— А вам не известно? Ваша бывшая жена Ольга Николаевна Величко, как вы ее называете, убита. Убита здесь, в Крайске, двадцать восьмого мая, около десяти часов вечера, то есть как раз в то время, когда вы, Черняев, находились, по вашим словам, вместе с ней на вокзале и усаживали ее в московский поезд.

С того момента, когда прозвучало слово «убита», Черняев, казалось, перестал слушать Миронова. Он как-то неестественно выпрямился, взгляд его утратил всякое выражение. Не успел Миронов произнести до конца последнюю фразу, как Черняев обхватил руками голову:

— Убита... Оля, Оленька... За что?

Миронов встал из-за стола, налил воды в стакан и протянул Черняеву:

— Выпейте и перестаньте дурачиться. Мы не дети. Постарайтесь объяснить, что произошло на самом деле двадцать восьмого мая вечером.

— Я... я... был на вокзале... Про-проводжал Ольгу...

— Гражданин Черняев, басня с проводами лопнула. Вы выдали себя с головой, утверждая, будто находились на вокзале вплоть до отхода поезда и видели своими глазами, что Ольга Николаевна уехала. Как вы могли это видеть, когда она никуда не уезжала? И именно в это время была убита? Ложь, сплошная ложь. Мы настоятельно требуем, чтобы вы рассказали всю правду об убийстве Ольги Николаевны. Деваться вам некуда, вы изблещены.

— Я? Мне? Вы с ума сошли! — сквозь слезы воскликнул Черняев. — Вы что же, меня подозреваете в убийстве?

— Я полагал, — с невозмутимым видом сказал Миронов, — что вы будете себя вести умнее, что перед лицом очевидных фактов добровольно, чистосердечно расскажете все. Но раз вам угодно избрать иной путь, продолжать бессмысленное запирательство, мы вынуждены изобличать вас дальше.

Миронов нажал кнопку звонка. Дверь в кабинет раскрылась, и на пороге появился заранее проинструктированный лейтенант милиции. Луганов молча кивнул ему, тот вышел и сразу же вернулся, неся чемодан Корнильевой, сданный за несколько дней до этого Черняевым в камеру хранения.

— Ладно, — хрипло произнес Черняев, когда чемодан был раскрыт. — Довольно. Я расскажу все. Только, если можно, дайте воды...

Да, вы правы, Ольгу убил я, я сам, вот этими руками, — он вытянул вперед свои крупные кулаки. — Если бы вы знали, как я терзался все эти месяцы, что прошли с того страшного дня... Я жил в беспросветном мраке, постоянном ужасе. Днем и ночью Ольга стояла перед глазами. Живая... Мертвая... — Черняев сжал виски ладонями и глухо застонал.

— Еще воды? — с легкой иронией спросил Луганов.

— Нет, спасибо. Вы думаете, я боялся ответственности, думаете, меня преследовал страх наказания? Нет! Я считал себя вправе судить Ольгу и собственноручно привести приговор в исполнение. Так я и сделал. Но потом, когда все это произошло, когда Ольги не стало, на меня навалился такой ужас, что жить стало невозможно...

— Почему же в таком случае, — перебил его Луганов, — вы не пришли сюда сами, не признались во всем? Почему лгали и изворачивались до последней минуты? Почему, наконец, преспокойно распродавали вещи вашей бывшей жены, пытались спрятать ее чемодан в камере хранения? Какой уж тут «мрак», какой «ужас»? Да у вас каждый шаг рассчитан. Нет, Капитон Илларионович, не сходятся у вас концы с концами.

— Я понимаю вас. Вам, конечно, трудно мне поверить, слишком глупо я себя вел. Но я считал все это своим личным делом, своим горем, которое нес и хотел нести сам, ни с кем не разделяя. Клянусь, я говорю правду.

— Ну, на правду-то это не очень похоже, — заметил Миронов. — Будто вы не знали, что убийство сурово карается законом. Оставим, однако, пока в стороне ваши рассуждения. Вы до сих пор не объяснили причин, толкнувших вас на убийство собственной жены. Потрудитесь их изложить.

— Боже мой, да это же ясно! Ольга измучила меня, истерзала мою душу. Она предпочла мне другого. Вы представить себе не можете, что такое ревность...

— Значит, вы убили вашу жену из ревности, так вас надо понимать?

— Да, из ревности!

— А поводом к ревности послужило все то же письмо? — в голосе Миронова слышалась неприкрытая ирония.

— Да при чем здесь письмо?.. Хотя, конечно, и письмо сыграло свою роль, оно переполнило чашу.

— Опять не кругло, Черняев. Ведь письмо было адресовано не вашей жене, а соседке. Какую же чашу оно переполнило?

— Но я-то ведь этого не знал, заверяю вас. Я нашел письмо у Ольги, у своей жены, а она подтвердила, что письмо это предназначалось ей. Но разве только в письме дело? Вы бы только знали, как последний год нашей совместной жизни она обращалась со мной, как разговаривала, как глядела на меня... А ведь я любил ее, любил безумно. Не мог я смириться с мыслью, что она уйдет, будет принадлежать другому. Убить, уничтожить — другого выхода я не видел.

Черняев замолк. Он опустил голову, поник.

— Как же вы осуществили ваше решение? — задал вопрос Луганов. — Только прошу рассказать точно. И правду.

— Как осуществил? О, я долго вынашивал разные планы. Путь, сама того не ведая, подсказала Ольга. Когда она сообщила о своем намерении уехать, решение пришло мгновенно. Мы с ней договорились, что во избежание огласки нашего разрыва представим дело так, будто она едет на курорт. Лечиться. Достать путевку и билет на поезд было моей заботой. Сделал я это без труда. Но, вручив Ольге путевку, билет попридержал, взял же его не на двадцать восьмое — день отъезда, а на двадцать седьмое, никому не сказав об этом ни слова. Дальнейшее было просто. Двадцать восьмого мая мы отправились на вокзал. Все соседи по квартире, знакомые были уверены, что Ольга уехала. На вокзале в момент посадки на поезд обнаружилась «ошибка». Билет был недействителен. Ольге пришлось вернуться со мной домой, в пустую квартиру. Соседки не было, она ушла на работу. У меня оставался последний шанс: я просил Ольгу выбросить из сердца того, другого, умолял ее, угрожал... Все было тщетно. Она и слушать не хотела. Тогда... тогда я ее ударил, сбил с ног и... утюгом... — Черняев всхлипнул и закрыл лицо руками.

— Знал кто-нибудь о совершенном вами преступлении? — спросил Миронов.

— Нет, что вы, кто мог знать!

— Ударили вы левой или правой рукой? — внезапно задал вопрос Миронов.

— Я? Конечно, правой. Я не левша.

— А есть среди ваших знакомых, друзей левша?

— Нет, как будто нету. Не знаю. Я не задумывался над этим.

— Вернемся к делу. Что вы еще можете добавить к своим показаниям?

— Я сказал все. Судите меня, расстреляйте, один конец. Жизнь кончилась.

Миронов усмехнулся:

— Смотрю я на вас, Черняев, и диву даюсь. Советский человек, офицер, не один год в партии, а как рассуждаете? «Я приговорил», «я привел в исполнение приговор», «мое личное дело», «я», «мне», «мое». Да кто вам дал право так судить, так распоряжаться человеческой жизнью? Теперь вы так же легко решаете за следственные органы, за советский суд, какой мере наказания вас подвергнуть. Странно как-то все это у вас получается. Да и декламациям вашим грош цена. «Все сказал»! Где там все? Вы еще и не начали говорить...

Черняев попытался заговорить, но Миронов решительно оборвал его:

— Да, да. Вы еще и не начали говорить. Ну, что вы нам рассказали? Признались в том, что убили Ольгу... Величко? Так нам это и без вашего рассказа известно. Заговорили-то ведь вы под тяжестью улик, рассказывали о том, в чем были изобличены. Нет, Черняев, наш разговор только начинается...

— Но что, что вы от меня хотите? В чем еще я должен признаваться? — голос Черняева сорвался.

— Не надо, Черняев, хватит, — с брезгливой миной сказал Миронов. — Вы сами превосходно знаете, о чем вам надо еще рассказать. Начать хотя бы с того, что вы ни слова не сказали о том, что делала ваша бывшая жена в фашистской неволе, в американских лагерях для перемещенных лиц. Почему она сменила фамилию, превратилась в Величко? Что же вы думаете, мы поверим вашим нелепым рассказам, будто вы этого не знали? Пустое!

— Ольга была в плену, в американских лагерях? Ее фамилия не Величко? Нет, это невероятно, этого не могло быть!

— Ну, знаете ли, Черняев, всякому терпению бывает конец, — впервые повысил голос Миронов. — Вам, очевидно, надо еще серьезно подумать, прежде чем вы поймете, как надлежит себя вести. Кстати, Василий Николаевич, — обратился Миронов к Луганову, — гражданин Черняев интересовался орденом на арест. Предъяви ему ордер.

— Зачем? — безразличным тоном сказал Черняев. — У меня претензий нет...

— А вы все-таки ознакомьтесь, — потребовал Луганов. Черняев с явной неохотой взял ордер, бегом пробежал его, вздрогнул и прочел еще раз, вглядываясь в каждое слово.

— Та-а-ак, — сказал он протяжно, внезапно успокаиваясь. — Значит, я арестован не милицией... Все ясно.

ГЛАВА 14

— Посмотрим, что же он показывает, — поинтересовался полковник Скворецкий, бегом просматривая протокол допроса. — Насчет объявления, насчет водосточной трубы вы, надеюсь, его не спрашивали?

— Что вы, Кирилл Петрович! Разве можно?

— Да, — согласился Скворецкий. — Спешить не следует. Посмотрим, может, что даст обыск на его квартире.

— Если не возражаете, Кирилл Петрович, мы с Лугановым поедем туда сейчас.

Захватив в помощь опытного криминалиста и лаборантку, Миронов и Луганов отправились на квартиру Черняева. В качестве понятых они пригласили домоуправа и Ольгу Зеленко.

По рассказам Левнович и Зеленко Миронов хорошо представлял себе расположение квартиры, в которой жил Черняев. В просторную прихожую выходило несколько дверей. Одна из них вела в узенький коридорчик, к кухне и другим местам общего пользования, другая, рядом, — в комнату Зеленко, третья — в те комнаты, которые занимали Черняевы. Одна из комнат, большая, была проходной и служила столовой. Другая, поменьше, — спальней.

Закончив осмотр мебели в столовой, Миронов и Луганов, сдвинув стол и стулья к стене, взялись за ковер, покрывавший чуть не весь пол в комнате. Не успели они скатать его до половины, как на паркете проступило чуть заметное буроватое пятно.

— Товарищ лейтенант, — обратился Луганов к лаборантке. — Займитесь. Это по вашей части. Ольга Иванова, — повернулся он к Зеленко, — давно Черняев приобрел этот ковер?

— Нет, не очень. Месяца два-три тому назад.

— Давайте уточним, — попросил Миронов. — До... отъезда Ольги Николаевны — я имею в виду его бывшую жену — или после?

— После, конечно. Как она уехала, тут он и ковер привез. Купил где-то. Говорил, в комиссионном.

— Ясно, — заметил Луганов. — Грубая работа.

Обыск в столовой был закончен, и все перешли в спальню. Луганов начал с осмотра гардероба, стоявшего возле одной из стен, а Миронов занялся широченной двуспальной кроватью и тумбочками.

Гардероб оказался больше чем наполовину пуст. В нем сиротливо висело несколько мужских костюмов, штатских и военных. Женской одежды не было никакой.

Внимательно осмотрев содержимое гардероба и тщательно простучав его стенки, Луганов не обнаружил ничего интересного: Миронов все еще возился с тумбочками, чем-то они привлекли его внимание.

Сначала он исследовал тумбочку, которая, как он понял, принадлежала Черняеву. В ее нижнем отделении находились стоптанные мужские домашние туфли. В верхнем выдвижном ящике кое-какая мелочь: скомканный носовой платок, пустой футляр из-под очков, несколько пакетиков с лекарствами. Ничего подозрительного не было.

Вторая тумбочка, которая, видимо, принадлежала в свое время Ольге Николаевне, была сейчас пуста. Тем не менее Миронов и ее осмотрел самым тщательным образом.

Тоже как будто все в порядке. Однако, когда Миронов вынул верхний ящик, ему показалось, что он чуть короче. Тогда он взял оба ящика и сравнил их. Ящик тумбочки Корнильевой был короче, чем черняевской.

Миронов взял ящик и вставил его в тумбочку Корнильевой: ящик до конца не вошел. Миронов вынул ящик и приложил его к тумбочке сбоку: размеры совпали. Ящик должен был закрываться. А он не закрывался.

По просьбе Андрея Зеленко принесла молоток и отвертку, и Миронов с Лугановым принялись за работу. Осторожно они принялись снимать с тумбочки верхнюю крышку. Сняли ее, но ничего интересного под ней не оказалось.

Тогда они перешли к крышке другой тумбочки, черняевской. Тут тоже не было ничего заслуживающего внимания, но Миронову и Луганову сразу бросилось в глаза, что задняя стенка тумбочки Черняева была значительно тоньше, чем такая же на тумбочке Корнильевой. Миронов измерил — сомнения не было: задняя стенка второй, корнильевской тумбочки, была почти на два сантиметра толще, чем первая. Прошло несколько минут, и Миронов обнаружил незаметную сначала, плотно пригнанную дощечку, которая закрывала верх задней стенки тумбочки. Своим устройством она напоминала крышку детского пенала для карандашей. Когда крышка была выдвинута, под ней оказалось нечто вроде узкого продолговатого ящичка, заполненного ватой.

— Тайник. Вот он. В натуральную величину, — громко, с нескрываемым торжеством сказал Андрей.

Домоуправ и Зеленко, подошедшие по приглашению Миронова поближе, затаив дыхание рассматривали тайник.

— Что же, — растерянно спросил домоуправ, — золото они тут, что ли, хранили? В этих вот в коробочках?

— Зачем золото? Тут, думаю, кое-что поинтереснее. Сейчас разберемся, — ответил Миронов и уверенным движением извлек из тайника небольшой темный предмет, напоминавший продолговатую плоскую коробочку. — Вот это, например, миниатюрный фотографический аппарат вполне современной конструкции. Годится для съемок в сумерках, при плохом освещении.

Вслед за аппаратом был извлечен среднего размера флакончик с плотно завинченной крышкой.

— Так, — продолжал пояснять Миронов, — это, по-видимому, средство для тайнописи. Экспертиза разберется. Ага! Вот и карандаш для тайнописи. А это что? Авторучка? С ней прошу поосторожней: она может выстрелить.

Затем из тайника были извлечены непривычной формы блокнот и какие-то записи, являвшиеся, как определил Миронов, шифром и кодом. Перед глазами присутствовавших появился целый арсенал шпионского снаряжения.

Обыск был закончен. Понятые скрепили своими подписями протокол. Двери, ведущие в комнаты Черняева, они опечатали.

— Занятная история, — говорил Луганов. — Чертовски занятная. Что же? Черняев, получается, не знал об этом тайнике? Иначе зачем он его оставил, когда уезжал? Ведь возвращаться-то он не собирался, это ясно. А Корнильева? Хороша штучка! Вот тебе и Величко. Да что ты молчишь, Андрей Иванович? Твое-то какое мнение?

— Мое? Сложное, брат, дело. Боюсь, неспроста Черняев этот тайник оставил...

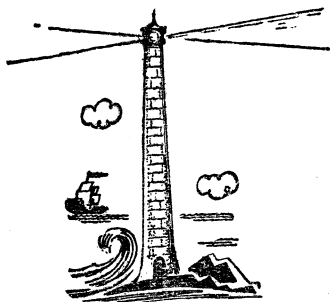
— То есть как неспроста? Значит, ты полагаешь, что Черняев знал о тайнике и сознательно его не уничтожил? Миронов поморщился.

ИЗ БЛОКНОТА ИСКАТЕЛЯ

Ю. КРЮКОВ

ОГОНЬ В НОЧИ

(Из истории маяков)

Путеводными огнями для мореплавателей издавна служили маяки.

Два величайших маяка древности были даже причислены к «семи чудесам света». Первый — Александрийский маяк на острове Фарос, построенный Состратом в 283 году до нашей эры и в течение полутора тысяч лет освещавший путь кораблям. Второй — и легендарный — Колосс Родосский, который представлял собой статую бога солнца Гелиоса высотой в 32 метра.

Статуя была изваяна Хоресом у входа в Родосскую гавань в 280 году до нашей эры. Когда в 224 году во время землетрясения она рухнула, понадобилось более 900 верблюдов, чтобы увезти обломки.

В средние века для сигналов об опасности на море разводили огромные костры из смоляных бочек. В эпоху Возрождения снова вернулись к необходимости возводить маяки.

В 1695 году в двадцати километрах от Плимута, посередине Британского канала на

— Ничего я пока не «полагаю», просто рассуждаю вслух. В нашем деле нужны факты, факты, факты и еще раз факты. И для того чтобы «полагать», тоже требуются факты. Но их пока настолько мало, что делать какие-либо выводы рано. Больше того: если бы не водосточная труба, не история с Савельевым, я готов был бы стать на твою точку зрения, что Черняев никакого отношения к тайнику не имел и все это дело рук Корнильевой. А сейчас не могу. Нельзя пока делать выводы. Рано.

(Окончание следует)

Эддистонских скалах началось строительство маяка, а в ноябре 1698 года на вершине его был впервые зажжен сигнальный фонарь. Эддистонский маяк строил некто Уинстенлей. Он был настолько уверен в прочности сооружения, что выразил желание остаться на нем в самую сильную бурю... Через пять лет, когда Уинстенлей и двое рабочих находились на маяке, разыгралась буря, разрушившая его до основания. На месте постройки нашли только разорванную железную цепь...

Однако Эддистонские скалы нельзя было оставить без маяка. Спустя два с лишним года за его постройку взялись капитан Ловет и торговец Реднард. Новое сооружение имело форму сахарной головы и покоилось на прочном фундаменте из камня и дубовых бревен. Высота фундамента составляла 3 метра, высота деревянной башни на нем — 25 метров. Сорок шесть лет маяк освещал путь судам, а в 1755 году сгорел по неизвестной причине. Следующим, кто строил маяк на Эддистонских скалах, был Джон Смитон.

Прежде чем приступить к работам, Смитон отправился на лодке осмотреть остатки сгоревшего маяка. И чуть не погиб в яростных волнах.

«Я считаю, что недостаток прежнего маяка в его легкости. Если бы он не сгорел, его все равно снесла бы буря. Свой маяк я построю из камня», — заявил Смитон, вернувшись.

Работы были начаты 6 августа 1756 года. На берегу по точным чертежам Смитона изготавливались плиты из гранита и портландского облита. Вес некоторых из них достигал двух-трех тонн. Камни скреплялись сверху, снизу и с боков и заливались цементом. Работы были закончены за три года. Высота маяка составляла 26 метров. Он простоял 123 года, стойко отражая натиск волн. В конце восьмидесятих годов прошлого столетия его пришлось заменить, так как волны размыли скалу, на которой он был воздвигнут. Верхнюю часть маяка тщательно разобрали по камням и отвезли в Плимут, где собрали вновь как памятник. На другой части рифа в

1882 году Джеймс Дуглас построил новый маяк. Его фонарь находится на высоте 40 метров над уровнем моря и виден морякам на расстоянии 30 километров.

Такова история Эддистонского маяка.

В течение XIX столетия было построено множество маяков. Интересна история создания Ротесандского, построенного в 1885 году вблизи Бремергофена. Возведен он не на скале, а непосредственно на морском дне. Основанием его служит гигантский железный кессон, опущенный на прочный грунт и заполненный каменной кладкой и бетоном. Дно моря на два десятка метров вокруг засыпано огромными камнями. Толщина этого «каменного пояса» достигает 10 метров. Высота подводной части строения — 32 метра, над водой маяк возвышается еще на 34 метра. Свет гигантского фонаря виден более чем на 60 километров.

Смитоновский маяк на Эддистонских скалах освещался 24 свечами, они помещались в специальном канделябре. Новый маяк, построенный на его месте, имел источник света в 159 600 свечей...

В наше время безопасность кораблей в море обеспечивается многими надежными средствами науки и техники, но маяки по-прежнему несут свою вахту.

— Холмс, — сказал я, — взгляните. Вон там по улице бежит какой-то сумасшедший. Поразительно, как это близкие отпускают его без присмотра!

Я стоял у сводчатого окна нашей комнаты и смотрел вниз на улицу.

Мой друг лениво поднялся с кресла. Он встал за моей спиной, упрятав руки в карманы домашнего халата, и глядел в окно через мое плечо.

Было ясное февральское утро. Выпавший вчера снег сверкал в лучах зимнего солнца. Внизу, в середине Бэкер-стрит, колеса экипажей превратили его в бурю грязную массу, однако вдоль обочин дороги и по краям тротуаров он оставался белым и чистым.

Хотя тротуары уже и очистили, но все же было очень скользко и пешеходов на улице было меньше обычного. Сейчас в нашу сторону от станции подземки шел всего лишь один человек. Его эксцентричное поведение и привлекло мое внимание.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, солидный, с широким решительным лицом и представительной фигурой. На нем были темный сюртук из дорогого материала, хорошо сшитые светло-серые брюки и аккуратные коричневые гетры. Но все его поведение

«Берилловая диадема» на русском языке была опубликована в сборнике рассказов о Шерлоке Холмсе, выпущенном в 1908 году. Новый перевод для «Искателя» сделан В. Штенгелем.

было в вопиющем противоречии с внешностью и одеждой. Он бежал вприпрыжку, скользя и оступаясь, размахивая руками, дергал головой.

— Что это с ним? — недоумевал я. — Он, кажется, рассматривает номера домов.

— Я думаю, он торопится сюда, — сказал Холмс, потирая руки.

А. КОНАН-ДОЙЛЬ

Рисунки С. ПРУСОВА

Берилловая

Диадема

— Сюда?

— Да. Уверен, ему нужна моя консультация. Все признаки налицо. Ну, не прав ли был я?

В то время как он это говорил, незнакомец, гяжело дыша, бросился к нашей двери и принялся судорожно дергать колокольчик, пока весь дом не огласился звоном.

Спустя мгновение он вбежал в нашу комнату, все еще задыхаясь и жестикулируя. В глазах и на лице у него был отпечаток такого горя и отчаяния, что наши улыбки тут же сменились глубоким сочувствием и жалостью. Некоторое время он не мог вымолвить ни слова. Только раскачивался всем телом и рвал на себе волосы, как человек, доведенный до грани сумасшествия. Потом вдруг бросился к стене и ударился о нее головой с такой силой, что мы оба кинулись к нему и оттащили его в середину комнаты. Холмс усадил нашего посетителя в кресло, сел напротив и, тихонько поглаживая его руку, заговорил так мягко и успокаивающе, как только он один умел это делать.

— Вы пришли ко мне, чтобы рассказать все, что с вами случилось, — сказал он. — Вы утомились от быстрой ходьбы. Успокойтесь, придите в себя, и я с радостью окажу вам нужную помощь.

Незнакомец с трудом боролся со своим волнением. Грудь его тяжело вздымалась. Наконец он провел платком по лбу, сжал губы и повернулся к нам.

— Без сомнения, вы думаете, что я сумасшедший? — спросил он.

— Нет, я лишь вижу, что с вами стряслась большая беда, — ответил Холмс.

— О да! Бог свидетель, какая это ужасная беда, внезапная и страшная, способная до основания потрясти мой рассудок. Бесчестие! Я вынес бы его, хотя на моей совести никогда не было ни одного пятнышка. Личное несчастье — и это может быть уделом каждого. Но то и другое одновременно, да еще в такой ужасной форме! Кроме того, это несчастье касается не меня одного. Может пострадать видный деятель страны, если только не будет немедленно найден выход из моего ужасного положения.

— Прошу вас, успокойтесь, сэр, — сказал Холмс, — и расскажите, кто вы и что с вами произошло.

— Мое имя, возможно, известно вам, — проговорил посетитель. — Я Александр Холдер из банкирского дома «Холдер и Стевенсон», что на Трэднидл-стрит.

Это имя действительно было нам знакомо; оно принадлежало старшему компаньону второй по значению банкирской фирмы лондонского Сити.

Сделав над собой громадное усилие, Холдер взял себя в руки и приступил к рассказу.

— Я чувствую, время дорого, — сказал он. — Поэтому, как только полицейский инспектор порекомендовал мне обратиться к вам за помощью, я немедленно поспешил сюда. Я добрался до Бэкер-стрит поездом подземки и бежал от станции пешком, так как кебы

очень медленно движутся по глубокому снегу. В беге я тренирован мало и потому так запыхался. Сейчас мне лучше, и я изложу все факты как можно короче и яснее.

Вам, конечно, известно, что в банковском доме многое зависит от умения выгодно вкладывать средства и от расширения клиентуры банка. Один из наиболее выгодных способов инвестирования средств — выдача денег в виде займов под солидное обеспечение. За последние годы мы немало сделали в этом отношении. Мы ссужали крупными суммами представителей знатных семейств под обеспечение их фамильных библиотек, обстановки, сервизов.

Вчера утром я сидел в своем кабинете в банке, когда один из клерков принес мне визитную карточку. Я вздрогнул, прочитав имя, стоящее на ней, потому что это был не кто иной, как... Впрочем, пожалуй, даже вам я не осмелюсь его назвать. Одним словом, это имя известно всему миру, имя одного из самых видных деятелей Англии.

Я был ошеломлен оказанной мне честью и собирался выразить свои чувства высокому посетителю, как только он войдет. Но он сразу прервал меня с видом человека, желающего быстрее закончить неприятное дело.

«Мистер Холдер, — сказал он, — я слышал, что вы предоставляете ссуды?»

«Да. Фирма дает ссуды под надежное обеспечение», — ответил я.

«Для меня совершенно необходимо, — заявил он, — получить немедленно ссуду в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Конечно, столь небольшую сумму я мог бы занять и у своих друзей, но я предпочитаю сделать этот заем в деловом порядке.

Я вынужден сам заняться этим вопросом, так как при занимаемом мною положении считаю неудобным вмешивать в это дело посторонних».

«Позвольте узнать, на какой срок вам нужна эта ссуда?» — осведомился я.

«В будущий понедельник мне должны выплатить крупную сумму денег, и я погашу вашу ссуду с уплатой любого процента. Но мне крайне важно, чтобы ссуда была выплачена сразу».

«Я почел бы за счастье ссудить вас этой суммой безоговорочно из своих личных средств, если бы это было возможно. Но поскольку придется это сделать от имени фирмы, простая справедливость по отношению к моему компаньону требует представления необходимого обеспечения».

«Вы абсолютно правы, — сказал он и взял в руки небольшой квадратный футляр, который перед тем положил на стул возле себя. — Вы, конечно, слышали о берилловой диадеме?»

«Это крупнейшее национальное достояние?» — спросил я.
«Совершенно верно».

Он открыл футляр, внутри которого на мягком розовом бархате лежало одно из великолепнейших произведений ювелирного искусства.

«В ней тридцать девять очень крупных бериллов, — сказал он. — Ценность этой диадемы вместе с золотой оправой не поддается исчислению. Даже самая минимальная ее оценка вдвое выше нужной мне суммы. Я могу оставить у вас диадему в обеспечение ссуды».

Я взял в руки футляр с драгоценной диадемой. Затем, подумав, неуверенно взглянул на своего высокого посетителя.

«Вы сомневаетесь в ее ценности?» — улыбнулся он.

«О, отнюдь нет, я сомневаюсь лишь...»

«В моем праве оставить эту вещь у вас? Можете не беспокоиться. Мне и в голову не пришла бы мысль оставить диадему, не будь я абсолютно уверен, что через четыре дня смогу ее выкупить обратно. Это только формальность. А само обеспечение вы считаете удовлетворительным?»

«Вполне».

«Вы понимаете, мистер Холдер, что, вручая вам диадему, я оказываю вам большое доверие, основанное на моих сведениях о вас. Полагаю, вы не только проявите максимальную осторожность, но и воздержитесь от любых разговоров о ней с кем бы то ни было. Прошу также иметь в виду, что диадеме следует беречь очень тщательно, ибо любой ущерб, причиненный ей, вызовет огромный скандал. Всякое повреждение повлечет почти такие же катастрофические последствия, как и потеря всей диадемы. В мире не существует подобных бериллов, и утрата хотя бы одного из них не может быть восполнена другим камнем. И все-таки, зная вас, я со спокойной душой оставляю у вас диадему. Я вернусь за нею лично в понедельник утром».

Видя, что мой клиент спешит, я позвал своего кассира и приказал ему выплатить пятьдесят тысяч фунтов стерлингов банковыми билетами.

Оставшись один, я подумал о той огромной ответственности, которую взял на себя. Не было сомнений, что в случае пропажи диадемы разразится невероятный скандал: ведь она собственность нации! Я даже начал сожалеть, что принял на себя такую ответственность. Но изменить что-либо было уже поздно. Я запер диадему в свой личный сейф и вернулся к работе.

Когда настал вечер, я подумал, что оставлять в банке такую драгоценность было бы неосторожным. Кому не известны случаи взлома банковских сейфов? А если взломают и мой? В каком ужасном положении окажусь я, случись это? И я решил носить футляр с собой, чтобы все эти дни он был постоянно в поле моего зрения. Подозвав кеб, я поехал домой в Стритхэм с футляром в кармане. Я не мог успокоиться, пока не поднялся к себе наверх и не запер диадему в бюро в моей туалетной комнате рядом со спальней.

А теперь пару слов о моих домашних. Я хочу, чтобы вы, мистер Холмс, полностью ознакомились с положением дел. Мой конюх и мальчик-слуга спят вне дома, и их можно не принимать в расчет. У меня три горничные, работающие уже много лет. Абсолютная их надежность не подлежит ни малейшему сомнению. Четвертая горничная, Люси Парр, занимающая должность официантки, служит у меня только несколько месяцев. Она поступила с прекрасной рекомендацией и очень хорошо справляется со своей работой. Люси хорошенькая девушка, привлекающая к себе поклонников, которые иногда слоняются вокруг дома. Это единственное, что мне не нравится. Но я считаю ее вполне порядочной девушкой во всех отношениях.

Вот и все о слугах. Моя же семья так мала, что мне не придется долго о ней говорить. Я вдовец и имею единственного сына, Артура. С сожалением должен сказать, что он обманул мои надежды. В этом отчасти виноват я сам. Говорят, я его избаловал. Очень может быть. Когда скончалась моя жена, я почувствовал, он — единственное, что осталось у меня в жизни. Я не мог выносить его грусти или огорчений, и потому ему ни в чем не было отказа. Может быть, для нас обоих было бы лучше, будь я с ним хоть чуточку построже.

Естественно, я мечтал, что Артур когда-нибудь сменит меня в моем деле. Однако у него не оказалось никакой тяги к финансовой деятельности. Он сделался упрямым, необузданным в своих желаниях, и, говоря откровенно, я не мог доверять ему больших денег. В юности он вступил в аристократический клуб, а позже стал своим человеком в кругу богатых и расточительных людей. Приучился к азартной игре в карты, проигрывал деньги на скачках. Это заставляло его все чаще и чаще обращаться ко мне с просьбами об авансах в счет причитающегося ему регулярного содержания. Правда, Артур неоднократно пытался порвать со своей компанией, но влияние его друга сэра Джорджа Бэрнвелла всякий раз возвращало его на прежний путь.

Собственно говоря, меня не очень удивляет, что такой человек, как сэр Джордж Бэрнвелл, смог приобрести столь большое влияние на моего сына. Артур нередко привозил его к нам, и я чувствовал, что и сам подпадаю под влияние сэра Джорджа. Он старше Артура, светский человек до мозга костей, инте-

реснейший собеседник, много поездивший, знакомый со всеми сторонами жизни, и к тому же человек большого личного обаяния. И все же, думая о нем хладнокровно в его отсутствие, вспоминая его циничные речи, я сознавал, что сэру Джорджу ни в чем нельзя доверять.

Так думал я. Того же мнения была и моя маленькая Мэри, у которой прекрасно развита женская интуиция.

Теперь остается описать лишь ее. Она моя племянница. Когда пять лет назад умер мой брат и она осталась одна на всем свете, я принял ее к себе и отношусь к ней, как к родной дочери. Мэри — солнечный луч в моем доме. Ласковая, любящая, нежная, какой только может быть женщина. К тому же она превосходная хозяйка. Она моя правая рука, и я не представляю, что бы делал, не будь ее.

И только в одном она всегда шла против моей воли. Мой сын Артур дважды просил ее руки, он любит ее, но она отказала ему. Я глубоко уверен, что если кто-нибудь на свете способен направить моего сына на путь истинный, то это только она. Брак с ней мог бы изменить всю его жизнь. Но теперь, увы! Слишком поздно. Все погибло!

Теперь, мистер Холмс, вы знакомы с людьми, живущими под моим кровом, и я продолжу свою горестную повесть.

Когда мы в тот вечер после обеда пили кофе в гостиной, я рассказал Артуру и Мэри о диадеме, которая хранится у нас, умолчав только об имени клиента.

Люси Парр, подававшая нам кофе, в это время вышла из комнаты. Я твердо уверен в этом, хотя не могу утверждать, что дверь за ней была плотно закрыта. Мэри и Артур, заинтригованные моим рассказом, хотели посмотреть знаменитую диадему, но я полагал, что лучше ее не трогать.

«Куда же ты ее положил?» — спросил Артур.

«В бюро».

«Будем надеяться, что сегодня ночью грабители не заберутся к нам», — сказал он.

«Бюро заперто на ключ», — возразил я.

«Пустяки! К нему подойдет любой ключ. В детстве я сам открывал его ключом от буфета».

После кофе он последовал за мной в мою комнату с очень мрачным лицом.

«Послушай, папа, — сказал он, опустив глаза. — Не можешь ли ты одолжить мне двести фунтов?»

«Нет! — ответил я резко. — Я и так слишком много даю тебе».

«Я знаю, ты всегда щедр ко мне, — сказал он, — но это долг чести, и мне крайне нужны эти деньги, иначе я никогда не смогу показаться в клубе».

«Тем лучше!» — воскликнул я.

«Но ты же не захочешь, чтобы я ушел из клуба обесчещенным. Я не вынесу такого позора. При любых обстоятельствах я должен достать эти деньги, и, если ты их не дашь мне, я буду вынужден принять иные меры».

Я возмущился. Ведь это была уже третья просьба за последний месяц.

«Ты не получишь ни фартинга!» — закричал я.

Он поклонился и вышел из комнаты, не сказав ни слова.

После его ухода я отпер бюро, убедился, что драгоценность на месте, и снова запер его. Затем я решил пройтись по комнатам, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Обычно эту обязанность каждый вечер выполняет Мэри, но мне казалось, что сегодня лучше сделать это самому.

Спускаясь с лестницы, я увидел Мэри. Она закрывала окно гостиной.

«Скажите, отец, — спросила она, как мне показалось, несколько встревоженно, — вы разрешили горничной Люси отлучиться сегодня вечером?»

«Нет».

«Но она только что вошла через черный ход. Думаю, она была не дальше калитки на свидании со своим поклонником, но мне кажется это неприличным. Пора это прекратить».

«Поговори с ней завтра, или, если хочешь, я сам с ней поговорю. Ты проверила, все хорошо заперто?»

«Да, отец».

«Тогда спокойной ночи, дитя мое». — Я поцеловал ее, отправился к себе в спальню и вскоре уснул...

Я подробно говорю обо всем, мистер Холмс, что может иметь хоть какое-то отношение к делу. Прошу задавать мне вопросы, если что-либо покажется вам неясным.

— Вы рассказываете достаточно ясно, — ответил Холмс.

— Сейчас я перейду к той части рассказа, которую хотел бы изложить особенно четко.

Я сплю не очень крепко, а беспокойные мысли о диадеме заставляли меня спать еще более чутко. Около двух часов ночи меня разбудил какой-то слабый шум в доме. Шум прекратился прежде, чем я окончательно проснулся, но у меня создалось впечатление, что где-то осторожно закрыли окно. Я лежал, весь обратившись в слух. Вдруг до меня донесся легкий шорох шагов в туалетной комнате рядом с моей спальней. Я соскочил с постели и, дрожа от страха, выглянул за дверь.

«Артур! — кричал я. — Негодай! Вор! Как ты посмел взять диадему!»

Газ был притушен, и при его свете я увидел своего несчастного мальчика, одетого только в рубашку и брюки. Он стоял около газовой горелки. В руках у него была диадема, и мне показалось, что он изо всех сил сгибает или выкручивает ее.

Услышав мой крик, Артур выронил диадему и повернулся ко мне бледный как смерть. Я схватил сокровище и поднес к глазам. Одного из золотых углов с тремя бериллами не хватало.

«Подлец! — кричал я, вне себя от ярости. — Ты разорил меня! Ты обесчестил меня навек! Куда ты дел камни, которые украл?»

«Украл!» — попятился он.

«Да, ты вор! Вор!» — кричал я, тряся его за плечо.

«Ничего не пропало... Ничего не могло пропасть!» — бормотал он.

«Исчезли три берилла. И ты хорошо знаешь, где они. Ты не только вор, но и лжец! Ведь я видел, как ты пытался отломить еще кусок».

«Ты нанес мне достаточно оскорблений, — холодно сказал он. — Я не потерплю этого больше. Ты не услышишь от меня ни слова об этом деле. Я покину твой дом и стану сам пробивать себе дорогу в жизни».

«Ты покинешь мой дом, только чтобы отправиться в тюрьму! — Я кричал, обезумев от горя и гнева. — Я доведу это дело до конца!»

«Я не скажу больше ни слова, — повторил он с яростью, которой я не мог предполагать в нем. — Если ты считаешь нужным вызвать полицию — пожалуйста, вызывай, пусть они ищут, как хотят».

В бешенстве, не помня себя, я кричал так, что поднял на ноги весь дом. Мэри первой вбежала в комнату. При виде диадемы и Артура она все поняла и, вскрикнув, упала без чувств. Я послал горничную за полицией, чтобы передать в ее руки расследование преступления.

Когда полицейский инспектор и констебль вошли в комнату, Артур, мрачно стоявший со скрещенными руками, спросил меня, неужели я действительно намерен обвинить его в воровстве. Я ответил, что эта кража не мое частное дело, что поломанная диадема собственность нации и что я твердо решил дать законный ход этому делу.

«По крайней мере, — сказал он, — вы не арестуете меня сейчас? Во имя наших интересов разрешите отлучиться из дому на пять минут».

«Для того чтобы ты скрылся или получше припрятал краденое?!» — воскликнул я.

Затем, осознав весь ужас своего положения, я стал заклинать его подумать о том, что на карту поставлено не только мое имя, но и честь более высокого лица, что исчезновение бериллов вызовет публичный скандал. Я говорил ему, что всего этого можно избежать, если он скажет, где спрятаны пропавшие бериллы.

«Пойми, — говорил я, — ты схвачен на месте преступления. Признание не усугубит вины. Наоборот, если ты вернешь мне бериллы, все будет прощено и забыто».

«Сохраните ваше прощение для тех, кто просит его у вас», — сказал он и отвернулся от меня.

Я видел, что он был слишком ожесточен против меня и что мои уговоры бесполезны. Оставался один путь. Я пригласил инспектора и отдал Артура под стражу.

Полиция немедленно обыскала не только Артура и его комнаты, но и каждый закоулок в доме, где он мог бы спрятать драгоценные камни. Но обнаружить их не удалось, а негодный мальчишка хранил молчание в ответ на все наши уговоры и угрозы. Сегодня утром его отвели в тюрьму.

В полиции мне откровенно сказали, что вряд ли смогут чем-нибудь помочь мне. И вот, закончив все полицейские формальности, я поспешил к вам. Я умоляю вас применить весь свой опыт и способности, чтобы раскрыть это дело. Можете производить любые расходы, какие сочтете нужными. Мною уже подписан чек на вознаграждение в тысячу фунтов... Боже! Что же делать?! Я потерял честь, состояние и сына в одну ночь... О, что мне делать?!

Он обхватил голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, всхлипывал, как ребенок.

Несколько минут Шерлок Холмс сидел молча, нахмутив брови и устремив глаза на огонь в камине.

— У вас часто собираются гости? — спросил он.

— Нет, у нас никто не бывает за исключением моего компаньона да изредка кого-либо из друзей Артура. Недавно у нас несколько раз побывал сэр Джордж Бэрнвелл. Больше никого.

— А вы часто бываете в обществе?

— Артур — часто. А мы с Мэри всегда дома. Мы оба не любим общества.

— Это необычно для молодой девушки.

— У нее спокойный характер. К тому же она не так уж и молода. Ей двадцать четыре года.

— Скажите, все это несчастье явилось ударом и для нее?

— Она была потрясена даже больше, чем я.

— Скажите, а у вас не появлялось сомнения в виновности сына?

— Как же оно могло возникнуть, когда я собственными глазами видел Артура с диадемой в руках?

Холмс покачал головой.

— Я не считаю это решающим доказательством его вины. Была ли повреждена оставшаяся часть диадемы?

— Да, она была изогнута.

— А вам не приходила мысль, что ваш сын мог просто пытаться распрямить ее?

— Что вы! Я понимаю, ради меня вы хотите оправдать его в моих глазах. Но это невозможно. Что он вообще делал в моей комнате? Если он не виновен, так отчего же он молчит?

— Все это верно. Но обратите внимание и на другое. Если он виновен, то почему даже не пытался придумать какую-нибудь ложь в свое оправдание? На мой взгляд, в этом деле есть несколько неясных деталей. Что думает полиция о шуме, который вас разбудил?

— Они считают, что этот шум произвел Артур, закрывая дверь своей спальни.

— Очень похоже. Человек, идущий на преступление, хлопает дверью, чтобы разбудить всю квартиру! А что же они говорят об исчезновении камней?

— В поисках бериллов они еще и сейчас выстукивают стены и обследуют мебель.

— Не пытались ли они искать обломок диадемы вне дома?

— Разумеется. Они проявили огромную энергию. Весь сад был тщательно обыскан, но, к сожалению, безрезультатно.

— Теперь, дорогой мистер Холдер, — сказал Холмс, — позвольте спросить вас, разве вам не ясно, что все это дело гораздо сложнее, чем предполагаете и вы и полиция? Вам абсолютно все кажется ясным, в том числе и вина вашего сына. С моей точки зрения, это очень запутанная история. Следуя вашей теории, Артур встал с кровати, вошел в вашу комнату, открыл бюро, достал диадему, отломил с большим трудом кусок от нее, вышел куда-то в другое место и спрятал там три берилла из тридцати девяти, причем с такой ловкостью, что никто не может их разыскать, а затем вновь вернулся с тридцатью шестью оставши-

мися камнями в вашу комнату, подвергая себя огромному риску быть обнаруженным. Неужели подобная теория кажется в самом деле правдоподобной?

— Но тогда что же могло произойти?! — воскликнул банкир с жестом отчаяния. — Если его намерения были чисты, то почему он молчит?

— А вот это уже наше дело разгадать загадку, — ответил Холмс. — А теперь, мистер Холдер, отправимся вместе с вами в Стритхэм, чтобы поближе познакомиться с деталями.

Мой друг настоял, чтобы я сопровождал их в этой поездке. Впрочем, это соответствовало и моим желаниям.

Всю дорогу Холмс молчал. Погруженный в глубокое раздумье, он сидел, опустив голову на грудь и надвинув шляпу на самые глаза. Наш клиент, казалось, воспрянул духом от слабого проблеска надежды. Он даже пытался завести со мною разговор о своих банковских делах.

После непродолжительной поездки по железной дороге и еще более короткой прогулки пешком мы добрались до Фэрбенка — резиденции нашего клиента.

Фэрбенк — большой квадратный дом из белого камня. Он был расположен несколько в стороне от большой дороги. Проезд для экипажей к массивным железным воротам тянулся через занесенную снегом лужайку. Направо были заросли кустарника, за ними — узкая тропинка, ведущая к кухне. Ею пользовались поставщики продуктов и обслуживающий персонал. Налево — дорога к конюшне.

Холмс не вошел в дом вместе с нами. Он стал медленно обходить его вокруг, мимо фасада, по дорожке, которая вела на

кухню и далее через сад в сторону конюшни. Он отсутствовал так долго, что мистер Холдер и я, не дождавшись его, направились в столовую и молча уселись у камина.

Внезапно дверь открылась, и в комнату бесшумно вошла молодая леди. Она была несколько выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами. Последние казались еще темнее на фоне очень бледного лица. Я никогда еще не видел такой мертвенной бледности. Губы были совсем бескровны, глаза заплаканы. У меня сложилось впечатление, что ее горе глубже, чем у мистера Холдера. Черты лица говорили о сильной воле и огромном самообладании.

Не обращая на меня внимания, она подошла к дяде и нежно провела рукой по его волосам.

— Вы дали распоряжение об освобождении Артура, отец?

— Нет, моя девочка, дело должно быть доведено до конца.

— Я так уверена в невинности Артура. Сердце подсказывает мне это. Я твердо знаю, что он не совершал преступлений.

— Но почему он молчит, если не виновен?

— Возможно, его обидело ваше подозрение.

— Как мог я не заподозрить его, когда застал с диадемой в руке?

— О, но ведь он только поднял ее, чтобы рассмотреть! Поверьте мне, отец, он не виновен. Прекратите это дело. Как ужасно думать, что наш дорогой Артур в тюрьме!

— Я не прекращу дела, пока не найду бериллы, Мэри! Привязанность к Артуру заставила тебя забыть об ужасных последствиях его поступка для меня. Я не собираюсь прекратить это дело, более того, я пригласил джентльмена из Лондона для расследования.

— Этого джентльмена? — Мэри повернулась ко мне.

— Нет, это его друг. Тот джентльмен попросил, чтобы мы оставили его одного. Сейчас он обследует дорожку к конюшням.

— Дорожку к конюшням? — Ее темные брови удивленно поднялись. — Что же он рассчитывает там найти? А, вот и он. Надеюсь, сэр, — обратилась она к вошедшему в это время Холмсу, — вы сумеете доказать полную непричастность моего кузена к этому преступлению.

— Я твердо уверен, что сделаю это, — сказал Холмс, возвращаясь к полковнику, чтобы стряхнуть с ботинок снег. — Полагаю, я имею честь говорить с мисс Холдер. Вы позволите мне задать вам несколько вопросов?

— Пожалуйста, сэр, если мои ответы смогут помочь распутать это ужасное дело.

— Вы сами ничего не слышали сегодня ночью?

— Ничего, пока дядя не стал громко говорить. Я услышала его голос и спустилась вниз.

— Накануне вечером вы заперли все окна и двери?

— Да.

— Все ли они были заперты сегодня утром?

— Да.

— У вашей горничной есть возлюбленный. Вчера вечером вы заметили, что она выходила к нему?

— Да, эта девушка подавала нам кофе. Она могла слышать рассказ дяди о диадеме.

— Понимаю. Отсюда вы делаете вывод, что она могла сообщить о диадеме возлюбленному и что они замыслили кражу.

Мистер Холдер нетерпеливо перебил Холмса:

— Ну какой прок от всех этих теорий, когда я сам видел Артура с диадемой в руках!

— Погодите, мистер Холдер. К этому мы еще вернемся. Теперь относительно вашей прислуги, мисс Холдер. Видели ли вы, как она возвратилась?

— Да. Я пошла посмотреть, заперта ли дверь на ночь, и заметила ее у дверей. Я видела и ее возлюбленного.

— Вы его знаете?

— О да! Он зеленщик и поставляет нам овощи. Его зовут Фрэнсис Проспер.

— Он стоял, — сказал Холмс, — на тропинке слева от двери?

— Да.

— И у него деревянная нога.

Что-то вроде испуга промелькнуло в черных выразительных глазах девушки.

— Вы — маг, — сказала она. — Как вы это узнали?

Она улыбнулась, но на худощавом энергичном лице Холмса не появилось ответной улыбки.

— Теперь я хотел бы пройти наверх, — сказал он. — Впрочем, мне все равно нужно еще раз обойти вокруг дома; поэтому, пожалуй, лучше сначала осмотреть нижние окна.

Он быстро обошел окна гостиной и остановился только у большого окна, выходящего на дорожку к конюшне. Он раскрыл его и очень тщательно осмотрел через свою сильную лупу.

— Что ж, пойдемте теперь наверх, — промолвил он наконец.

Туалетная комната банкира, расположенная рядом со спальней, представляла собою скромно меблированную комнату с серым ковром, большим бюро и длинным зеркалом. Холмс сперва подошел к бюро и тщательно осмотрел замочную скважину.

— Каким ключом отперли его? — спросил он.

— Тем самым, о котором говорил мой сын, — от буфета в чулане.

— Ключ здесь?

— Вон он, на туалетном столике.

Холмс взял ключ и открыл бюро.

— Бесшумный замок, — сказал он. — Не удивительно, что вы не проснулись. В этом футляре, я полагаю, находится диадема? Посмотрим ее.

Он открыл футляр, вынул диадему и положил ее на стол. Передо мною было великолепное произведение искусства.

Таких изумительных камней, как эти тридцать шесть бериллов, мне не приходилось видеть. Один конец диадемы был отломан; там находились три исчезнувших камня.

— Вот этот угол диадемы соответствует отломанному куску? — спросил Холмс. — Не будете ли вы любезны, мистер Холдер, отломить и этот, второй угол.

— Боже меня сохрани! — воскликнул банкир, отшатнувшись в ужасе от Холмса.

— Ну, так попробую я.

Холмс взял диадему и, сжимая руки изо всех сил, попытался отломить ее угол. Попытка была безуспешной.

— Я чувствую, она немного поддается, — сказал он. — Однако, хотя у меня и очень сильные пальцы, мне, пожалуй, пришлось бы долго повозиться, прежде чем я отломил бы этот кусок. Человек с обычным физическим развитием вообще не сможет этого сделать. Ну, а как вы думаете, мистер Холдер, что случилось бы, если бы я все же сломал ее? Уверяю, раздался бы громкий треск наподобие пистолетного выстрела. Неужели вы полагаете, что это могло произойти в нескольких ярдах от вашей кровати и вы ничего не слышали?

— Я уже и не знаю, что думать.

— Продолжим же наше расследование. Может быть, тогда все разъяснится. Как считаете, мисс Холдер?

— Признаюсь, я разделяю недоумение моего дяди.

— Когда вы увидели вашего сына, мистер Холдер, на нем не было ботинок или туфель?

— Нет, он был босой. На нем не было ничего, кроме брюк и рубашки.

— Благодарю вас. Нам чрезвычайно повезло с самого начала расследования, и если мы не раскроем тайну, то это случится только по нашей вине. С вашего разрешения, мистер Холдер, я продолжу теперь поиски вне дома.

Холмс вышел один; по его словам, присутствие лишних зрителей только затруднило бы его работу.

Вскоре он вернулся.

— Мне кажется, я увидел все, что нужно, — сказал он, — и могу спокойно ехать домой.

— Но, а как же мои камни, мистер Холмс? — воскликнул банкир жалобным голосом. — Где они?

— Этого я не знаю.

Банкир в отчаянии заломил руки.

— Я никогда не увижу их! — воскликнул он. — А мой сын? Можете ли вы дать мне хоть самую маленькую надежду?

— Мое мнение о вашем сыне не изменилось.

— Тогда, ради всего святого, скажите, что произошло сегодня ночью в моем доме!

— Если вы придете ко мне на Бэкер-стрит завтра утром между девятью и десятью, я думаю, что смогу вам дать полный отчет. Даете ли вы мне свободу действий при расходовании средств с условием, конечно, что я смогу вернуть драгоценные камни?

— Я отдал бы за них все состояние!

— Прекрасно. Я тщательно исследую все дело. До свиданья. Возможно, сегодня я еще вернусь сюда.

Мне было ясно, что мысль Холмса уже проникает в тайну берилловой диадемы.

По дороге в Лондон я пытался навести беседу на эту тему, но Холмс всякий раз менял разговор. Наконец, отчаявшись, я прекратил свои попытки.

Еще не было трех часов, когда мы возвратились домой. Холмс поспешил в свою комнату. Спустя несколько минут он появился передо мной в обличье бродяги. В лоснящемся, изрядно потрепанном костюме с поднятым воротником, в стоптанных башмаках, он являл собою великолепный образчик подобного типа людей.

— Я думаю, это необходимо, — сказал он, бросив взгляд в зеркало над камином. — Мне хотелось бы взять и вас с собою, Уотсон, но это невозможно. На верном пути я или нет, но скоро мы узнаем, в чем тут дело. Надеюсь вернуться через несколько часов.

Я только что закончил пить чай, когда он возвратился в превосходном настроении, размахивая каким-то старым ботинком. Он швырнул его в угол и сел за стол.

— Сейчас я отправляюсь дальше.

— Куда же?

— На другой конец Вест-Энда. Возможно, вернусь не скоро. Не ждите меня, если я запоздаю.

— Как успехи?

— Ничего. Пожаловаться не могу. Я был в Стритхэме, но в дом не заходил. Дело довольно интересное, и я распутую его. Но, простите, сейчас мне некогда. Я еще должен переменить этот костюм на более приличный.

По его поведению я видел, у него есть все основания быть довольным результатами своей работы. Глаза Холмса блестящие, на всегда бледных щеках появился слабый румянец. Он ушел в свою комнату, переоделся в обычный костюм и поспешил к выходу. Через несколько мгновений я услышал, как захлопнулась дверь. Холмс снова отправился на «охоту».

Я ждал до полуночи, но, видя, что его все нет и нет, отправился спать. У Холмса, когда он шел по горячим следам, было обыкновение исчезать на долгое время, и меня ничуть не удивило его опоздание.

В котором часу он вернулся, не знаю, но, когда на следующее утро я пришел к завтраку, Холмс сидел за столом с чашкой чаю в одной руке и газетой в другой. Как всегда, он был бодр и подтянут.

— Простите, что я начал завтрак без вас, Ватсон, — сказал он. — Но вспомните, что скоро явится наш клиент.

— Да, уже за девять, — ответил я. — Кажется, я уже слышу звонок.

Это был мистер Холдер, но меня поразила перемена, происшедшая в нем. Его лицо, широкое и массивное, как-то осунулось, виски, казалось, побелели. Он вошел усталой походкой, вялый, и это представляло более тягостное зрелище, чем его бурное отчаяние вчерашним утром. Тяжело опустившись в придвинутое мною кресло, он с горечью проговорил:

— Не знаю, за какие уж грехи судьба так жестоко карает меня. Всего лишь два дня назад я был счастливейшим и беззаботным человеком. А сейчас опозорен и осужден на одинокую старость. Один удар за другим. Моя племянница Мэри покинула меня.

— Покинула вас?

— Да. Ее постель была не смята, комната пуста, а на столе лежала записка. Вчера я сказал ей: выйди она замуж за моего мальчика, и ничего подобного не случилось бы. Я говорил это безо всякой злобы, я был просто убит горем. Вероятно, я поступил необдуманно. Но в письме она ссылается на мои слова. Вот ее письмо.

«Дорогой дядя!

Я знаю, что принесла вам много горя. Если бы я поступила иначе, никогда не произошло бы этого ужасного несчастья. С этой мыслью я никогда уже не смогу быть счастливой под крышей вашего дома. Я покидаю вас навсегда. Не беспокойтесь о моем будущем и, пожалуйста, не ищите меня, потому что это будет беспечно и может мне только повредить.

Всю жизнь до самой смерти я буду любить вас.
Мэри».

— Что означает это письмо, мистер Холмс? Может быть, это намек на самоубийство?

— Нет, нет, ничего подобного. Возможно, это как раз наилучшее разрешение вопроса. Я уверен, мистер Холдер, что ваши испытания близятся к концу.

— Вы так думаете? Вероятно, вы слышали что-нибудь, мистер Холмс? Может быть, узнали, где бериллы?

— Скажите, не посчитаете вы чрезмерной затратой тысячу фунтов за каждый камень?

— Я заплатил бы и по десять тысяч.

— Это излишне. Трех тысяч фунтов вполне достаточно. И кроме того, я полагаю, некоторое вознаграждение положено мне. Ваша чековая книжка при вас? Вот перо. Пишите чек на четыре тысячи фунтов.

С изумленным лицом банкир выписал чек. Холмс подошел к письменному столу, вынул из него маленький треугольный кусок золота с тремя бериллами и положил на стол.

Мистер Холдер, издав радостный крик, схватил найденное сокровище.

— Вы достали их!.. Я спасен, я спасен! — повторил он задыхаясь. Он весь светился от радости и со счастливой улыбкой прижимал к груди кусок диадемы.

— А ведь за вами числится еще долг, мистер Холдер, — сказал Холмс сурово.

— Долг? — банкир схватил перо. — Назовите любую сумму, и я выплачу ее.

— Нет, вы не мой должник. Вы обязаны принести извинения этому благородному юноше, вашему сыну. В продолжение ужасного испытания, через которое ему довелось пройти, он держал себя мужественно и благородно. Имей я сына, я был бы счастлив, если бы он вел себя так же.

— Значит, не Артур взял их?
— Я вам говорил это вчера и повторяю то же самое сегодня.
— О, если это так, то поспешим скорее к нему и сообщим, что правда восторжествовала!

— Он уже все знает. Выяснив все, я беседовал с ним. Поняв, что он ничего не расскажет мне, я сам поведал ему подробности этой истории, и он признал их достоверность. Артур осветил лишь очень немногие детали, еще неясные мне. Новость, которую вы нам только что сообщили, возможно, побудит его рассказать вам все подробности.

— Ради всего святого, скажите, что это за невероятная тайна?

— Сейчас я вам все объясню и расскажу, каким путем мне удалось добраться до истины. Однако разрешите перед этим сообщить вам самое тяжелое: между вашей племянницей Мэри и сэром Джорджем Бэрнвеллом был сговор о похищении бериллов. Сейчас они оба скрылись.

— Моя Мэри?.. Это невозможно!

— К сожалению, это не только возможно. Это факт! Ни вы, ни ваш сын не знали как следует сэра Джорджа Бэрнвелла, принимая его в своем доме. А он один из опаснейших субъектов в Англии, проигравшийся картежник, отъявленный негодяй, человек без сердца и совести.

Ваша племянница не имела представления о подобных людях. Слушая его признания и клятвы, она верила, что только ею завоевана его любовь. Но он говорил то же самое многим до нее. Не знаю, как он сумел подчинить ее своей злой воле, но так или иначе она стала послушным орудием в его руках. Они встречались почти каждый вечер.

— Я не могу, не хочу этому верить! — вскричал банкир. Лицо у него сделалось пепельно-серым.

— А теперь я расскажу о том, что произошло в вашем доме вчера ночью. Когда ваша племянница убедилась, что вы ушли к себе, она спустилась вниз и разговаривала со своим любовником. Для этого Мэри приоткрыла окно, которое выходит на дорожку, ведущую к конюшне. Следы сэра Джорджа ясно отпечатались на снегу возле окна. Она рассказала ему о диадеме. Это пробудило его алчность. Он применил все свое влияние и окончательно подавил ее волю. Я не сомневаюсь в том, что она любит вас, но есть категория женщин, у которых любовь к мужчине способна преодолеть всякие другие чувства. Я думаю, Мэри из числа подобных женщин. Едва выслушав его требование о похищении диадемы, она заметила, что вы спускаетесь по лестнице. Тут, быстро закрыв окно, она и рассказала вам историю о свидании горничной с зеленщиком. Это была чистая правда, он действительно приходил к Люси.

После объяснения с вами Артуру не спалось. Его тревожили клубные долги. Ночью он услышал осторожные шаги. Они прощуршали мимо его двери. Он встал, выглянул за дверь и с изумлением увидел свою двоюродную сестру. Она шла крадучись по коридору и исчезла в вашей комнате. Ошеломленный этим зрелищем, Артур наскоро оделся и ждал в темноте дальнейших событий. Мэри появилась снова. При свете лампы в коридоре ваш сын увидел у нее в руках драгоценную диадему. Она спустилась по ступенькам. Трепеща от ужаса, Артур перебежал

и спрятался за портьерой около вашей двери; оттуда он мог видеть все, что происходило в гостиной. Мэри украдкой отворила окно, передала кому-то диадему, а затем снова закрыла окно и поспешила в свою комнату, пройдя совсем близко от Артура.

Пока Мэри была в коридоре, Артур ничего не мог предпринять. Но едва она скрылась за дверью своей комнаты, он, осознав, каким сокрушительным несчастьем будет для вас пропажа диадемы, полуодетый и босой, бросился вниз, распахнул окно, выскочил через него в сад и помчался по дорожке, в конце которой в лунном свете был виден чей-то темный силуэт.

Сэр Джордж Бэрнвелл пытался скрыться, но Артур догнал его, и между ними завязалась борьба. Ваш сын тянул диадему за один конец, его противник — за другой. В драке ваш сын ударил сэра Джорджа и поранил ему лицо. Затем что-то неожиданно хрустнуло, и ваш сын, обрадовавшись тому, что диадема у него в руках, побежал обратно, закрыл окно и поднялся в вашу комнату. Только тут он заметил, что диадема погнута в пылу борьбы. Он пытался распрямить ее. Но в это время вошли вы.

— Боже мой!.. Боже мой!.. — задыхаясь, повторял банкир.

— Артур был убежден, что заслуживает благодарности за свой поступок, и его потрясло ваше несправедливое обвинение. Он не мог рассказать вам правду, не предав той, которая все еще была дорога ему. Он вел себя по-рыцарски и сохранил ее тайну.

— Так вот почему она вскрикнула и упала в обморок, когда увидела диадему! — воскликнул мистер Холдер. — Бог мой, каким же безумцем я был! А просьба Артура отпустить его хотя бы на пять минут! Бедный мальчик думал отыскать отломанный кусок диадемы на месте схватки. Как жесток я был с ним!

— По приезде к вам, — продолжал Холмс, — я в первую очередь внимательно обследовал территорию вокруг дома. Я надеялся, что найду на снегу какие-нибудь следы, которые могут помочь мне. Снега со вчерашнего вечера не выпадало, а сильный мороз должен был хорошо сохранить отпечатки на нем. Я прошел по дорожке для обслуживающего персонала, но она была вся истоптана. Однако за ней, в стороне от кухонной двери, виднелись следы ботинок женщины, стоявшей рядом с мужчиной. Оставленные им круглые отпечатки показывали, что одна нога у него деревянная. Я заметил и то, что им помешали, так как женщина быстро пошла к двери дома. Об этом говорили более глубокие отпечатки носков ботинок и слабые отпечатки пяток. Человек с деревянной ногой подождал немного, а затем ушел.

Я тут же подумал, что это могли быть горничная и ее возлюбленный, о которых вы говорили мне. Впоследствии так это и оказалось.

Я обошел сад, но не заметил тут ничего, кроме беспорядочных следов, тянувшихся во все стороны. Это были следы полудетских. Но когда я дошел до дорожки, которая ведет к конюшне, мне открылась отпечатанная на снегу длинная и полная драматических событий история этой ночи.

Там протянулась двойная линия следов человека в ботинках

и вторая двойная линия, которая, как я заметил с удовлетворением, принадлежала человеку, бежавшему босиком. Я был уверен, что эти следы принадлежат вашему сыну. Это потом вы подтвердили мне своим рассказом.

Первый человек шел в одном и в другом направлениях, второй — бежал. Поскольку следы его ног отпечатались там же, где остались следы ботинок, было очевидно, что второй человек гнался за первым. Я пошел вдоль следа, и он привел меня к окну вашей гостиной, где ботинки истоптали весь снег в ожидании. Затем я направился в обратную сторону. Следы тянулись примерно на сотню ярдов вниз по дорожке. Я заметил, что человек в ботинках остановился и обернулся. Снег был сильно истоптан, словно тут шла борьба. Наконец я обнаружил несколько капель крови, и это свидетельствовало о том, что я не ошибаюсь. После этого человек в ботинках бросился бежать по дорожке, и новые следы крови сказали мне, что ранен был он. У дороги в конце тропинки следы обрывались, так как мостовая там была очищена от снега.

Войдя в дом и, как вы помните, осмотрев подоконник и раму окна в гостиной через лупу, я сразу заметил, что кто-то перелезал через окно. Я даже смог различить контуры следа мокрой ноги, обращенного внутрь комнаты. После этого я был в состоянии уже представить себе все, что произошло. Какой-то человек ждал у окна, и кто-то принес ему драгоценности. Это заметил ваш сын. Он бросился преследовать вора и вступил в борьбу с ним. Каждый из них тянул диадему к себе. Ибо одному человеку сломать диадему было бы не под силу. Ваш сын вернулся со своим трофеем, обломок диадемы остался у его противника. До этого момента мне все было ясно. Но возникал вопрос: кто был борющийся с вашим сыном, кто принес ему диадему?

Мой старый принцип расследования состоит в исключении всего явно невозможного. Тогда то, что остается, — истина, какой бы неправдоподобной она ни казалась.

Я знал, что не вы принесли диадему. Значит, это могла сделать только ваша племянница или горничные. Но если бы это были горничные, то ради чего ваш сын согласился бы принять вину на себя? Тут не могло быть двух толкований. Поскольку вы сами говорили, что Артур любит свою двоюродную сестру, мне стало ясно: он молчит, оберегая ее тайну. Я вспомнил, что вы застали ее у окна и что она упала в обморок при виде диадемы. Теперь все предположения превратились в уверенность.

Но кто же ее сообщник? Разумеется, любовник. Лишь ради него она могла пойти на преступление вопреки привязанности и благодарности, которые должна была чувствовать к вам.

Я знал, что вы редко бываете в обществе и что круг ваших знакомых очень ограничен. Однако в их числе был сэр Джордж Бэрнвелл. Я слышал о нем прежде как о волоките. Любовником Мэри мог быть только он. И только у него могли находиться пропавшие бериллы.

Он должен был считать себя в безопасности, ибо он знал, что ваш сын не скажет о нем ни слова, чтобы не скомпрометировать свою собственную семью.

Ну, а теперь здравый смысл подскажет вам, какие меры

я принял. Переодевшись бродягой, я отправился к дому сэра Джорджа. Познакомившись с его лакеем, я узнал, что его хозяин накануне поранил голову, и, наконец, за шесть шиллингов купил старые ботинки сэра Джорджа. С ними я отправился к вам в Стритхэм и убедился, что следы на снегу точно соответствуют ботинкам.

— Знаете, вчера вечером я видел какого-то бродягу на дорожке, — сказал мистер Холдер.

— Прекрасно. Это был я, — усмехнулся Холмс. — Я понял, что теперь сэр Джордж в моих руках. Затем я вернулся домой и переоделся в обычный костюм. Мне нужно было довольно тонко сыграть свою роль, чтобы избежать судебного процесса и огласки. Я знал, что этот хитрый негодяй отдаст себе отчет, насколько связаны ваши руки в этом отношении.

Я пошел к нему и говорил с ним. Разумеется, вначале он все отрицал. Но когда я описал ему все подробности, он пытался угрожать мне и схватил висевшую на стене палицу. Мне пришлось принять свои меры. Только приставленный револьвер к виску сделал его благоразумнее. Я объявил ему, что мы согласны выкупить украденные им камни по тысяче фунтов за каждый. Только тут у него появились признаки раскаяния. «Черт возьми! — завопил он. — Я уже продал все три за шестьсот фунтов!»

Пообещав сэру Джорджу, что мы не станем возбуждать против него судебное преследование, я узнал адрес скупщика и после долгого торга приобрел у того камни за три тысячи фунтов.

Затем я отправился к вашему сыну, объяснил ему, что все страхи позади, и только к двум часам ночи добрался до дому после тяжелого трудового дня.

— Вы устранили угрозу огромного публичного скандала и спасли меня, — сказал банкир, поднимаясь с кресла. — Сэр, у меня нет слов, чтобы выразить свои чувства. Но вы убедитесь, что я не окажусь неблагодарным к вам. Ваше искусство превосходит все, что мне доводилось когда-либо слышать... А сейчас я поспешу к моему дорогому мальчику и буду просить у него прощения за несправедливость и жестокость. Что же касается бедняжки Мэри, то ее поступок глубоко поразил меня. Боюсь, что даже ваше великое умение не поможет разыскать ее.

— Я полагаю, — сказал Холмс, — что могу с уверенностью утверждать: она сейчас там же, где и сэр Джордж Бэрнвелл. Несомненно также и то, что, какова бы ни была ее вина, она скоро получит более чем достаточное возмездие.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Липрандо Великого на красочных афишах всегда именovali профессором. И ни одна аттестационная комиссия не оспорила бы его право на этот титул. Почетные дипломы трех университетов украшали стены лучшего номера гостиницы, в которой он останавливался хотя бы на один день. А вечером этого дня в местном театре, ровно в семь часов, беспощадные контролеры обрубили поток опоздавших тяжелыми топорами дверных створок. Но точность, увы, не была взаимной. Пять, десять, пятнадцать минут зрители ждали начала представления. Шумок превращался в шум, аплодисменты сменялись свистом, а потом все покрывал тяжелый топот сотен пар ног. В этот-то момент профессор Липрандо просовывал сквозь занавес свою огромную кудлатую голову.

ЛИПРАНДО и ЕГОРЕТТИ

Шутка

Рисунок С. ПРУСОВА

«Что случилось?» — спрашивал весь его недоуменный вид.

— Время! — кричал зал.

Липрандо растерянно подносил к глазам часы, потом прижимал их к уху и, успокоенно вздохнув, показывал залу: ровно семь!

Зрители глядели на свои часы. Но и они показывали примерно семь часов и одну минуту. Ожидание, долгое, томительное, выводившее из себя самых стойких, продолжалось чуть меньше шестидесяти секунд. Само оно, ожидание, тоже было номером — первым номером программы.

А затем великий Липрандо небрежным жестом отрывал от занавеса шнур длиной метра в четыре и подкидывал вверх. Коснувшись при падении одним концом пола, шнур

так и застывал, продолжая держаться только на этом конце, словно змея, стоящая на собственном хвосте. А Липрандо, деловито потерев руки, лез по шнуру вверх, пробовал дотянуться с верхнего конца его до потолка, безнадежно махал рукой, соскальзывал вниз и единым движением бровей отправлял веревку за кулисы.

Даже те, кто читал про этот знаменитый фокус индийских факиров и знал, что вся сила тут в гипнозе, терялись при виде таких чудес.

О Липрандо ходили легенды, но — увы — его редко узнавали на улице. А вот Егоретти узнавали всюду и везде. Потому что его фокусы заняли прочное место в телепрограммах всех студий страны. Но нет полного счастья! Когда на сцене Егоретти приходилось выступать сразу после Липрандо, ему хлопали разве что из вежливости. Подумаешь, умеет восстановить из кусочков бумаги собственную афишу да вынимать из воздуха столировые бумажки, а из шляпы — живых гусей. Ловкость рук. Каждый сможет, только практики не хватает.

Но, конечно, соперничество двух титанов никогда бы не зашло так далеко, не встань между ними женщина.

Клариче Ларкасси носила большой портфель, маленький носик, туфельки тридцать четвертого размера и улыбку, обращенную ко всему свету, не считая мужчин. Ее артистическая карьера, в соответствии с лучшими традициями кинозвезд, началась с деятельности уборщицы. Не прошло, однако, и полугода, как Клариче стали поручать даже вытирать пыль с трапедий.

Тогда-то на нее и упал орлиный взор Егоретти. Спустя полчаса он уже требовал у импресарио расширения своего номера. «Ему нужна девушка-ассистентка, чтобы подавать шляпы и принимать гусей». А еще через два дня Липрандо Великий выразил готовность ежевечерне четверговать кого-нибудь. Конечно, на глазах у публики. И ради бога, не надо беспокоиться, он сам подберет себе этого «кого-нибудь».

Конечно, его номер пришелся Клариче больше по душе. Приятно слышать, как охают в зале, когда два меча сверкают возле твоего лица.

Егоретти решил, что его долг уберечь Клариче от этой пассивной славы. На своих представлениях он стал сжигать ее в клетке, на каждой из решетчатых стенок которой висел пудовый замок, и Клариче стали узнавать на улице — номер передавался по телевидению.

Впрочем, когда передачу хотели повторить, получился конфуз. Телезрители увидели, как с соблюдением всех обычных церемоний Егоретти накрывает черным бархатом пустую клетку. Однако рабочий сцены Эученно вдруг схватил Егоретти за шиворот.

— Живого человека жжешь?! Ах, ты!..

— Да в чем дело?

— Клариче не спустилась в люк.

Раньше, чем успели дать занавес, Егоретти опрокинул горящую клетку. И ничего в ней не обнаружил. Клариче нашли через полчаса в фойе — она дремала на диванчике в фойе.

Даже Великому Липрандо не простили бы такой штучки («А еще член католического профсоюза», — сказал директор), если бы на следующий день тот не вышел на сцену с новым номером. Он воткнул в пол тросточку: та тут же дала зеленые побеги и вскоре превратилась в развесистое дерево, причем на кончиках ветвей повисли абажурно оранжевые апельсины.

На следующее представление билеты в кассе не продавались — все расхватили спекулянты. Но на этот раз дерево засохло на корню, не успев дать апельсины, потому что позади Липрандо появилось огромное зеркало (до сих пор неизвестно, где Егоретти взял столько алюминиевой фольги; Впрочем, на то он и фокусник). И в зеркале никаких чудес не видно было. Смешные жесты смешного человека в смешной одежде.

На следующий день Липрандо... А Впрочем, сколько можно пересказывать подвиги и подвохи?

А Клариче?

— Я предлагаю разыграть в карты право повести ее на новогодний вечер, — сказал Егоретти.

— В бридж, — согласился Липрандо.

— ...А дальше можно не играть, — сказал Егоретти, когда колода растаяла, и бросил на стол шесть старших козырей.

— Конечно, — ответил Липрандо, показывая ему те же самые карты.

— Это нечестно! В колоде только один козырной туз! Оставьте ваши чертовы штучки для сцены!

— Как и вы, синьор!..

Стол отъехал в сторону. Соперники стояли лицом к лицу, грудь к груди, сверля друг друга глазами.

Потом Липрандо мягко обнял Егоретти за талию, что-то

воркуя, провел к большому креслу и устроил его там поудобнее.

Затем вышел в фойе театра, где в этот час находились лишь актеры гастрольной труппы. Что-то нежное играла радиола. Было шумно, и весело, и беспокойно. Но по мере того как Липрандо проходил через фойе, шум стихал.

Он остановился перед Клариче, поклонился и пригласил ее на танец.

— Боже мой, — воскликнула она, — что с вами?!

Голову Липрандо украшала корона из двух десятков карт, а место галстука занял его собственный брючный ремень.

Большим мастером все-таки был Егоретти.

На 1-й стр. обложки:

«В тайны Вселенной». Рисунок художника В. Немухина.

На 2-й стр. обложки:
рисунок художника Н. Гришина к рассказу А. Е. Ван-Вогта «Чудовище».

На 4-й стр. обложки:
«Перед выходом на путину».
Фото Ю. Пойш

Читайте в следующих выпусках повесть Ж. Сименона «Револьвер Мегрэ».

Редакционная коллегия: А. П. ДНЕПРОВ, И. А. ЕФРЕМОВ, В. И. ЗЫСЛИН, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 4-10.

А02561. Подп. к печ. 15/III 1965 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8.2). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 243.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.